

А.А.Быков

За полярным кругом

Путевые заметки участника Новоземельской
правительственной экспедиции 1909 г.

Далеко за полярным кругом лежит полузабытый Богом и людьми громадный остров, получивший с незапамятных времён название Новой Земли. Лихие новгородские ушкуйники в погоне за счастьем впервые посетили этот необитаемый остров, затерявшийся на безлюдье сурового Ледовитого океана. Золота, серебра или самоцветных камней они не нашли на нём, но зато нашли у берегов этого острова обилие ценных морских животных. Привлекаемые богатой добычей морского зверя, русские промышленники стали посещать Новую Землю задолго до того времени, когда появились о ней первые сведения в Западной Европе.

Новая Земля расположена между $70\frac{1}{2}$ и 77° северной широты. Проливом Маточкин шар она разделяется на два неравные по величине острова. Всё население Новой Земли скучено в трёх пунктах южного острова: в Белушьей губе, в Кармакулах и в Маточкином Шаре. Таким образом, колонизация сосредоточилась вся на одном южном острове. Северный остров совершенно необитаем, там нет ни одного русского колонизационного пункта. А между тем с давних пор ходят тёмные слухи, что норвежцы беззастенчиво хозяйничают на Севере Новой земли, увозя оттуда полные грузы ценных промыслов.

Указывались даже определённые промысловые базы норвежцев, а именно: Крестовая и Архангельская губа на западном берегу Новой Земли. Представлялось опасение потерять северный остров Новой Земли также, как мы потеряли уже Шпицберген, старинный русский Грумант. Такой ненормальный порядок вещей, конечно, не мог не обратить на себя внимание правительства. По инициативе архангельского губернатора И.В. Сосновского была организована в 1909 году небольшая пробная экспедиция, не претендующая на серьёзное научное значение, ближайшей целью которой было обследование Крестовой губы в колонизационном отношении, проверка слухов о норвежцах и поиски

каменного угля в Крестовой губе¹, а также проектировалось с будущего 1910 года основать здесь новую колонию, становище. Далее, поставлено было в число задач экспедиции: обследование и съёмка западного побережья от полуострова Адмиралтейства до Крестовой губы, отыскание наиболее удобного прохода из Крестовой губы на Карскую сторону, проверка карт², отыскание пролива, который указан на одной из старых норвежских карт³, астролябическая и фотограмметрическая съёмка Крестовой губы, составление коллекций фауны, флоры и полезных ископаемых. В то же время предполагалось, что морское министерство не откажет командировать туда военный транспорт «Бакан» для промеров Крестовой губы и необходимых гидрографических исследований.

Начальство над экспедицией было поручено Юлию Васильевичу Крамеру, на обязанности которого кроме того лежала топографическая съёмка, метеорологические и иные работы. Далее в число участников экспедиции вошли: Владимир Александрович Русанов, геолог парижского университета⁴, Карл Александрович Лоренц, в качестве ботаника и препаратора экспедиции и Павел Александрович Галахов, младший чиновник особых поручений при архангельском губернаторе. Благодаря крайне незначительной сумме, отпущенной министерством земледелия и государственных имуществ на эту экспедицию, а именно: 2000 рублей, не представлялось возможности иметь собственного платного фотографа для иллюстрирования будущих работ экспедиции и производства фотограмметрической съёмки, а поэтому И.В. Сосновский обратился к архангельскому фотографическому Обществу с предложением командировать кого-либо из числа своих членов любителей-фотографов для участия в вышеупомянутой экспедиции. Все расходы по поездке и снаряжению предложено было принять фотографу-любителю на личный его счёт.

¹ По словам поморов, изредка промышлявших гольца в Крестовой губе, уголь встречается там в изобилии.

² Впервые съёмка Крестовой губы была произведена экспедицией Цивольки в 1838 г., т. е. семьдесят с лишним лет тому назад. Экспедиция эта кончилась печально: она стоила жизни смелому исследователю и 8 человек его экипажа. Циволька скончался в 1839 г., зимую в Мелкой губе, по соседству с Крестовой. С тех пор там никто не бывал.

³ Между Крестовой губой с одной стороны и Незнаемым заливом с другой. Наши старые карты гидрографического управления изд. 1837 г. также указывают на существование этого пролива.

⁴ В.А. Русанов побывав до этого уже два раза на Новой Земле; в 1907 году с известным зоологом Л.А. Молчановым, а в прошлом, 1908 году, участвовал во французской арктической экспедиции под начальством г. Бенара, путешествовавшего туда на собственном, великолепно оборудованном парусном судне «Жак Картье».

Далёкий северный остров Новой Земли давно интересовал меня своей таинственностью девственной пустыни, как туриста, любителя нашей суровой северной природы, а представители животного мира привлекали меня, как страстного охотника. Край непуганых птиц, царство белых медведей!.. Какой охотник может удержаться от такого соблазна? Вполне понятно, что я тотчас же изъявил своё согласие, услышав о предложении И.В. Сосновского.

Экспедиция была рассчитана на два с половиной месяца. Маршрут предполагался следующий: «Ольга»¹ т-ва мурманского пароходства направляется в первых числах июля из Архангельска в Маточкин шар, здесь, приняв на борт потребное количество собачьих упряжек и проводников-самоедов, идёт в Крестовую губу, где высаживает Лоренца, Галахова, меня и самоедов, оттуда направляется к полуострову Адмиралтейства и оставляет там Крамера с Русановым. От полуострова Адмиралтейства Крамер и Русанов идут вдоль западного берега Новой Земли на парусной шлюпке, заходя последовательно в Машигину, Северную Сульменеву и Южную Сульменеву губу. За это время оставшиеся в Крестовой губе члены экспедиций подробно исследуют её в колонизационном отношении, делают фотограмметрическую и астролябическую съёмку.

В первых числах августа Крамер с Русановым возвращаются в Крестовую губу и, соединившись с остальными членами экспедиции, предпринимают ряд экскурсий в глубь страны для выяснения наиболее удобного прохода на Карскую сторону. Найдя таковой путь, экспедиция переходит на Карскую сторону. По окончании работ на восточном берегу Новой Земли, в первых числах сентября экспедиции было предложено собственными средствами² ехать в Маточкин шар, куда явится «Ольга» во второй половине сентября. На случай, если этот переезд собственными средствами по причине осенних бурь и штормов окажется невозможным, у нас имелось письмо от губернатора³ к капитану судна

¹ Пароход «Великая Княгиня Ольга Константиновна». – прим. OCR.

² Карбас, шлюпка и бертон. Бертон — складная (из двух отдельных поперечных половинок, соединяющихся между собой на крючках) парусиновая лодка. Каждая отдельная половинка легко складывается гармоникой и представляет собой идеально удобную лодку для перевозки (и даже переноски) внутрь страны. Бертон этот был оставлен в прошлом году французской арктической экспедицией в Маточкином шаре и предоставлен в наше распоряжение. Предполагалось взять его с собой по приезде в Маточкин Шар.

³ Письмо это, разумеется, было написано по предварительному соглашению с самим г. Масленниковым, давшим на этот счёт своему капитану определённые инструкции.

Д.И. Масленникова с просьбой оказывать всякое содействие экспедиции, включительно до доставки её в Маточкин Шар.

Судно это, по предположениям, должно было промышлять гольца или в Мелкой губе, или в Матюшихе.

Таков был маршрут экспедиции.

Заготовка провианта и прочих припасов производилась с запасом, с расчётом на три месяца.

Базой экспедиции была избрана Крестовая губа. Для жилья предполагалось воспользоваться французской палаткой, оставленной экспедицией Бенара в прошлом году в Маточкином шаре, а кроме того у Русанова имелась собственная лёгкая походная палатка. В первых числах июля всё снаряжение было закончено, и экспедиция могла начать своё путешествие, ознакомление с которым и представляется благосклонному вниманию читателей моих путевых записок.

4-е июля 1909 года. Над городом тихо надвигается светлая белая ночь... Догорают яркими красками закат. Широкая Двина не шелохнётся. Запрокинулись и отразились в зеркальной глади поморские суда. Движение на рейде прекратилось... «Ольга», один из лучших пароходов т-ва мурманского пароходства, стоит, ошвартовавшись, у городской дамбы против собора. Лениво вьётся из трубы белый дымок, слышится грохот и лязг лебёдки... Спешно доканчивают погрузку перед отходом в далёкое плавание. Широкая дамба пестреет толпой провожающих.

Все члены нашей экспедиции уже давно на пароходе. «Ольга» готова к отплытию, — ждут лишь архангельского губернатора И.В. Сосновского, который уезжает с этим рейсом на Новую Землю, желая поближе познакомиться с далёкой окраиной своей обширной губернии и лично побывать в Крестовой губе, на месте будущей, самой северной, колонии.

Наконец подъезжает коляска и И.В. Сосновский появляется на пароходе.

11 часов 15 минут ночи.

Могуче гудит последний свисток.

Спешное торопливое прощание и провожающие схлынули с парохода.

Отданы причалы... Забурлила с белой пеной вода под винтом парохода, и «Ольга» тихо стала отходить от пристани...

Последние прощальные приветы... Мелькают белые платки...

«Ольга» выходит на фарватер и полным ходом идёт вниз по Двине. Последний привет остающимся... Постепенно уменьшаются и сливаются знакомые фигуры...

На корме под раскинутым тентом собрались почти все пассажиры «Ольги» во главе с И.В. Сосновским.

Крамер представляет меня губернатору...

Его превосходительство любезно расспрашивает меня о нашей предполагаемой фотограмметрической съёмке.

Перед глазами проходят одна за другой знакомые панорамы Архангельска. Далеко осталась позади Соломбала, где некогда Великим Преобразователем была основана первая в России верфь. Мы подходим к Маймаксе, центру северной промышленности. Здесь сосредоточены все лесопильные заводы. Громадные океанские пароходы пришли сюда из-за границы за лесом. У всех заводов стоят эти колоссы. Жизнь кипит ключом...

Нам предстоит продолжительная стоянка у Удельного завода и погрузка дров для нужд новоземельских колонистов. «Ольга» останавливается у биржи и начинается томительная погрузка. Помощник начальника завода г. Михайлов гостеприимно предлагает осмотреть завод. На приглашение откликнулась довольно большая компания, в которую попал и я. Осмотр завода начался с дома любезного хозяина, собственно даже не с дома, а главным образом со столовой, где был сервирован превосходный ужин и красовалась внушительная батарея. Таким образом для спешности нагрузка шла одновременно и на пароходе, и у пассажиров. Подобные «осмотры» обладают странной способностью отшибать память. И я, хоть убей, никак не могу припомнить последующих событий. Смутно мерещится большая корзина сушки, которую Лоренц конфисковал у любезного хозяина, яркое утро, грохот досок на заводе, свист пил, гудение машин. Более отчётливо удержалось в памяти удельное шампанское уже на борту «Ольги» и совсем неясно белое вино. Затем, как сквозь дымку тумана припоминаю, что я ушёл в каюту, убрал с своей койки попавшиеся мне под бок лимонадные бутылки с проявителем и положил их в корзину поверх конфискованной сушки. А дальше?..

Вероятно, уснул крепко, так как не слышал ни прихода Лоренца, ни прихода Крамера, которые оставались ещё долго наверху, где производилась после белого вина некоторыми из наиболее любознательных пассажиров экспертиза английской горькой. Кажется, была качка, хотя мы стояли на причалах. Гм-м, странное явление!..

5-е июля. Чудное утро... Великолепная погода...

Море спокойно... Полнейший штиль... Ласковой прохладой веет от широкого простора Белого моря.

Идём в виду берега.

Знакомлюсь с пассажирами «Ольги». С его превосходительством едет его близкий знакомый г. Виноградский. В числе туристов находятся г. Дециуш, управляющий архангельским отделением государственного банка, доктор Завалишин с сыном-студентом, затем несколько человек из 2-го класса. До следующего, осеннего рейса, едут на новую Землю: охотник-итальянец Alesandro Nobile Faraggiana для охоты на белых медведей в Маточкин Шар, ассистент профессора императорского спб. университета Гоби, ботаник Н.А. Симановский для сбора пресноводных водорослей, известный литератор С.С. Кандурушкин, Г.В. Морозов, студент московского университета, с И.М. Сосенковым в Белужью губу для экскурсии на Карскую сторону, художник С.Г. Писахов в Малые Кармакулы за этюдами и г. Вышемирский с препаратором-немцем г. Мюллер для собирания коллекций по орнитологии. Затем в III-м классе находятся человек 30 промышленников, все они едут для гольцового промысла. Их неуклюжими карбасами загружена вся палуба.

Когда я сидел в просторной кают-компании за утренним кофе, быстро влетает Крамер и обращается с упрёком ко мне:

— Ну, разве можно совать свои бутылки с проявителем куда попало?

— Как куда попало? Не понимаю... Они у меня кажется лежали в корзинке с сушкой, которую принёс Лоренц.

— Вот то-то и есть, в корзинке с сушкой... Кто же кладёт проявитель в корзинку с сушкой?

— Да в чём дело-то? Объясни, пожалуйста! — По кислой физиономии Крамера я начинаю догадываться в чём дело.

— Ты уж не выпил-ли у меня проявителя?

Так и есть! Оказывается, Крамер, вернувшись вчера после экспертизы английской горькой, предусмотрительно захватил с собой бутылку сельтерской и положил её в ту же самую корзинку с сушкой. А утром перепутал бутылки и попробовал освежиться проявителем.

— Какой состав у тебя проявителя?

— А ты которую часть испробовал? У меня он в двух растворах.

— Кажется первую...

— В таком случае там: гидрохинон, метол и сернистокислый натр.

— Ну, это не так уже страшно, я боялся отравиться.

Смеются пассажиры, смеётся и сам виновник переполоха.

И.В. Сосновский шутливо советует проглотить пластинку, чтоб дать реактивам работу в проявительной мастерской Крамера.

После обеда на палубе уже было довольно прохладно в лёгком летнем костюме. Потянуло холодком от близкого Ледовитого океана. Пароход чуть-чуть покачивало. Я очень чувствителен к качке, на меня действует уже самое лёгкое покачивание. Не желая так скоропалительно расставаться с только что съеденным обедом, я поспешил в каюту, чтоб принять горизонтальное положение, при котором качка на меня не действует.

В каюту заглядывает Лоренц.

— Уже?

— Нет, нет, — спешу успокоить своего заботливого компаньона. Видишь ли, когда я лежу, то совсем не чувствую никакой качки, но лишь только встану, как сейчас начинается лёгкое головокружение, и я опасаюсь, как бы мне не пришлось преждевременно расстаться с обедом.

Вечером входим в горло Белого моря...

6-е июля. Утром, когда мы огибали Канин Нос, слегка покачало.

Мы с Крамером отлёживаемся в своей каюте, хотя он и уверяет, что лежит не оттого, что качает, а благодаря будто бы вчерашнему проявителю.

Слышно, как напротив нашей каюты знакомый корреспондент «ездит в Ригу». Нельзя сказать, чтоб эти звуки примиряли меня с морским путешествием, совсем напротив, являлось настойчивое желание разделить компанию, но я упорно боролся, стараясь не слушать искушения.

Около часу дня море как будто успокоилось, и я имею возможность лёжа позавтракать. А к обеду уже настолько вошёл во вкус морского путешествия, что осмелился подняться на палубу, подышать свежим воздухом и полюбоваться океаном.

Суровый Ледовитый океан притих и хмуро волновался зеленоватыми большими волнами, медленно покачивая «Ольгу». Ширь и простор...

Подошёл к группе промышленников, скучившихся у пароходной трубы и заговорил с ними о Новой Земле, о промыслах... Седой с красным обветренным лицом старик помор, в течение тридцати с лишним лет постоянно промышлявший на Новой Земле, отзывается о гольцовом

промысле, как не об особенно выгодном, дающем лишь возможность не умереть с голоду.

По кормовой части палубы, скорчившись от холода, бегают охотник-итальянец. Увидал меня и, потирая озябшими руками красный нос, быстро заговорил по-французски, на что я не замедлил с апломбом ответить.

— Bon jour!

И тотчас же, оставив в покое французский язык, в котором я слишком слаб, начинаем объясняться к обоюдному удовольствию мимикой и жестами, причём он показывает поставленный на скамейки карманный термометр. Столбик ртути упрямо торчит на +5°R. Италиянец в ужасе всплёскивает руками.

К вечеру становится ещё холоднее.

Спускаюсь в каюту. Холодно даже в каюте. Сказывается север...

7-е июля. — Будем Вам спать! Смотрите, Новую Землю видно!..

Просыпаюсь, разбуженный весёлым окриком соседа-корреспондента.

Качки нет ни малейшей...

Ласково светит весёлое солнце. Открыв иллюминатор, я с удовольствием вдыхаю здоровый морской воздух и долго люблюсь смутной голубоватой дымкой далёких гор.

Выхожу на палубу поздороваться с нашим симпатичным капитаном, Фёдором Михайловичем Вальневым.

— А, и вы вылезли? — весело встречает меня на капитанском мостике Фёдор Михайлович.

— Да, да... Добрый день! Ну, как? Когда придём в Маточкин Шар?

— Часов девять ходу осталось только. Сейчас 9 часов, а мы на траверзе Малых Кармакул. Часам к шести придём...

Нежно-голубой дымкой тянутся на горизонте новоземельские горы. Горы с белыми пятнами снега, несмотря на июль месяц. Красивая картина... А влево, куда глаз хватит, раскинулся беспредельный простор сурового Ледовитого океана. Штиль... Не ропщет и не бурлит изумрудная гладь океана. Притих он и дремлет чуткой дремотой, развежившись под лучами полярного солнца. Мы подошли ближе к берегу и, взяв курс на север, пошли вдоль, западного берега Новой Земли... Неподвижно ожил океан бесчисленными стадами пернатого царства... Распластав крылья, реют над пароходом большие белые чайки... То там, то здесь, а порой из-

под самого пароходного носа срываются неуклюжие полярные птицы и, тяжело шлёпая по воде крыльями, поднимаются в воздух. Вот оно, царство непуганых птиц!..

Кое-кто из промышленников достали свои тяжёлые ружья и стреляют по близким стадам доверчивой птицы. То и дело вспыхивают на носу белые дымки и весёлым треском грохочут выстрелы, посылая салют голубым горам Новой Земли.

В 5 час. вечера «Ольга» бросила якорь в Поморской бухте Маточкиного Шара. Вид удивительно красивый.

Чёрные горы со снежными пятнами сгрудились и обступили Поморскую бухту. Пролив вдаль замыкается высокими остроконечными горами с белыми от снега вершинами. В миле (1¾ версты) от нас, на берегу стоят пять маленьких домиков, подавленные и затерянные среди горных громад. Мелькают крошечные издали фигурки самоедов и собак. Оживление и беготня на берегу... Слышится многоголосый гам собачьего лая и радостные крики самоедов. Ещё не успели мы бросить якорь, как от берега отделились две лодки, спешившие к пароходу. Впереди нёсся, энергично работая вёслами, в крошечной лодочке, как скорлупке, единственный русский колонист, пинежанин Яков Запасов.

Быстро взбираются самоеды, ловкие и цепкие, как обезьяны, по спущенной за борт лестнице и, вступив на палубу, сразу попадают в толпу поморов-промышленников и любопытствующих туристов. Самоеды с радостными, счастливыми лицами не успевают отвечать на сотни обращённых к ним вопросов...

Подъезжают новые карбаса, и новые самоеды появляются на палубе. Почти всё население становища было здесь налицо, радостно взволнованное прибытием парохода. Целый год жили они здесь, отрезанные от всего мира, на своём суровом острове, затеряншемся среди простора угрюмого Ледовитого океана. Проходила бесконечная полярная зима с её леденящими ветрами и метелями с ужасным новоземельским «стоком»¹, срывающим камни с гор. Мрачно висела над забытым островом долгая полярная ночь с её вспыхивающим заревом всполохов... Скучно тянулось томительно долгое время в борьбе с полярной зимой, пока снова не вышло солнце. Заискрились и заблестали под его лучами горные громады, сверху донизу усыпанные снегом. Вышло солнце и пробудилась жизнь, начались для самоедов богатые промыслы. Бродят по

¹ т.е. востоком. Господствующий зимой ветер на Новой Земле.

острову песцы и олени, шатается повсюду белый медведь. На Карской стороне среди громадных ледяных торосов плавают сердитые моржи. А сколько везде нерпы, зайцев, тюленей?! Богатый край... Настала весна, с юга летят гуси, лебеди, утки и другие представители полярного пернатого мира. Всё чаще и чаще самоеды начинают поговаривать о близком прибытии парохода. Подходят к концу запасы. Ждут парохода с всё возрастающим нетерпением...

Б.И. Садовский, собрав новоземельских колонистов на корме в пёструю группу, представляет их губернатору. Итальянец пользуется моментом и вытаскивает свой герцевский «Тенах»¹.

Самоеды подходят один за другим к губернатору и с чувством собственного достоинства важно жмут ему руку. Малиц нет ни на ком, они видимо принарядились, почти все в рваных засаленных пиджаках, из-под которых выглядывают цветные ситцевые рубашки. На ногах у всех нерпичьи пимы, подвязанные у щиколотки верёвочками. Головные уборы на нечёсанных головах с чёрными, как смоль волосами, отсутствуют... Из толпы колонистов выделяется один модник — на нём сюртук. Представительно, чёрт побери! Дырявый сюртук, весь в заплатах, усеян сальными пятнами и блестит, как шкура морского зайца, только что вынырнувшего из воды. Обтрёпанные полы заканчиваются рваной бахромой. Сюртук самоеду велик и висит на нём, как мешок... Франт облокотился на медный поручень и небрежно заложил ногу за ногу, обутое в грязные нерпичьи пимы. На голове красуется жокейская жёлтая фуражка, из-под которой выбились косматые пряди чёрных волос. Тёмно-бронзовое лицо сияет самодовольной улыбкой, которая слегка шевелит усы, торчащие щетиной вперёд.

За представлением следует неизбежное по ритуалу прибытия поднесение всем самоедам по чайному стакану водки. С непривычки водка действует на них очень быстро и свободнее развязываются языки...

После обеда И.В. Сосновский уезжает на моторе на охоту за гусями, а мы весёлой гурьбой садимся в карбас и едем на берег.

Не успеешь ступить на берег, как прежде всего поражает почти полное отсутствие растительности. Всюду камни и камни. Иногда даже через толстую подмётку больно ноге ступать по острым граням обточенных сланцевых пород. Вокруг безжизненная каменистая пустыня. Высятся мрачные тёмные горы, пестрея снеговыми пятнами.

¹ Фотоаппарат немецкой компании «С. Р. Goerz», существовавшей с 1886 по 1826 г. — прим. OCR.

Бедно и угрюмо на каменистом берегу приткнулось далёкое становище. Грязные маленькие домики окружены множеством разномастных беспородистых собак. Из всех пяти изб выделяется Борисовский¹ дом своей величиной и относительным изяществом постройки. У домов на протянутых жердях сохнут медвежьи шкуры и ремни из моржа и морского зайца, заражая воздух нестерпимым зловонием.

Не благоухают и бесчисленные бочки со звериным салом, разбросанные по всему становищу. И всюду бродят понурые голодные собаки; недружелюбно косятся на прибывших гостей; у домов лежат и стоят в разных позах целые стаи. Истинно собачье царство!

Пытаемся раздобыться для членов экспедиции малицами и нерпичьими пимами. Пимов готовых нет. Самоедки снимают мерки и обещают сшить к завтрашнему дню пять пар. У меня малица есть, у Русанова тоже. Для остальных с грехом пополам достаём три старых засаленных малицы. У крайней избы видим четырёх маленьких белых медвежат, привязанных к камням. Пленники при приближении глухо ворчат, поблёскивая исподлобья маленькими злыми глазками, и начинают метаться из стороны в сторону на короткой привязи.

В избах убого и грязно. На нарах лежать грудami звериные шкуры... Ворчат и дерутся из-за кости собаки, Боязливо жмутся в углу самоедки, испуганные нашим приходом. На вопросы отвечают робко и односложно, не смея поднять глаз... Самоеды — те гораздо разговорчивее и общительнее.

В крошечной избе Запасова несравненно чище, чем у самоедов. Там нас гостеприимно встречают жена Запасова и его невестка (сын умер на Новой Земле). Сам старик уехал с губернатором на охоту. Остаёмся здесь с Русановым и Степаном Семёновичем Кандурушкиным пить чай. Г.В. Морозов и другие идут подниматься на Пилу-гору, возвышающуюся близ становища, а Крамер с Лоренцом и Галаховым уходят на охоту на ближнее озеро.

Возвращаюсь на пароход и, забравшись в аршинный промежуток между капитанской каютой и коридором, проявляю свои первые новоземельские снимки, скрючившись в три погибели. Мне было важно убедиться правильно ли я экспонировал пластинки, так как интенсивность солнечного освещения на Новой Земле и прозрачность воздуха для

¹ Известный художник А.А. Борисов зимовал здесь в 1900-1901 гг.

меня были совершенно неизвестны, а поэтому снимки приходилось сначала делать, так сказать, ощупью. От правильного определения времени экспозиции зависели все мои дальнейшие работы, так как проявлять пластинки предполагалось уже по приезде в Архангельск. Проявив эти первые новоземельские снимки, я ориентировался в новых условиях освещения, и эта работы мне послужили потом исходной точкой при определении надлежащего времени для экспонирования всех моих последующих снимков.

На палубе разговорился с самоедами. Молодой краснощёкий Митрофан, сын Фёдора Хатанзея, рассказывает, что они вчера вернулись с Матюшина острова¹, куда ездили на охоту, и за три дня набили 195 штук гусей. Результат охоты чисто новоземельский. Охоты здесь производятся в грандиозном масштабе. Гусей засаливают впрок в тресковых бочках. Эти гуси и солёная оленина служат самоедам пищей на всю долгую полярную зиму.

Митрофан не чужд эстетическим наклонностям, заразившись вероятно любовью к живописи от известного художника Борисова, который зимовал здесь. Самоед подарил мне этюд Маточкина Шара с угольно-чёрными горами, ярко-голубой водой и с декадентскими облаками сиреневого и жёлтого цвета. Рассказывает, что он учился рисовать у Ильи Вылки, а Илья Вылка — это самобытный талант. Интересно будет поближе познакомиться с этим художником, которого так расхваливал мне самоед. Илья поедет с нами в Крестовую губу.

Меня крайне интересовало можно ли рассчитывать поохотиться на белого медведя, которые на Новой Земле бывают в летнее время лишь случайно.

Старик Фёдор Хатанзей, много лет живущий на Новой Земле, обнадёживает меня возможной, по его словам, встречей с медведем на севере, куда лежит наш путь.

— Когда сток ветер подует, то тогда на берег выйдет... — говорил самоед.

Будут восточные ветра — нагонит льду к Карскому берегу Новой Земли. А вместе со льдом появятся на острове и медведи.

— А как по-вашему, будет большой белый медведь?

— Хёведе сёроко — говорит самоед.

— А, маленький? Медвежонок?

¹ Остров против устья р. Серебрянки.

— Хёбеде ню.

Я с интересом расспрашиваю Хатанзея об охоте на белых медведей, об их привычках, их образе жизни и обо всём, чего не встретишь и не прочтёшь ни в одной книге по зоологии, так как о белых медведях в нашей специальной литературе почти ничего не известно.

До поздней ночи беседовал с самоедами, выслушивая их бесконечные жалобы на опеку заведывавшего новоземельской колонией чиновника.

Не успел заснуть, как вернулись наши охотники (убито что-то около 10 шт. гусей), а вслед за ними приехали с берега и остальные члены нашей кают-компаний. Уснуть не дали, пришлось встать и ужинать вместе с ними, несмотря на то, что было уже раннее утро.

Превосходная палатка прошлогодней арктической французской экспедиции, на которую мы возлагали такие надежды, увы... оказалась сорванной во время сильного шторма и унесённой в море.

Крепко надеясь на неё, мы не взяли из Архангельска никакой палатки. Теперь придётся нам устраивать чум и жить по-самоедски. Бертон¹ оказался, к счастью, цел. Кроме бертона и карбаса, который привезён нами с собой из Архангельска, мы берём в Крестовую губу для нужд экспедиции ещё старую парусную шлюпку, оставленную когда-то в Маточкином Шаре шведской экспедицией.

8-е июля. Стоим на якоре. Русанов волнуется, что заказанные нами нерпичьи пимы не будут готовы и уезжает на берег поторопить самоедок.

Симановский и Кандурушкин перебрались на берег в Борисовский дом, где и останутся до следующего рейса. Здесь же остаются и Вышемирский с его препаратом.

Показывал итальянцу свои негативы, которые проявлял вчера. Итальянец проникся уважением к brave photograph'у и просит меня сделать указание с какой диафрагмой и какой экспозицией ему нужно снять общий вид пролива Маточкин Шар, причём ему хочется снять одной задней линзой объектива. Следует забавное объяснение с помощью францужско-нижегородского жаргона и главным образом при содействии мимики. В общем оба остаёмся довольны друг другом. Пытаемся поговорить о милой нашему сердцу охоте, но тут дело не клеится. Спасибо

¹ Складная парусиновая лодка.

выручил, вернувшийся с берега, Русанов, взяв на себя труд быть нашим переводчиком. И тогда у нас завязался живой интересный разговор. Faraggiana — охотник бывалый, он несколько раз ездил на охоту в Африку, где охотился на львов и слонов. А теперь из-под благодатного неба Италии Faraggiana махнул на Новую Землю для охоты на белого медведя. Сюда им привезено одно из тех ружей, с которым охотился в Африке на львов. Это дивной работы ружьё с двумя парами стволов 16 калибра, штуцерными и дробовыми. Условиями новоземельской охоты итальянец остался недоволен и решил вернуться с этим же рейсом обратно, с тем, чтоб на будущий год снова приехать сюда, но уже на специально для этого зафрахтованном пароходе.

После завтрака едем на моторе всей компанией во главе с губернатором на берег.

Фотографирую белых медвежат, собачьи упряжки и т. п.

Сопутствую И.В. Сосновскому в предпринятом им восхождении на Пилу-гору.

Дойти до самой вершины не могли, поднялись лишь до первого отрога, «пупырушка», как охарактеризовал эти зубцы Пилы-горы г. Виноградский.

День был совсем летний...

Эта каменистая горная пустыня при ближайшем ознакомлении не казалась уж такой неприветливой, угрюмой, как по первому впечатлению. Кое-где в расщелинах между камней весело зеленела травка и яркими красками пестрели полярные цветочки. Приятно радуют глаз эти редкие оазисы зелени. Низкорослые растеньица близко прижались к земле и цветы едва-едва поднимают свои скромные головки.

Со склона Пилы-горы открылся широкий вид на пролив, на океан, на окрестные горы. Сверкают серебром снежные пятна в горах под лучами полярного солнца, а далеко внизу лежит спокойная гладь Поморской бухты, как зеркало в тёмной оправе из окружающих гор.

Маленькой точкой виднеется «Ольга».

После обеда по приглашению губернатора собрались было прокатиться по Маточкину Шару по направлению к Карскому морю, но мотор закапризничал и у нас всё расстроилось.

Выяснилось, что наш первоначальный план не может быть приведён в исполнение, так как капитана парохода Ф.М. Вальнева своевременно не предупредили о том, что «Ольга» пойдёт в Машигину губу, а поэтому угля было взято только с расчётом на заход в Крестовую губу, не

дальше. В раздумье сидел наш капитан в кают-компании над развёрнутой картой, размеривая циркулем расстояние и соображая сколько потребуется угля.

— У вас же угля хватит на переход с запасом. Вот вы этот запас и можете употребить на переход в Машигину губу — настаивал Крамер.

— Конечно у меня есть небольшой запас угля, говорил Фёдор Михайлович, — но вы знаете, без запаса мне нельзя идти по становищам. Представьте, будет туман, это здесь часто бывает, и нам может быть придётся сколько времени стоять под парами, где-нибудь около Кармакул или Белушей губы? Я бы с удовольствием свёз вас в Машигину губу, если б вы предупредили меня в Архангельске, что пойдём туда. Тогда бы я взял больше угля.

Нельзя было не согласиться с уважаемым Фёдором Михайловичем, он был вполне прав. Рискнуть истратить свой маленький запас угля на заход в Машигину губу было бы крайне неосторожно, а Фёдор Михайлович был опытный капитан, хорошо знающий условия плавания у берегов этого негостеприимного острова. Не желая совсем отказаться от намеченного плана, Крамер и Русанов решили идти в Машигину губу на парусной шлюпке из Крестовой губы при первом попутном ветре.

Идут спешные приготовления к нашему дальнейшему путешествию.

9-ое июля. Не спим всю ночь, занятые подготовкой к экспедиции. Нужно отобрать в трюме чай, сахар, соль, спички и т. д.

Пятый час утра.

В каюте компании сидит Б.И. Садовский, пять самоедов, жена Запаса и некоторые из членов нашей экспедиции. С этим рейсом самоеды сдают свои промыслы и заказывают всё необходимое для зимовки. Запасы провианта, оружие, одним словом, всё, что им понадобится, привозят с осенним рейсом, закупая на вырученные от самоедских промыслов деньги. Приём промыслов и заказы — всё это производится заведывающим новоземельской колонией по особой именной записи.

Борис Иванович записывает заказы.

— Константин Вылка! Чаю сколько?..

Старик-самоед, один из давнишних колонистов Новой Земли, быстро гортанными звуками переговаривается с сыновьями. Один из его сыновей Илья едет с нами в качестве проводника экспедиции.

— Сетыре пуда...

— Крупчатки? Сколько мешков? Каждый мешок пуд. Сколько?

— Пять месков.

— Сушки?

— Два пуда.

— Пороху?

— Пуд.

— Водки не нужно?.. Не надо... — шутливо подсказывает Б.И. и делает вид, что хочет писать...

— Как не нусно? — живо встрепенулся до того времени довольно флегматичный самоед. — Оценъ нусно... Писы полведра!

— Табаку нюхательного?

Пауза...

— Сорок фунтов будет? Или мало?

— Будет.

Любит, видно, старичок понюхать.

— Капканы?.. есть у вас. Или ещё нужно?

— Нусно. Три...

Самоеды свободно развалились на бархатных стульях кают-компании и с умилением косятся на внушительную батарею четвертей водки, стоящую в углу. Ефим Хатанзей в своей до черноты просаленной малице облокотился на пианино и чувствует себя, по-видимому, как дома.

— Илья! — обращается Борис Иванович к молодому самоеду, — а ведь тебя женить нужно!..

Самоед смущённо смеётся.

— Доведи!..

— Что? Как это доведи? — недоумеваю я, обращаясь к Б. И.

— Доведи до девки. Найди ему невесту и жени — поясняет Б. И.

Борис Иванович смеётся, вспомнив прошлогоднюю самоедскую свадьбу, которую он устроил в Кармакулах и рассказывает нам, как после свадьбы, на другой день, приходит к нему новобрачный благодарить его:

— Уж спасибо! Такое ты мне удовольствие доставил.

В каюту входит помощник капитана и докладывает Садовскому, что последние шкуры погружены.

— Разводите пары!

Снова идёт запись заказов...

— Холста нужно?.. Сколько? Все самоеды пишут по 30 аршин... Будет?

— Путет.

— Дроби?.. Пуд?..

— Мало... Писы тва...

— Что ты будет делать двумя пудами? — спрашивает Садовский, записывая в книгу заказы.

— Гусей стрелять.

— Ефим! А тебе ведь тоже нужно дробь?

— Нусно. Полпуда.

В это время на палубе идёт погрузка багажа одного из самоедов, переселяющегося за болезнью жены на Печору. С нами едут из Маточкиного Шара, в качестве проводников экспедиции, два самоеда: Илья (художник) и Санко Вылка. Запись заказов закончена и начинается проверка сданного промысла.

— Лысунов сколько?

— Двадцать восемь.

— Яков Запасов! Шкур медвежьих три штуки.

— Да, — подтверждает жена Запасова; сам Запасов пьян, как стелька.

— Моржовых шкур — две.

— Да...

Самоеды долго путаются с шкурой ошкуя, сбежавшего в прошлом году осенью с парохода и убитого Ильёй Вылкой. Решают шкуру продать, а деньги отдать архиерею в пользу Кармакульской церкви.

— Илья? Ты, значит, 7 шкур медведя. Шесть твоих и одну на Кармакульскую церковь?

— Так, так...

Иду спать и уже не вижу, как перевозят двух наших самоедов и 28 штук собак. Говорят, Санко пришлось поднимать на лебёдке, так здорово угостился при прощании.

Сквозь сон слышу крупный разговор между Крамером и Русановым по поводу забытого в Маточкином Шаре керосина. Часть керосина удаётся достать на пароходе и этим инцидент исчерпывается.

Лёгкая океанская качка...

В 5 часов вечера «Ольга» входит в Крестовую губу и осторожно идёт самым тихим ходом, беспрестанно бросая лот и делая промеры, так как глубина и фарватер здесь совершенно неизвестны.

Все пассажиры — в кают-компании за обедом.

Прислуга разносит шампанское.

Губернатор И.В. Сосновский встаёт и произносит короткую, но почувствованную, речь, желая членам экспедиции успешного окончания всех намеченных работ и благополучного возвращения...

Пока перевозят на берег и выгружают багаж экспедиции и запасы провианта, И.В. Сосновский в сопровождении большинства пассажиров едет на моторе, посмотреть Крестовую губу и поохотиться за гусями. Длинная, на протяжении тридцати с лишним вёрст, вдавшаяся в глубь Новой Земли, Крестовая губа очень живописна.

Шумит и плещется море на рифах негостеприимных её берегов. Отвесной стеной высятся тёмные мрачные скалы с причудливо, вертикально поставленными сланцами, следами некогда бывшей здесь могучей вулканической деятельности. Зеленоватая гладь Крестовой губы, с её пятью островами замыкается громоздящимися в беспорядке горными громадами. Начиная от океана, невысокий пологий берег постепенно поднимается террасами всё выше и выше, незаметно переходя в величавые горные кряжи с их белоснежными пятнами глетчеров. Место для нашего становища было намечено на северном берегу губы, в глубине небольшой полукруглой бухты у подошвы первой горы, считая от океана. Вещи выгружены на берег и в беспорядке разбросаны по пляжу. Какая масса ящиков, бочек, мешков, обрезков заводских досок для дров!.. Я даже, признаться, не думал, что наш багаж будет так внушительно выглядеть. С первых же шагов на берегу бухты мы встретили плавник, блестящее доказательство Русановской теории. Он безуспешно доказывал утром Крамеру, что на Новой Земле такого грандиозного запаса керосина, какой рассчитывал сделать Крамер, совсем не нужно, ибо можно превосходно обходиться плавником.

Вечер неуловимо переходит в солнечную полярную ночь...

На прощанье мы приготовили для его превосходительства и провожающих ужин из разогретых консервов. Импровизированный ужин сервировали на двух поставленных рядом, тресковых бочках, а вместо стульев употребили в дело ящики с консервами. В честь инициатора экспедиции, не отмеченный дотоле на карте Крестовой губы мыс и бухта, в которой мы находились, названы были именем И.В. Сосновского.

За полночь затянулся оживлённый ужин...

В 1 час 30 минут ночи наступило прощанье...

Последние пожелания, последние просьбы передать привет родным, последние крепкие рукопожатия...

Отвалил от берега мотор, и мы остались одни.

Совершенно одни... Тесной кучкой столпились мы у подножья тёмной скалы, на вершине которой развевался наш флаг и молча провожаем глазами, выходящий из бухты, мотор...

Чу! На моторе вспыхнули белые дымки выстрелов и грянул прощальный залп — салют экспедиции. Мотор постепенно заходит за мыс, сопровождающие посылают нам последние приветы. Спустя небольшой промежуток времени, невидимая нам из-за скалистого высокого мыса «Ольга» прощается с нами. Могуче гудит её свисток, подхваченный горным эхом... Ушли... Полное безлюдье... На долгое время, на два с половиной месяца, мы теперь совершенно отрезаны от всего мира. Мы остались одни среди гор, льда и моря... Спит всё кругом в тишине таинственной солнечной ночи...

Внезапно вывернувшись из-за мыса, прямо на меня летят гаги. Мигом улетучилось грустное настроение, навеянное прощаньем и, схватив двустволку, я блистательно мажу из обоих стволов.

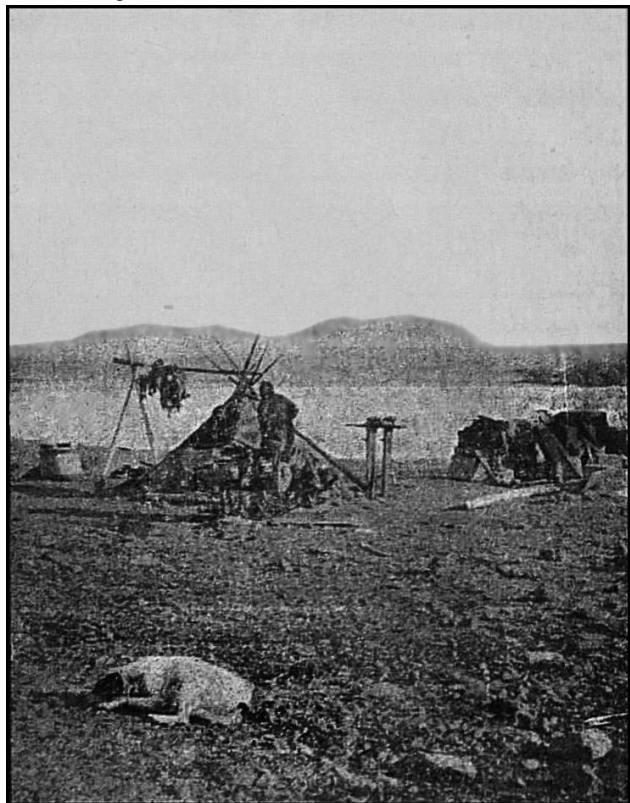

Прощанье с экспедицией в бухте Сосновского

Первый блин, говорят, всегда бывает комом!

В это время мои товарищи по экспедиции устанавливают чум... Узнав в Маточкином шаре о печальной участи палатки прошлогодней французской экспедиции, мы решили воспользоваться для устройства чума брезентами, предназначенными первоначально для покрытия склада вещей и провианта на случай дождя, а взамен их захватили с собой из Маточкиного Шара невыделанные шкуры морских зайцев и нерп. На постройку чума пошли все имеющиеся у нас в наличии колья, оба

брезента, паруса и часть вёсел от карбаса. Составленные в круг колья связали вверху, образовавшийся таким образом конус затянули брезентами и тщательно увязали по всем направлениям верёвками... Вот и всё неприхотливое устройство чума а la самоед. В общем это наше первое архитектурное произведение имело довольно жалкий, какой-то приплюснутый вид.

Первое становище

Внутри весь чум устлан тёплыми оленьими шкурами. За недостатком места в чуме поместились лишь самые необходимые вещи из нашего багажа, кое-какие инструменты и ружья.

Начинается приготовление ко сну: облачаемся в свои малицы, надеваем тёплые пимы и ложимся на разосланных в чуме шкурах, тесно прижавшись друг к другу. С непривычки кажется очень забавно. Ложась спать на старой земле, мы привыкли раздеваться, а тут на Новой Земле приходится поступать как раз наоборот. Здесь нужно одеваться,

когда ложишься спать и раздеваться, когда встаёшь. Что ж, недаром сказано, со своим уставом в чужой монастырь не суйся... Приходится привыкать на Новой Земле и жить по-новому.

10-е июля. Сильный западный ветер. Туман с морской стороны.

Чум стоит в большой котловине меж гор в глубине почти круглого залива. Сзади поднимается высокая гора, вся изборождённая трещинами с куполообразной красно-коричневой вершиной диабазовых пород. Впереди залив и горы противоположной стороны губы, полускрытые туманом. Направо вид замыкается отвесной крутой скалой, и в том же углу бухты лежит большой пласт вешнего снега. Налево, через невысокий пологий полуостров, далеко выдавшийся в губу со своими подводными рифами, видны в глубине залива снежные вершины гор, а на самой высокой из них, ближе к Крестовой реке, величаво покоится, голубой издали, глетчер. Вблизи, у самого чума, журчит в своём камени-

стом русле небольшой весёлый ручеёк. Весь пляж перед становищем завален выгруженными в разных местах нашими вещами. Крамера, Русанова и Лоренца нигде не видно, вероятно, они ушли в рекогносцировку, познакомиться с окрестностями.

Вдвоём с Галаховым принимаемся перетаскивать ящики, мешки с сухарями, солью, бочки в одно место; устраиваем скамейки из досок для нашего стола на тресковых бочках, вообще пытаемся сделать относительный порядок.

Самоеды греют на костре чайник, весьма внушительных размеров.

Вышло солнышко, и сразу стало тепло, приходится раздеться и остаться в одной тёплой вязаной фуфайке. Но стоит лишь солнцу скрыться за набежавшее облачко, как внезапно становится холодно, и волей-неволей одеваешься снова. Такими резкими скачками меняется температура.

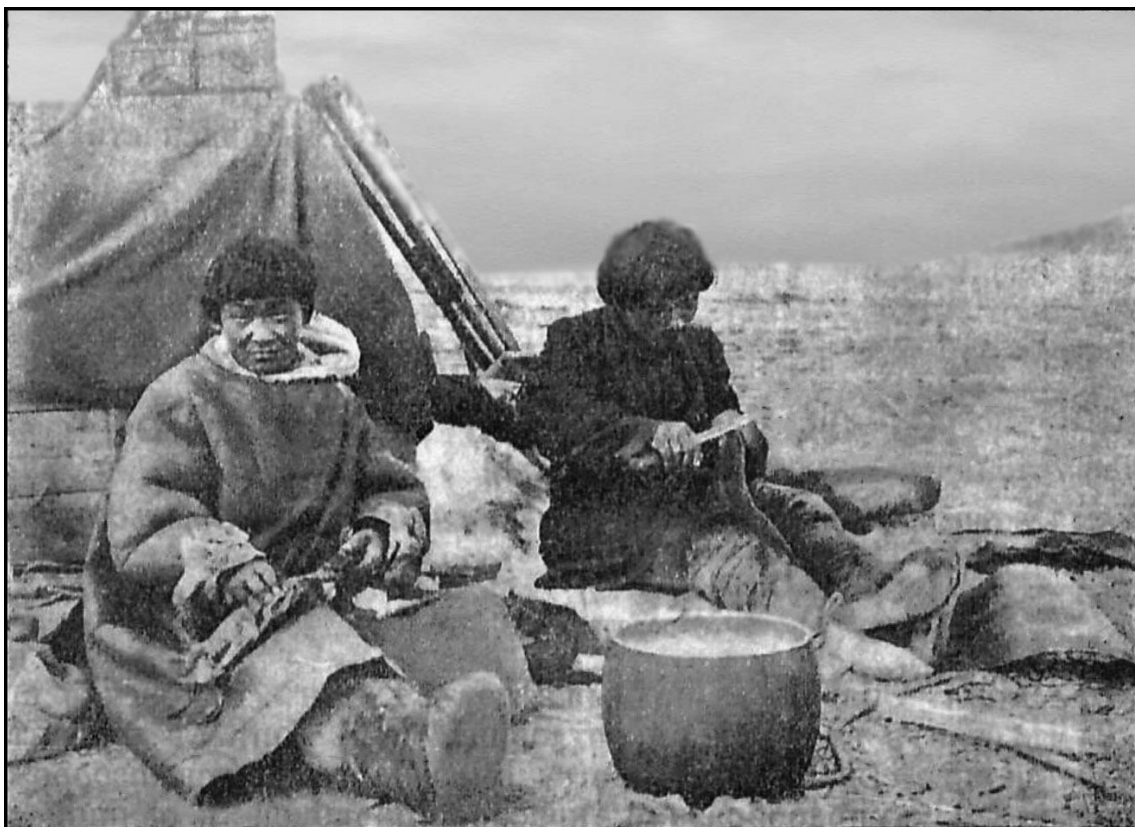
Наши двадцать восемь штук разномастных, беспородистых собак бродят повсюду между разбросанными везде вещами и прицеливаются, нельзя ли «стрелить» чего-нибудь съедобного. Они уже попробовали каков вкус холмогорского масла и безуспешно пытались разгрызть банки с консервами.

Двое проводников-самоедов: Илья Вылка или по-самоедски Тыко Вылка и Санай¹ Вылка — однофамильцы. Фамилия Вылок часто встречается на Новой Земле. Илья очень симпатичен, он пристрастился к живописи и недурно рисует акварелью, умеет писать и говорить на нескольких языках, прекрасно справляется с глазомерной съёмкой. Парень, как самоед, очень интеллигентный. В противоположность ему Санай совсем дикарь. Молодой, феноменально ленивый парнюга с типично монгольским лицом самоеда, медно-красным от совместной работы солнца и ветра. Саная бывает иногда даже лень лениться, и тогда он не желает разговаривать. Хитро притворяется непонимающим русского языка, на все обращённые к нему вопросы отвечая сквозь зубы своим неизменным: «не снаю».

Пьём чай с размоченными ржаными сухарями. Илья рассказывает, что его отец, Константин Вылка, бывал здесь как-то зимой и удачно поохотился на белых медведей, убив 20 штук.

Вооружение обоих самоедов составляют норвежские винтовки системы Ремингтона, приблизительно около 20 калибра.

¹ Санай (или Санко́) не носит никакого самоедского имени. Он уроженец Новой Земли.

Проводники экспедиции самоеды Илья и Санай Вылка.

Разговариваем об охоте. Я вспоминаю недавний спор на страницах петербургского журнала «Наша Охота» по поводу существования на Новой Земле белой куропатки (*lagopus alpinus*) и спрашиваю Илью:

— А, что, Илья, куропатки здесь есть?

— Нет, здесь нету.

— А южнее?.. В Белужьей губе?

— Нет, и там не слыхал!.. Нету!

После отдыха снова принимаемся за устройство нашего становища, размещая вещи с таким расчётом, чтоб сверх ящиков с сухарями и прочими съедобными вещами стояли ящики с чем-нибудь несъедобным, чтобы не могло никаким образом соблазнить наших собак, — например, ящик с аптекой, который многие собаки обнюхивали с видимым неодобрением.

Возвращается Русанов, а спустя некоторое время показываются и Крамер с Лоренцом. Они приносят образцы горных пород и между прочим убитого кулика. Лоренц рассказывает, что за несколько вёрст отсюда, в другой бухте, он видел поставленную на противоположной стороне гольцовую сеть. Открытие это в высшей степени всех нас заинтересовало.

Около половины двенадцатого ночи во время вечернего чаю пошёл дождь. Торопливо стали закрывать наши вещи парусами и звериными шкурами. Гонимые дождём, поспешно лезем в чум.

— А знаете что, господа, — начал Галахов, — а впрочем, нет, не стоит...

— Что, не стоит? Говорите! — спрашивает Крамер.

— Да нет, не стоит, я не хотел раньше говорить...

— О чём? Скажите!

— Сегодня мой день рождения...

— Ах, вот как!.. Поздравляю вас...

Лоренц оживлённо вскакивает.

— Неужели? Правда день рождения? Вы не шутите?.. Тогда я дам вам всем по рюмке рому!

Лоренц, обрадованный неожиданным открытием, вертится, как юла, неуклюжий в своей малице, причём при каждом повороте мажет меня по лицу изнанкой своей грязной, сальной малицы. Пробую немного отодвинуться от беспокойного соседа, но при тесноте нашего чума эта попытка является похожей на игру, как ребятишки масло жмут.

— Не только дам рому, — продолжает наш живой и весёлый компаньон, — но и печенья!

Публика издаёт одобрительные восклицания...

— Не только дам печенья к рому, но и музыкальный вечер устрою в честь новорождённого!.. — окончательно поражает нас неистощимо весёлый Лоренц.

Налиты маленькие аптекарские мензурки, и мы пьём за здоровье новорождённого под звуки лихой разухабистой польки, которую искусно наигрывает Лоренц на губной гармонике.

— Ловко! — не выдержав, воскликнул Крамер.

— Браво!..

И все единодушно аплодируем музыканту. Нет! Лоренц сегодня положительно задался целью удивить нас своими разносторонними талантами. Порывшись в своём чемоданчике, он извлекает из недр его флейту и начинает на ней «разделявать под орех» русские песни.

Наконец, понемногу все засыпают.

Дождь проникает в раскрытый верх чума и весьма беспокоит нас, заставляя жаться теснее к краям полотнища. По жердям вода капля по капле сбегает вниз и падает на спящих.

11-е июля. Проснулись около полудня, проспав таким образом ни много ни мало полсуток. Вылез на четвереньках из-под намокшей парусины... Окружающих наше становище гор не видно. Всё затянуло густым молочно-белым туманом.

Печально и пусто вокруг...

Суровый старик-океан сердито плещется о берег. Мокрые собаки уныло жмутся в кучу... Дождь льёт и льёт без конца, как в известном анекдоте о всемирном потопе: первый день дождь лил сорок дней, сорок ночей, во второй день дождь лил сорок дней, сорок ночей и, наконец, в третий день полил дождь и лил сорок дней и сорок ночей...

Собачья публика с голодухи является удивительными санитарами. Не успел я ещё вполне исполнить своё намерение, зачем, собственно, и вылезал из чума, гонимый расстройством желудка, как четыре алчных пса стремительно набросились и, ворча друг на друга, мгновенно бросились под меня. Я даже привскочил от неожиданности...

Пьём чай и завтракаем в тесном чуме. Настроение в противоположность погоде весьма весёлое.

Верх чума Лоренц догадливо заткнул своими непромокаемыми панталонами, а сверх жердей развесил рокан¹ и дождь теперь нас не беспокоит.

Наш план грандиозной охоты-монстр на гусей для генерального запаса провианта нельзя привести в исполнение — погода безнадёжно дождливая.

После завтрака настроение меняется и становится довольно сонным. Члены экспедиции один за другим снова укладываются спать на разосланных тёплых оленьих шкурах, накрываясь малицами и принимая различные неудобные позы в тесном для семерых чуме, включая сюда и самоедов.

Дует крепкий северный ветер. Порывом ветра поднимает часть паруса и наш чум раскрывается.

Всеобщий переполох.

Самоеды вскакивают и наваливают камней на края полотнища, плотно прижимая их к земле.

Снова к чуме царит сонное царство, лишь бодрствовал я и Русанов, который копошится в своей дорожной корзинке.

¹ Роканом называется парусиновая куртка, пропитанная олифой; ими обыкновенно пользуются поморы во время дождя. Таких костюмов у нас было взято несколько комплектов.

Крепчает ветер, сотрясая весь чум... Надоедливо, монотонно лает какая-то собака...

Вечер... Термометр показывает всего лишь +3°. Густыми белыми хлопьями повалил снег...

Крамер с Галаховым и самоеды готовят под снегом обед. В чуме Русанов, очищая от скуки гагачий пух, который он успел вчера собрать во время экскурсии, рассказывает нам с Лоренцом о своём прошлогоднем путешествии, когда он с тремя членами французской арктической экспедиции: Невэ, доктором Кандиотти и горным инженером де-Ламар, отправившись из Маточкиного Шара на карбасе с самоедами вдоль восточного берега Новой Земли, высадился в Незнаемом заливе и первым перешёл северный остров Новой Земли, выйдя в Крестовую губу. Нервеи и Кандиотти не могли перенести трудного перехода в своей изорванной и избитой о камни обуви и один за другим отстали от Русанова, оставив его одного. На собаках они не могли проехать избранной ими долиной. Ледник, по которому они ехали на собаках, закончился настолько высокой и крутой фронтальной морёной, что не было никакой возможности спуститься с его вышины с собаками и багажом. Пришлось идти пешком. Русанов после утомительного перехода вернулся обратно к своим спутникам, ожидавшим его на леднике, принеся с собой морские водоросли.

Шесть часов. Обед в чуме из некоего варева, в состав которого входили: консервированные щи, капуста, тушёное мясо и гречневая крупа. Эту кулинарную композицию, изобретение Крамера, никоим образом нельзя было назвать вкусной, но Крамер уверял, что это очень питательно. На последнее — роскошь для Новой Земли — абрикосы и персики.

К ночи сильный северный ветер слегка поразогнал тучи и снег перестал. Сделал маленькую прогулку по направлению к океану. Стрелял и промахнулся по какой-то странной маленькой белой птичке. Крамер говорит, что это полярный жаворонок.

На ужин Русанов достал пять гагачьих яиц.

12-го июля. Воскресение. Просыпаемся и с наслаждением видим, что погода значительно улучшилась. Ветер ослабел, и термометр показывал +6°, вместо вчерашних +2°. Туман проносит. Стали видны далёкие горы в глубине Крестовой губы с покрывающими их величавыми глетчерами. Приводим в исполнение план охоты-монстр на гусей.

Крамер, Русанов, самоед Санко и я идём берегом в глубину губы, а Лоренц, Галахов и Илья Вылка едут на бертоне (парусинке). Заинтриговавшая нас гольцовая сеть в соседней бухте оказалась старым брошенным промышленниками обрывком сети. По пляжу идти было очень удобно, но иногда горы подходили очень близко и крутым, отвесным обрывом спускались к морю, приходилось подниматься и лепиться по карнизу, рискуя при одном неверном шаге сорваться вниз. Иногда склоны горы были покрыты снегом и тогда идти было гораздо лучше, выбивая в отвесной стене снега ступени. Поднимаясь на крутой скалистый мыс, я нашёл в трещинах камней несколько гагачьих гнёзд. Гаги гнездятся прямо в скалах, густо устилая выбранную ими ямку среди камней собственным пухом, который они выщипывают у себя на груди. Во всех найденных мною гнёздах лежало по несколько штук крупных серо-зелёных яиц, почти не выделяясь по окраске среди окружающих их обломков сланцевых пород. Да и сама она так подходит оперением к цвету скал, что я, не заметив, подошёл шагов на пять к гаге, сидевшей на гнезде.

В результате нашей охоты оказалось: тринадцать штук гусей, четыре гаги, куличок, три гагачьих гнезда и 9 штук яиц. Стреляли много. Особенно сильна была у нас с Русановым канонада невдалеке от устья реки Крестовой, где мы наткнулись на огромное стадо гусей, штук в двести, но, к сожалению, стрелять пришлось далеко. Близ впадения реки Крестовой в залив мы увидели на противоположном берегу реки, к нашему удивлению, крест, склад около него жердей и два карбаса.

Бертон, несмотря на все усилия, никак не мог бороться с сильным течением горной реки, и мы пока принуждены были отказаться осмотреть поближе оставленные какими-то промышленниками карбаса. По предположению Ильи Вылки, один масленниковский, прошлогодний, а другой — старый, оставленный здесь лет пять тому назад помором Антоновым. На реке нами было убито, т. е. Русановым, Крамером и мной, двенадцать гусей, но так как бертон не мог попасть в реку, то всех гусей вынесло быстрым течением в залив, и они были для нас потеряны. Крамер вернулся к приставшему близ устья реки бертону, а я прошёл с Русановым ещё версты две вверх по течению р. Крестовой, углубляясь в Северную долину Крестовой губы. Дошёл до эффектного глетчера альпийского типа и здесь отстал от товарища. Полюбовавшись чудным видом ледника с великолепно выраженными фронтальной и боковыми моренами, я вернулся обратно.

Собравшись все вместе к нашему бертону, мы долго сидели у разведённого самоедами из плавника костра. Почайничали и закусили разогретыми на костре консервами, а Русанова всё нет. Не дождавшись нашего неутомимого геолога, отправились в обратный путь к нашему становищу. Я опять пошёл горами. Удивительная тишина царит в горах. Ни звука, словно все эти горы — одна огромная тихая могила, какому впечатлению очень способствовала действительно найденная мной могила бедняка-промышленника, Бог весть какой смертью погибшего здесь среди этой пустыни гор, льда и моря. Над могилой сделана из камней убогая насыпь, а около лежит упавший крест, на котором чьей-то рукой написано: «Осип Кондратьев скончался 2 сентября 1900». Кто ты, Осип Кондратьев? Что сгубило тебя вдали от милых и близких сердцу? Надорвался ли ты от тяжкого промыслового труда или лихая болезнь уложила тебя в могилу?.. Молчаливо стоят вокруг тихие горы и лунное солнце озаряет призрачным бледным сиянием забытую могилу... Спят вековым сном голубые глетчеры в горах. Не шелохнётся изумрудная гладь океана... Пустыня... Безлюдье...

Возвращаясь к становищу, промахнулся по гаге и вдребезги разбил полярного жаворонка, выстрелив по рассеянности картечью, вместо мелкой дробы.

В расставленные заранее сети попало 17 штук крупных гольцов (*Salvelinus alpinus*). Обрадовавшись богатому улову, сварили на ужин роскошную уху.

Не успели приняться за ужин, как завидели спускающегося с горы Русанова. Радостными криками встречаем пропавшего геолога. Русанов принёс с собой несколько кусков каменного угля, который он нашёл в северной долине Крестовой губы. Идя вверх по течению реки, он дошёл до большого озера, покрытого ещё льдом, несмотря на июль месяц.

13-го июля. После вчерашней утомительной охоты и затянувшегося ужина проспали бессовестно долго. Денёк выдался хорош, совершению разъяснило, и термометр показывал +11°. В чуме было так тепло, что я спал без малицы и даже без шубки, а наш самоед Санко ушёл спать на вольный воздух, мотивируя свой уход из чума «жарой».

— Сárко! — меланхолично уронил самоед и полез искать прохлады под опрокинутой шлюпкой.

Русанов, неосторожно доставая из склада вещей свой багаж, уронил большой ящик с сухарями себе на ногу и сорвал ноготь большого

пальца. История неприятная! Такому ходоку по горам, как он, сидеть с неделю или даже больше в чуме — тяжело. Конечно, Лоренц сейчас же применил к делу свои медицинские познания, сделав перевязку по всем правилам.

На обед суп с картофелем из вчерашних гусей. Первый рабочий день нашей экспедиции. Крамер с помощью Галахова начинает съёмку. Самоеды собираются на охоту за оленями на противоположную сторону губы. Русанов в своём оригинальном лопарском совике, одна нога в сапоге, а другая обёрнута тряпками и тёплыми суконными портянками, так как на больную ногу нельзя надеть никакой обуви, даже нерпичьих пимов, не выдерживает, берёт свой молоток и надевает альпийский мешок.

— Я отправляюсь в маленькую геологическую экскурсию.

— Что вы, что вы? С больной ногой?.. Куда же вы пойдёте? — пробует остановить его Крамер.

— Поброжу в окрестностях нашего чума! — отвечает заядлый геолог.

Лоренц работает над препарированием одной из убитых вчера гаг, а я в качестве свободного члена экспедиции ухажу в наш карбас и пробую ловить рыбу на удочку, наживив, по совету Ильи, гольцовым горлом, хотя опытный в промыслах самоед и предсказывал мне вперёд неудачу, так как голец в это время на удочку не берёт, рано ещё. По словам самоеда, гольца можно ловить на удочку во второй половине августа, во время осеннего хода.

Удивительно непостоянный здесь климат, какой-то особенный. Температура понижается и повышается резкими скачками. Когда я начинал ловить рыбу, то было совсем тепло, свободно можно было сидеть в одной фуфайке. Бухта была спокойна и тиха. Сквозь прозрачно зелёную океанскую воду ясно виднелось дно: камешки, водоросли и мелкие крошечные рачки, тормозившие наживку на моей удочке... Просидел я не более получаса и погода уже переменялась: внезапно подул восточный ветер и стало сразу холодно. По воде пошли тёмные волны... В фуфайке сидеть было уже невыносимо, в меховой шубке и то только-только.

Пробовали с Лоренцем ловить бродом, разъезжая по бухте в половинках нашего бертона, — результат неважный: два маленьких гольца и один морской чёрт (*Cottus*), не считая множества маленьких рачков, которыми кормятся гольцы. В вскрытых желудках всех пойманных нами гольцов мы находили исключительно одних только этих рачков.

Самоеды, уезжая в сторону Мелкой губы за оленями, накормили собак. Событие... За всё время нашего отъезда из Маточкиного Шара они кормили собак только один раз! На мой вопрос по этому поводу Илья отвечал довольно оригинально: он приподнял первую попавшуюся ему под руку собаку за шиворот, критически осмотрел её и, равнодушно махнув рукой, сказал:

— Нисего исе, сиру много!

Вот как! Оказывается, по самоедскому воззрению, собака должна существовать за счёт собственного жира. А в случае, если жиру не будет, останутся одни кости да кожа, тогда собаку следует немножко покормить. По словам самоеда, собаку нужно кормить через двое суток на третий, а иначе собака избалуется и не будет слушаться. Вообще они с собаками в обращении не стесняются. Бьют их чем ни попади... Особенно Санко, тот прямо достиг виртуозности, швыряя в собак камнями на любом расстоянии.

Двенадцать часов ночи. Дальние снеговые горы кажутся совершенно розовыми под лучами полуночного солнца... Дивная картина!..

Ветер стих так же внезапно, как и налетел и снова стояла хорошая погода. Как это вышло, я совсем не понимаю, но мы, каждый занятый каким-нибудь своим делом, не ложились спать и просидели до утра. Грешно было бы не использовать тёплое солнечное утро, а поэтому в этот день мы совсем не ложились спать.

14-го июля. Занялись фотограмметрической съёмкой, что отняло у нас весь день. Я снимал полную панораму Крестовой губы с ближайшего к нашему становищу отрога гор. Съёмка досталась очень и очень нелегко.

Наверху горы задувал свирепый новоземельский «сток» (восток). Покрывало положительно вырывало из рук, а саму камеру пришлось для большей устойчивости привязать за ножки штатива к камням, чтобы её не снесло в море сильными порывами ветра с высокой отвесной скалы. Восточные ветра здесь ужасны, это бич Новой Земли. Прохватывало на горе так сильно, что в промежутках между съёмкой приходилось спускаться вниз, чтобы хоть чуть-чуть отогреться за ветром, и потом снова возвращаться наверх. Убрав камеру, мы поместили на её место астролябию, чтобы визировать некоторые намеченные прежде точки для каждого снимка. Несмотря на то, что мы стояли с Крамером рядом, ему при-

ходилось положительно кричать, так был силён на горе ветер. В журнале фотограмметрической съёмки, куда я записывал обстоятельства съёмки и измеряемые углы, у меня порвало ветром несколько листов.

Когда, закончив съёмку, мы спустились в долину к становищу, то там ветер совершенно не ощущался.

Лоренц достал из сети чудного 10-ти фунтового гольца. Раньше нам не попадало таких крупных экземпляров.

К ночи вернулись самоеды. Оленей они не видали, но зато привезли двенадцать штук гусей.

Наш Илья (Тыко) Вылка оказывается при более близком знакомстве далеко недюжинным самоедом. Он мне показывал сегодня свои работы. По-моему, это прямо талант! И если бы его учить, то Бог знает, чтобы из него вышло! И интересно, откуда он выучился рисовать? Ну, тут, положим, ясно видно влияние известного художника Борисова, долгое время жившего в Маточкином Шаре, хотя Илья говорит, что Борисов его рисовать не учил, и он будто бы рисует самоучкой.

Когда мы с ним разговорились, то Илья рассказал мне, что он смастерил фотографическую камеру и пользуется её матовым стеклом для подспорья, при рисовании новоземельских ландшафтов. Между прочим, им великолепно вычерчена карта восточного побережья вёрст на 200 протяжением к северу от Маточкиного Шара, составленная, конечно, по шагомерной съёмке. Эту карту он преподнёс нынче Архангельскому губернатору и, говорят, И.В. Сосновский хотел принять участие в судьбе самоеда-художника. Вернувшись с охоты, без сомнения сильно уставший, Илья не улёгся спать подобно Санаю, который, раскинув руки и ноги, спит богатырским сном на груди убитых гусей (иначе собаки стащат птицу), а ушёл на склон ближней горы и, увлечённый любовью к природе, пишет красками этюд дальних гор... Теперь он вернулся оттуда и, довольный своим успехом, показывает талантливо написанный, набросок, который обещал подарить мне, взамен будущих моих фотографий.

15-ое июля. За ночь разгулялся восточный ветер, пытаюсь сорвать и разнести наш чум. Мелкие вещи срывало с мест и несло по ветру. У Га-лахова рассыпало и рассеяло его папиросы, которые кстати теперь ему более не нужны: он имел мужество бросить курить. Пустые банки из-под консервов, стоящие около нашей столовой, катило по ветру и уно-

сило в море. Сорвало с причала шлюпку, и она стояла на одном кормовом якоре. Гольцовую сеть волны вышвырнули на берег. Вообще, ветер баловался порядком. Разумеется, работать при таком ветре было немыслимо. Пользуясь этим, мы проспали ровно пятнадцать с половиной часов.

Русанов, обезножев, взял на себя обязанности хозяйки. Вчера он накормил нас настолько прочным жарким из гусей, что я, пытаясь разжевать эти любопытные окаменелости, сломал себе коренной зуб. Но зато сегодня Русанов приготовил нам великолепное блюдо из жареных гольцов с картофелем и луком.

После обеда ходил с Лоренцом к найденному им в горах водопаду верстах в полутора от нашего становища. Поднялись по крутому подъёму довольно высоконько и не напрасно, так как вид маленькой горной речонки, сдавленной крутыми, отвесными скалами, был замечательно красив. Водопад вышиной сажен в тридцать низвергается с крутой отвесной скалы. Внизу у подножья скал всё ущелье забито гигантским пластом снега. Водопад пробивает эту снежную толщу и скрывается в ней. Шум, грохот... Картина эффектная! Высокий столб брызг и пены... Прилепившись в трещинах угрюмой скалы у самого водопада, мы долго сидели с Лоренцом, наслаждаясь чудным видом... Внизу снег обвалился гигантской подковой и образовал величественный снежный грот, откуда выбегает бойкая горная речка.

16-ое июля. Всё тот же упрямый «сток», но благодаря ему небо чисто и ласково светит редкое здесь солнце. На ветру прохватывает порядком, но за ветром довольно тепло. Ночью в чуме температура была настолько высока, что все спали без малиц. Часам к двенадцати начался наш день. Крамер определяется, т. е. отыскивает широту и долготу нашего становища, Русанов возится со своими аммонитами. Он вчера, несмотря на больную ногу, всё-таки утянулся в горы и в своей красной феске, с одной ногой, обмотанной суконными толстыми портянками, обвязанной верёвочками, страшно напоминал своим видом пленного Осман-пашу. Для вашего геолога больная нога — это ужасное несчастье. Хоть бы скорей она у него поправилась!

Вчера всех нас насмешил неугомонный Лоренц.

— Вы что делаете? — обратился он к Русанову, разбивавшему молотком камень, в котором был заключён аммонит.

— Как видите, разбиваю камень... — ответил тот, добродушно улыбаясь.

— Ну, так какой же вы геолог, вы просто каменщик! — неожиданно разочаровался Лоренц.

Мы с Лоренцом снова ушли к водопаду. Он ботанизирует, собирая близ водопада редкие для Новой Земли экземпляры папоротника, а я фотографирую стереоскопическим аппаратом эффектные виды. Между прочим, Лоренцу посчастливилось найти гнездо шмелей (дикая пчела) с небольшим количеством мёда. Эта находка была уже совсем неожиданна для Новой Земли, а тем более на широте Крестовой губы. Мир насекомых здесь очень беден. А что касается пчелы, то до сих пор ни один натуралист не встречал её на Новой Земле. К вечеру перед обедом мы вернулись к стану. Кто-то из нас запел, лёжа в чуме, марсельезу.

— Единственное место в России, где можно беспрепятственно петь марсельезу, так как нет ни жандармов, ни урядников... — отозвался Русанов.

— А Крамера всё нет, гуси готовы! — просовывая голову к нам в чум сказал Галахов.

— Кто его там спрашивает? — сонным голосом говорит Лоренц, с комфортом растянувшись во всю длину чума, лёжа головой на моих пимах, а ногами упираясь в сахарницу, — урядник?

— Что такое? Какой урядник?

— Может быть, становой?

— Фу! Карл Александрович, вечно вы со своими шутками, — возмущённо протянул Галахов.

Галахов и Русанов оба состоят теперь пациентами Лоренца. Одному он перевязывает ногу, а другому смазывает йодом руку, так как Галахов тоже состоит на положении больного, жалуясь на ревматизм.

— Любопытно, пошлют или нет сюда «Бакан»?

Губернатор просил об этом морское министерство...

— Н-да... интересно!

— Хотел бы я посмотреть на наших элегантных моряков в изящных штиблетах, обследующих эту губу! — восклицает Галахов.

В сегодняшнюю ночь наша собачья орава набедокурила: съела полбочонка масла, который был, вероятно, плохо прикрыт. Собачья публика, вечно голодная, это такие господа, от которых надо прятать решительно всё мало-мальски съедобное. Причём, применяясь ко вкусам новоземельских собак, приходится причислить к разряду съестных вещей

такие малопитательные продукты, как, например, нерпичьи пимы, шкуры морского зайца и т. п. Один из пары моих нерпичьих пимов, сшитых для меня в Маточкином Шаре, приказал кланяться. Тщетно я разыскивал по всему становищу пропавший пим, он как в воду канул. За мной по пятам ходят несколько штук собак, предполагая, вероятно, что я отыскиваю наиболее живописное местечко, чтобы присесть. Лишь один Пуро, вожак из Санкиной нарты, хитрая бестия, лукаво посматривает на меня: ищи, дескать, ищи, а мы твоим сапогом давно позавтракали. Я уверен, что некоторые собаки прямо смеются над нами. Недавно одна из собак увидела близ чума кепку Галахова и тотчас же оставила в ней вещественное доказательство невещественного отношения. Как же, как не за насмешку, принять такую неделикатность с собачьей стороны?

Вообще, они по отношению к нам стали сразу в неприязненные отношения, объявив беспощадную войну. Не церемонятся забираясь в ящики с провизией, вспрыгивают к нам на стол и тащат всё, что плохо лежит, тащат чуть не из-под самых рук. Оставленные на столе суповые эмалированные миски и тарелки они уносят на предгорье за несколько сот шагов от становища и там тщательно вылизывают их, что в совершенной степени уничтожает необходимость мыть посуду.

После обеда ветер ещё более усилился. Из-за величественной громады гор, стоящих в глубине залива, потянулись сизые грозные тучи, предвестники шторма. Вся восточная часть неба покрылась тёмными тучами, которые медленно, но неуклонно ползут всё ближе и ближе, цепляясь своими изорванными боками за вершины высоких девственных гор, украшенных нависшими глетчерами. В ожидании возможной бури, столь частой здесь при восточных ветрах, прибираем наш склад ящиков с провизией и вещами, укутываем шкурами морских зверей, вместо брезентов, и наваливаем сверху огромные камни, целую геологическую коллекцию камней.

17-ое июля. Ожидания сильного шторма, к нашему удовольствию, не оправдались. После полудня, когда мы обедали, пошёл мелкий надоедливый дождик, зарядивший до вечера.

Забрались в чум и от скуки читали юмористические журналы, которыми нас любезно снабдил Г.В. Морозов.

Надоело... Презрев дождь, уехал с Лоренцом ставить вторую гольцовую сеть (первая поставлена самоедами). Наша вторая сеть была совсем

гнилая и с такими дырами, что туда не только могли совершенно свободно проходить взад и вперёд гольцы, по при желании даже целый крокодил пролез бы. Долго мы ползали по разостланной сети, связывая порванные места бичевками, пока не привели её в более приличный вид. К ужину поймали на уху штук семь гольцов, из которых двух сварили, а остальных вычистили и, посолив, уложили в бочку.

Дождь прошёл. Дует прежний восточный ветер, но далеко уже не с такой силой, как раньше. Термометр показывает +7,5°.

Отправились с Крамером и Галаховым на левый мыс бухты Сосновского, где я видел крест, проезжая с губернатором И.В. Сосновским на охоту мимо этого мыса.

Крест оказался очень старым (1 верста 300 сажений от становища по шагомеру) без средней перекладины, источенный временем или каким-либо зверем. Может быть, медведь с голодухи баловался? Вырезанные некогда буквы сгладились, и надписи разобрать невозможно.

Подполз из-за скалы и убил чистика, но для того, чтобы достать его, пришлось спуститься вниз с головоломной крутизны морского берега. Хотелось взять пеструшку (*Mus Lemnus*) для коллекции, но после выстрела от неё осталось только мокрое место с обрывками серенькой шкурки, да одна ножка, а всё остальное исчезло без следа.

Днём в нашу бухту сделала визит нерпа. Санко стрелял, но неудачно. Смешно было смотреть на собак, с оживлёнными мордами всей стаей носившихся по берегу в предвкушении вкусного блюда, и их разочарование, когда нерпа ушла... Воображаю, как бы был обруган ими Санко за промах, если бы наши собаки умели говорить!

Изобретательный Лоренц сготовил на пробу необыкновенный пудинг из хлебных крошек, абрикосов и масла, поджаренный на костре в чайной кружке.

К ночи в нашем становище происходит некоторое перемещение, ввиду тесноты чума. Ставят маленькую палатку Русанова, куда ложатся он и Крамер. В чуме остаются: Лоренц, Галахов, Тыко и я. Санко продолжает по-прежнему спать на лёгком воздухе («в суюму сарко»), раскинув руки и ноги, тесно окружённый собачьей ордой. Заметив какой-нибудь беспорядок среди своих подданных, Санай, с видом неограниченного властелина, грозно прикрикивает:

— Ггг-гыть! и для большой убедительности тотчас подчёркивает своё приказание увесистым камнем. Теперь в чуме стало просторнее. Раньше мы были набиты в чуме, как селёдки в бочке. Теперь Лоренцу

уже не придётся жаловаться, что я складываю на него руки и ноги, а Галахову вопить и стонать, когда я придавливал его своей спиной. Для высокого Галахова самоедская малица была слишком коротка, руки вылезали из тесных рукавов чуть не на целый фут, а поэтому, ложась спать, он втягивал для удобства руки внутрь малицы, оставляя свободными рукава. Невольно случалось как-то так, что эти рукава всегда оказывались подо мной и моему спутнику никак нельзя было пошевелинуться, прежде чем он не вернёт меня из мира грёз и сновидений, с необыкновенной энергией работая коленками.

18-ое июля. Серенький пасмурный полдень.

Все члены нашей экспедиции уходят на ближайшую к становищу гору, окрещённую нами «Становой», для генеральной топографической съёмки Крестовой губы. Даже Русанов собирается подниматься на гору. Я, благодаря пасмурному дню, оставив до лучшего времени свою фотограмметрическую съёмку, еду с Санко на охоту и для попутного обследования бухты противоположной стороны губы, в видах выбора наиболее удобного места для будущей колонии.

Воздух здесь настолько чист и прозрачен, что невольно ошибаешься в определениях расстояний. Противоположная сторона казалась совсем рукой подать, когда мы с Санко садились в бертон, но пришлось поработать на вёслах два с лишним часа, прежде чем мы переехали на ту сторону.

Убил пять гусей и три чёрных гуся, да Санко одного. Санко стрелял по нерпе. Попал или нет, кто его знает, но только нерпа больше не выстала. Может быть утонула. Стрелять в эту пору года нерпу почти бесполезно. Осенью и зимой убитая нерпа не тонет, а летом большинство убитых тонет и не пропадает для охотника лишь особенно жирный экземпляр.

В бухте, против нашего становища, согнали с берега громаднейшее стадо гусей. Гоготанье, шум... Длинной чёрной полосой протянулась на воде движущаяся гусиная масса, издалека завидев наш бертон. Приволье здесь птице, и не побывав на Новой Земле, трудно представить себе те невероятию огромные стаи птиц, которые приходится встречать здесь. Это рай, эльдорадо для охотников.

Вокруг нет ни малейшего признака жизни. Высятся в глубине губы горные строгие массивы, покрытые снегом и голубоватыми при вечер-

нем освещении глетчерами, словно призраками. А вперёд, к беспредельному простору Ледовитого океана полого уходят в даль серо-зелёные волнистые равнины. Тихая, строгая красота вечной пустыни...

Поднялись с Санко вверх по течению горной речонки, впадающей в бухту, как вдруг поражены были странными лающими звуками.

— Псець! — закричал Санай.

Взглянув на противоположный склон, я увидел серенькую фигурку бегущего песка. Отбежав несколько десятков сажен, песец останавливался и, повернувшись к нам, хрипло лаял на пришельцев.

Санай порывался стрелять из своей винтовки, но я остановил самоёда, хотелось стрелять самому. Я думал, что непуганый песец подпустит на дробовый выстрел или, может быть, удастся подбежать к нему из-за камней. Мы бросились вброд через довольно глубокую речонку, наперерез зверьку, но из всех наших военных манёвров ничего не вышло, песец благополучно удрал, спасая свою шкуру.

Исколесил равниной пять с лишним вёрст, считая по шагомеру. Осмотрел указанное самоедами озеро, расположенное в версте от берега, и замеченное ими, когда они ездили на охоту за оленями. Озеро мелкое, с мутной грязной водой и с вязкими глинистыми берегами, а поэтому и становище около него устраивать немыслимо, гораздо более подходит для этого то место, в долине речки, где мы высадились.

Убил двух полярных куличков (*tringa alpina* и *tringa temminkii*) для коллекции Лоренцу.

Оба усталые вернулись мы с самоедом к парусинке и принялись разводить огонь. Море любезно приносит и выбрасывает на берег обильные запасы топлива, нередко целые стволы громадных деревьев.

— Чай тая¹, сахар тая, а сухари янгу²!... засмеялся мой молчаливый Санай, сощутив свои и без того узенькие глазки. — Нисего, мы и так!

Ну, так — так и так... С нами была банка кольберговских консервов студня из поросят, чай, сахар и... больше ничего. Пришлось обойтись и без хлеба, вернее без сухарей, благо сами виноваты, что забыли. Чай из солоноватой воды в кружке, из которой я только что ел пороссячий студень, нельзя сказать, чтоб был особенно вкусен, но зато пилось с аппетитом.

¹ По-самоедски — есть.

² По-самоедски — нет.

Полярная полночь... Приветливо греет солнышко, опустившись к горизонту.

Пробую разговаривать с своим молчаливым спутником в засаленной до крайних пределов малице и с франтовским перстнем на грязном указательном пальце.

— Нам обратно будет, кажется, попутный ветер? Как ты думаешь, понесёт под парусом, или нет?

— Ниснаю — сквозь зубы процедил надутый Санко. С противоположной стороны доносится не то грохот выстрела, не то звук снежного обвала.

— Слышишь?.. Что это? Выстрел?

— Ниснаю — невозмутимо уронил Санко своё излюбленное словечко.

Так я и отступился от моего самоеда. Кроме «ниснаю», «нисего» и «хоросё» я ничего не мог из него выудить.

Возвращаясь, стрелял два раза по нерпе картечью без всякого успеха. Убил морскую утку и гагарку. Промажнулся два раза по чистикам.

Ветер усилился...

Восточная часть неба зловеще темнела. Вершины тёмно-синих гор с белыми снежными пятнами закутались лохматыми облаками. Изумрудные волны с белыми барашками пены изрядно подкидывали нашу утлую парусинку.

Съёмка не состоялась по недоразумению. Оказывается, они не сговорились предварительно, откуда начинать подъём. Крамер с Галаховым пошли с западной стороны губы и, дойдя до крутой рискованной осыпи с обрывом прямо к морю, остановились, ожидая замешкавшихся в становище Лоренца и Илью Вылку, а последние тем временем благополучно поднялись на гору прямым, по почти отвесной крутизне, причём самоед тащил на своих плечах астролябию с теодолитом и, сидя на вершине горы, в свою очередь ждали Крамера с Галаховым. От скуки они сложили на снегу из камней свои фамилии громадными буквами, более человеческого роста. Я потом рассматривал в бинокль эти оригинальные автографы. Надписи видны довольно отчётливо, особенно нижняя — Вылка.

Вместе с гольцами попали в сети два морских чёрта (Cottus)¹. Первых чертей, которые нам попадали прежде, Крамер неукоснительно спускал

¹ По-местному, у поморов их называют керчак или ревча.

в формалин для коллекции, несмотря на все мольбы Русанова. Но теперь, наконец, Русанову удалось воспользоваться этими чертями, чтоб поджарить их на сковородке с картофелем, с луком и т. д. Мы с напряжённым интересом следили за приготовлением этого оригинального блюда, остря так и этак насчёт несчастных чертей, злобно шипевших на сковородке. Русанов любезно предлагал нам всем отбросить предубеждение и испробовать жареного чёрта. Я рискнул и не раскаялся, рыба очень вкусная, отчасти напоминает навагу.

Днём, во время нашего всеобщего отсутствия из становища, собаки порядком наколобродили: испробовали сельдей, откушав во славу Божию с полбочонка, растаскали по долине всю посуду, забрались в чум и поставили там всё вверх ногами, разрыли и высыпали всё из походной корзины Русанова, не пощадили даже инструментов. Астрономическое кольцо Крамера было вытащено из палатки и стояло ребром, словно собачья орда хотела из любознательности определить широту и долготу Крестовой губы. Съели мой второй нерпичий пим, о котором, кстати сказать, мне сожалеть не приходилось, так как в одном пиме разгуливать по Новой Земле мне всё равно было неудобно. Что за наказание эти 28 штук вечно голодных собак, изумительно изобретательных на всяческие проказы! Сегодня заставили самоедов привязать всю эту ораву и накормить их. Первое было исполнено, а относительно второго Илья решительно отвечал:

— Савтра...

Странное обращение!..

19-е июля. Удивительно оригинальную жизнь ведём! Солнце не сходит с горизонта, и у нас совершенно утратилось представление о дне и ночи. Ложимся спать утром, встаём вечером. Ночь для нас обратилась в день, а день — в ночь. Всё пошло шиворот-навыворот. Сегодня, например, наше раннее утро началось лишь с 3-х часов дня.

День изумительно жаркий для Новой Земли. Шутка сказать, +23°R на солнце!

Крамер с Галаховым и Ильёй, перекусив на скорую руку, идут на Становую гору для топографической съёмки. Горы в глубине залива задёрнуты тёмными облаками, а поэтому я отказываюсь от подъёма, отложив свою фотограмметрическую съёмку с вершины Становой до более благоприятного освещения.

Было так тепло, что Русанов с Лоренцом пытались выкупаться.

К семи часам вечера вернулся с полгоры Галахов, не осиливший крутого подъёма, и мы отправились на парусинке по направлению к океану в экскурсию для ознакомления с берегами Крестовой губы. Дичи встречалось мало. Мне удалось убить какого-то странного, невиданного мною до сих пор гуся с резко выраженными поперечными чёрными полосами на животе. Лоренц убил чайку (*Larus glaucus*). С этой чайкой оскандалились порядком. После того, как Лоренц подбил её на лету двумя выстрелами, и она упала, мы поочерёдно стреляли по плавающей всеми номерами дробы, пока не добили окончательно.

— Вот упрямая птица, никак не хочет умирать! — говорил Лоренц после двенадцатого выстрела, подбирая трофей, превратившийся в решето и уже непригодный ни для какой коллекции.

Вынырнула невдалеке любопытная нерпа, услышав беспощадную канонаду по чайке, с интересом уставилась на нас чёрными круглыми глазками и снова юркнула в воду. Я быстро перезарядил бескурковку Жакановской пулей.

— Смотри, смотри, вон она, опять вынырнула! — Загрохотало в горах эхо выстрела... Фонтанчиком взбрызнула вода рядом с круглой головой нерпы...

— Промах!

Штиль... Дремлет зеркальная гладь океана. Белая бледная ночь. Солнечная ночь... Как это странно! А перед глазами одна за другой проходят дивные картины прибрежных скал. Отвесными стенами высятся они, угрюмые, мрачные... Изборожены причудливыми трещинами чёрные бока этих колоссов. Местами прилепился к ним снег, огромными в несколько аршин толщиной пластами, и от контраста чёрных скал кажется изумительно белым. Изредка от изгрызенных временем и морем скалистых обрывов полосой отделяется каменистая гряда и далеко уходит в океан, чуть-чуть поднимаясь местами над уровнем воды. Это рифы, подводные несокрушимо крепкие баррикады. В бурю вздымаются горами здесь волны. С рёвом кидается разъярённый старик-океан на приступ каменной твердыни. Грозно бушуют опенённые волны...

Подводные рифы — это гибель и смерть для неосторожного моряка, попавшего к этим негостеприимным берегам.

Штиль...

Спокойный океан ласково лижет шершавые зеленоватые рифы. Нагнёшься за борт, и ясно видишь всё в прозрачной глубине. Зелёная

тина затянула подводные скалы... Прихотливыми извивами протянулись на дне кудрявые водоросли и обвилились вокруг подводных камней нарядными гирляндами...

Скалы Крестовой губы

В одном месте расступились и отодвинулись от берега тёмные скалы. На широком песчаном пляже виднелся целый склад плавника. Пристали здесь и вышли на берег. Убил ту самую белую птичку, которую указывал мне раньше Крамер, называя её полярным жаворонком. Оказалось, на поверку, что это не что иное, как пуночка (*Plectrophanes nivalis* L.), которая весьма обыкновенна на Новой Земле.

Невдалеке мы разыскали в скалах дивный грот. Над головой жутко нависли причудливые тёмные камни.

Тихо... Лишь чуть-чуть плещется изумрудный океан на серых камнях у входа в это волшебное царство.

Спугнули тишину пришельцы и чутко притаилась она во всех углах. Звонит стальной молоток нашего геолога о серые камни... А Лоренц, как только заглянул в это волшебное царство, то тотчас, будучи не в силах сдержать своего восторга перед этой красотой, и по живости своего характера, с воплем стал карабкаться вверх по отвесной стене. Испуганные им, вылетели откуда-то сверху несколько чистиков. Вероятно, там, на этой недоступной крутизне, у них были гнёзда.

Позднее утро... Едем обратно к становищу. Мерно взмахивают вёсла, чуть-чуть поскрипывая уключинами... Налево снова тянутся тёмные скалы. Иногда сплошные стены сланцев изборождены вертикальными трещинами. Это следы некогда бывшей здесь могучей вулканической деятельности. Вон прервались сланцы вкраплённой в них кварцевой породой... Высится одиноко среди тёмно-серых скал белый утёс и белая стенка природного мола далеко протянулась от него в океан.

Спит тихим сном океан...

А утро такое роскошное, такое тёплое!.. Не хотелось терять чудного дня и не воспользоваться великолепной погодой, но что делать, нужно было ложиться спать, ибо для нас это была ночь, а не день.

20-е июля. Проспали до четырёх часов. День таким образом потерян. Воспользовались этим вечером для хозяйственных нужд становища. Занялись чисткой гусей, часть которых оставалась ещё от нашей первой охоты и уже начинала приобретать несколько особенный аромат. А ночью проектировали идти на бертоне вдоль берега до конца склонов Становой горы и начала пологого плоскогорья, спускающегося к океану, а оттуда, оставив лодку, пешком на Н в Южную Сульменеву губу для съёмки.

Белый утёс

В становище остались Галахов и самоеды. Даже Русанов уехал с нами, несмотря на свою больную ногу. Он предполагал остаться у бертоне и сделать прибрежную геологическую экскурсию.

Было два часа ночи. Только мы обогнули второй мыс от нашего становища в бухте Сосновского, идя всё время вдоль берега, как заметили на горизонте в океане какую-то неясную чёрную точку и крошечное облачко дыма.

— Пароход!

— Что вы, неужели?

— Пароход и есть...

— Мимо или к нам?

Всеобщее оживление...

— Смотрите, точка увеличивается. Несомненно, пароход идёт сюда...

— Да, она стала лучше видна...

— Сюда!

Бинокль переходит из рук в руки, каждому хочется посмотреть.

Точка приближается и приобретает какую-то странную форму.

— Два парохода!.. — кричит Крамер, не отрывая от глаз бинокля.

— Что-о?!

— Вы думаете — это целая эскадра?

— Не думаете ли вы, что за время нашего отсутствия произошла война и теперь «англичанка» идёт водрузить свой флаг на Новой Земле? — иронизирует публика над Крамером.

— Кто бы это мог быть?

— Масленниковский мотор?

— Нет! С дымом то? Какой же это мотор? Нет, это пароход...

— «Бакан»?

— Легко возможно, что он. Может быть, он получил предписание идти сюда для промеров и гидрографических работ...

— Но тогда, что же он ведёт с собой на буксире?

Пароход приближался и ясно можно было различить, что за пароходом идёт на буксире шхуна.

— Неужели это «Бакан» конфисковал норвежское судно, промышлявшее на Новой Земле, и ведёт его за собой на буксире?

— Что ты!.. «Бакан»-то?.. Да этого с ним ещё никогда не случалось!.. Нет, это невозможно...

— Масленников?

— Но если это не «Бакан», то кто же?

— Масленников?

— Масленников не может быть, у него моторы, а пароходов нет.

— В таком случае это — норвежцы!

— Ну, разумеется, они!

— Вот тебе и раз!.. Значит, нам предстоит весьма неприятное столкновение?

— Во всяком случае, нам пока до поры до времени не следует им показываться, а поэтому гребите ближе к берегу, — говорит Крамер, — поедem у самых скал, там нас будет незаметно с парохода.

Пароход с шхуной на буксире идёт широким простором Крестовой губы, держась противоположного берега. Идёт полным ходом, уверенно, видно штурману здешний фарватер знаком хорошо. Хотя пароход шёл от нас очень далеко, но в бинокль ясно можно было разглядеть его во всех подробностях, с белым поясом и каким-то знаком на трубе, с бочкой на передней мачте, тип норвежских зверобоев, и изящную шхуну, которую он буксировал за собой.

Уединение наше нарушено!

Теперь перед нами задача, что делать? Очевидно, пришли норвежцы, хозяйничающие на Новой Земле, как у себя дома. Предвидя неприятную

встречу с хищниками, прежде всего отказались от нашей предполагаемой экскурсии в Южную Сульменеву губу.

Пароход зашёл за острова в глубине губы и скрылся из виду...

21-ое июля. Тихое утро... Полный штиль... Мы высадились немного ниже «Волшебного грота», близ громадного дерева, выброшенного на берег волнами, Бог знает, из каких стран принесённого ими сюда.

Наш завтрак или ужин — тут никак не разберёшься в этой терминологии... Начинается новый день, а потому приличнее было бы называться этой трапезе завтраком, но в то же время мы не спали всю ночь и едим за эти сутки последний раз перед сном, а поэтому пусть будет — ужин. Итак, наш ужин, состоявший из поросёнка, гуляша, битков и черешен, был неожиданно прерван. Бертон, который мы, увлечшись разговорами о норвежцах, оставили у самой воды, сняло приливом и он, подгоняемый лёгоньким ветерком, «тихо и плавно качаясь», вздумал предпринять самостоятельное путешествие по океану, без пассажиров и гребцов. Я сидел на плавнике лицом к берегу и первым заметил своёвольный поступок бертона.

Стремительно вскочив, я бросился в море...

— Что с ним? Что такое?..

— Куда вы?!

Но, взглянув на бертона, все мигом поняли в чём дело.

Изрядно вымокнув, я схватил и водворил на место беглеца. Положение могло оказаться неприятным, если бы наш бертон уплыл далеко, мы были бы отрезаны от становища непроходимой крутой стеной, и чтобы попасть туда за шлюпкой или карбасом пришлось бы предпринять целое путешествие: обогнуть Становую гору, подняться на неё со стороны Южной Сульменевой губы и спуститься в Крестовую. В один день не сбегаешь, между тем бертон приказал бы кланяться, а вместе с ним все наши ружья, астролябия, теодолит, фотографический аппарат и проч.

— А я было думал, что тебе заноза попала, — смеялся Лоренц, — ты так неожиданно вскочил.

Пришлось раздеться и высушивать у огня все подробности туалета. Хорошо, что погода тёплая, можно сидеть перед костром в полу-адамовом костюме.

Вернулись в становище. Самоеды тоже видели пароход. Необычайно зоркий Тыко разглядел крест на трубе и по этому знаку определил национальность парохода.

— Это — шведы! Я только у них видал такой снэк на трубе...

Ну, шведы, так шведы! По-моему, что шведы, что норвежцы — цена одна

Проснувшись часов в семь вечера, мы предприняли под предводительством Крамера разведочную рекогносцировку, задавшись целью определить якорную стоянку шведов и понаблюдать издали за «неприятелем».

Извиваясь ужом между камней, подобно индейцу, герою майн-ридовских романов, заползает Крамер на вершину высокого холма — выследживать «врагов». Вот он, притаился за камнями и направил вдаль бинокль.

— Ну, что? Видно? — кричу ему снизу.

Досадливо машет рукой, отстань де!

Поднимаюсь на холм, взяв подзорную трубу, любезно предложенную мне Русановым. Сам он не разделяет нашего воинственного настроения, предпочитая рыться в пересохшем русле реченьки, где ему попались аммониты.

— Нагнись ниже! Заметят... Прячься за камни! — недовольно ворчит на меня Крамер, когда я очутился на наблюдательном пункте.

— Да ведь далеко! Всё равно не увидят.

— Нет, всё-таки лишняя предосторожность не мешает, — с компетентным видом решил Крамер.

— Ну, что ж... тебе и книги в руки. На то ты и начальство.

Хотя мне и не нравилась эта мальчишеская игра в следопытов-индейцев, но протестовать было неудобно. Покорно растянулся меж камней и направил подзорную трубу.

Таинственные иностранцы были от нас по крайней мере верстах в пяти. Пароход и шхуна стояла на якорях близ конца губы у последнего (пятого) островка. На них не было заметно никакой жизни. Вероятно, за поздним временем, приехавшие сладко спали, не предчувствуя, что за ними здесь «зорко наблюдают».

— Завтра надо к ним будет поехать, узнать, что за люди, — решил Крамер, пряча бинокль в футляр.

— Пойдём!

Возвращаясь к становищу убил чистика (*Cerphus mandtii*).

Страстная привязанность нашего геолога к его любимому предмету невольно заряжает.

Сначала, бродя в окрестностях бухты Сосновского, мы с Лоренцом подбирали всякие заинтересовавшие нас камешки, почему-либо обратившие наше внимание цветом или формой, и тащили их к Владимиру Александровичу. Натаскивали к нему всякой дряни, но случалось, что приносили и интересные для него экземпляры. Наш симпатичный товарищ охотно объяснял и рассказывал о каждой встреченной нами и принесённой ему горной породе, терпеливо читал нам целые лекции по геологии. И вот теперь мы уже начинаем понемногу разбираться в породах и доставляем ему лишь действительно интересные экземпляры. Сначала в виде особого рода спорта, а потом и увлечшись на самом деле любопытными находками, мы теперь каждый раз внимательно смотрим себе под ноги и с интересом коллекционируем. Сегодня, например, мне удалось найти несколько очень хороших экземпляров аммонитов и белемнитов, ископаемых юрской эпохи, а также кусков десяти каменного угля.

22-ое июля. Это чуть-ли не первый случай со времени нашего приезда сюда, когда мы проснулись и начали день с раннего утра. За чаем поднимается вопрос о визите к шведам. По всестороннем обсуждении проектируется поездка в составе: Крамера, как представителя экспедиции и лица, свободно владеющего немецким языком, что очень важно для предстоящих дипломатических переговоров, затем Русанова, для объяснений на французском диалекте, если со шведами не удастся беседа на немецком языке, и меня, в качестве фотографа экспедиции.

Часов в девять услышали звуки пароходного свистка — это гудел в глубине губы «наш иностранец». Раз... два... три... — басисто перекачивается эхо в горах.

— Неужели он уже уходит? Или это «он» сзывает свистком съехавших на берег?

— Вот что, Карл Александрович, подите, пожалуйста, вон на ту гору и следите за «ним». Если «он» уходит, то сигнализируйте нам. — говорит Крамер.

Мы тем временем быстро готовим шлюпку и паруса, намереваясь идти навстречу пароходу, если он будет уходить из губы, и в случае, если бы пароход, в виду подъезжающей к нему нашей шлюпки, всё-таки не остановился бы, то, по крайней, мере фотографировать его, чтоб

иметь в руках документ, фактически доказывающий хищничество иностранцев в водах северного острова Новой Земли.

Чу!.. Гремит на горе выстрел Лоренца, и в бинокль ясно видны сигналы о выходе таинственного иностранца.

Поспешно садимся в шлюпку и, подняв паруса, идём наперерез губы. А вот и «он» показался из-за скалистого обрывистого мыса.

— Эх!.. далеко очень от нас пройдёт! Надобно было бы пораньше ехать...

— Увидят, — говорит Крамер, — мы должны быть заметны, да и к тому же флаг наш в становище издалика виден... Заметят!..

Большой иностранный пароход типа норвежских зверобоев или траулеров шёл на всех парах, тем же курсом, что и раньше.

— Не видят! — безнадёжно махнул рукой Русанов. Казалось бы, трудно допустить, что бы пароход не видел ни нас, ни нашего громадного флага, развевавшегося в становище на высоком флагштоке, а однако он шёл всё дальше и дальше, не думая останавливаться в виду подъезжающей шлюпки и не салютуя русскому флагу.

— Неужели не видят нас?

— Кто их знает? Может быть и видят, да не желают остановиться.

— Возможно.

— А ты, Александр Александрович, всё-такиними пароход, — советует Крамер.

— Да, ведь далеко! Очень мелко выйдет. Пароход будет не больше булавочной головки!

— Нет, всё-такиними, — настаивает Крамер, — может быть, потом можно будет увеличить снимок.

— Ну, ладно! — и я, пристроившись на носу у кливера, фотографирую «иностранца».

— Однако «они» не стесняются, промышляют здесь, как у себя дома.

— Эх, «Бакана» нашего нет, он бы «им» задал страху!

— Что наш «Бакан»! Тут нужна серьёзная охрана промыслов, а не экскурсии нашего «Бакана» в Кармакулы, да в Маточкин Шар в июле месяце. Норвежцы-то за это время уже успеют съездить на Новую Землю и домой вернуться, — продолжал Крамер.

— Илья! — обратился он к самоеду, который ехал с нами в шлюпке, — когда нынче норвежцы в первый раз пришли к вам?

— Нынсе? Сисла двадсатого мая — отвечал самоед.

— Ну, вот видите!

— А что, лёд в это время был у берегов? — спрашивает самоеда Русанов.

— Намного оставалось. Они просли между пловучим льдом.

— Куда прошли?

— Туда! — кивнул головой Илья, — на север!..

— Илья, ты не знаешь, не слыхал, есть или нет у норвежцев становища на севере Новой Земли? — продолжал расспрашивать Крамер.

— Есть!

— Где?

— В Архангельской губе¹.

— Во-от как!.. Что же у них там, и дома выстроены?

— Да, симой живут... Там они много зверя промышляют... — добавил Илья.

— А вы что-же зимой никто туда на собаках не ездите?

— Нет, боимся... Убьют...

Пароход уходил, направляясь к выходу губы в океан.

Пришлось повернуть обратно в свою бухту и удовольствоваться только тем, что сфотографировали, да хоть отчасти определили тип парохода, несомненно промыслового.

— Однако, господа, шхуна-то ведь здесь осталась, по-видимому промышлять гольца будет и нам *volens-nolens* придётся ещё иметь дело с иностранцами...

— Н-да, история неприятная!..

— Чтобы то ни было, как бы они нас ни приняли, если даже и пулями угостят, но мы должны заявить им, что в наших водах промышлять они не имеют права. Я имею на этот счёт определённые инструкции от губернатора. — говорил Крамер.

— Что угостят, в этом мы можем быть уверены, но вопрос — чем: или шампанским или пулями, — смеётся Русанов.

— Ну, нет, — возразил Крамер, — я не думаю, конечно, что дело дойдёт до перестрелки, мы постараемся возможно деликатнее выполнить нашу миссию.

— А всё-таки неприятно! Наше мирное пребывание здесь нарушено вторжением пришельцев, и эти места потеряли таинственную прелесть необитаемой земли, — высказал сожаление Русанов, несомненно обладающий поэтической жилкой.

¹ 75° 48' с. ш.

Любил наш геолог Новую Землю. Любил суровую природу этого необитаемого острова. А как он поэтически рассказывал, бывало, свои многочисленные приключения из прежних поездок сюда: «Ходил я один среди гор, лишь ветер пел песни мне в дуло ружья».

В становище, на берегу, нас ожидал Галахов. Он только что вернулся с левого, далеко выдвинувшегося в океан мыса бухты Сосновского, где наблюдал в подзорную трубу Русанова иностранный пароход.

— Я разглядел, господа, название парохода!

— Да что вы?

— Неужели!

— Это интересно! — посыпался град восклицаний.

— Как же его зовут?

— «Helos» — торжественно объявил Галахов.

— А-а-а...

Моментально все выхватили из карманов записные книжки и пишем: «Helos».

— Стойте, как же «Helos»? — выразил сомнение Крамер; — на каком языке это будет? Может быть «Helios»?

— Нет, нет! Именно, «Helos»... я ясно рассмотрел.

— Во всяком случае — это очень важное открытие, — говорит Крамер, — теперь нам известно название парохода.

На сегодня мы собирались всей экспедицией идти для обследования южной долины Крестовой губы, но внезапно подувший SW изменил все наши планы. Этого ветра с нетерпением ожидал Русанов для далёкой поездки в Машигину губу и, главным образом, к полуострову Адмиралтейства, где он надеялся найти ключ к разрешению интересующего его вопроса об отступании или поднятии моря и геологического строения Новой Земли.

Началась спешка сборов. Старая шлюпка была давно уже высмолена, но нынче мы заметили другой дефект — треснул форштевень. Шлюпку вытащили на берег и наколотили на форштевень стальной полоз от саней.

Крамер отказался ехать с Русановым, находя, что, ввиду посещения нашей губы иностранцами, его присутствие здесь, как начальника экспедиции, необходимо.

Русанов уезжал с обоими нашими самоедами, оставившими на наше попечение неприятную миссию заботиться о 28 штуках вечно голодных собак.

Подняв паруса, шлюпка ушла в океан после дружеского тёплого прощания. Аккордом унылого, за душу хватающего воя провожали собаки самоедов. Сжималось сердце невольной боязнью за Русанова. Поездка в такой старой, полуразбитой шлюпке открытым океаном могла кончиться печально. Страшен Ледовитый океан, когда разбушует сердитыми волнами, и опасны прибрежные скалы с их подводными рифами. А от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства была не одна сотня вёрст...

Вскоре после его отъезда поднялся густой, непроницаемой стеной туман, без сомнения остановивший в пути нашего смелого товарища и заставивший нас окончательно отложить на сегодня поездку в Южную долину.

Неузнаваемы окрестности, всюду встала таинственная стена молочно-белого тумана и сразу сделалось сыро и холодно...

23-е июля. Опять проснулись вовремя, кажется, в этом отношении входим в норму. Туман стал значительно реже. Решили сегодня ехать в экскурсию для исследования и съёмки южной долины Крестовой губы, а попутно нанести визит таинственным иностранцам. Перед отъездом у нас очень много времени отняла основательная упаковка съестных припасов от посягательства псовой команды за время нашего отсутствия. Особенно тщательно уберегали от собак лакомое для них масло, на которое были не раз покушения. Часть его, фунтов десять, они уже успели съесть, разбив плохо укупоренный бочонок. Собаки с большим искусством умеют снимать зубами обручи с бочонков, особенно если обручи набиты неплотно. Умудрённые горьким опытом, остававшийся пока в целости бочонок упаковали в ящик, сверх него поставили ящик с аптекой, на него геологическую русановскую коллекцию, а всё это сооружение увенчали глыбами камней. Так же пришлось поступить с сухарями и прочими съестными припасами. Чум забаррикадировали толстыми обрезками досок.

Удивительно вороватые собаки! За сегодняшнюю ночь они забрались на ящики, наверх склада с съестными запасами, и стащили оттуда всех гусей. Но это не так трудно. Какие-то прохвосты собачьей породы проделали ещё лучший фокус. Умудрились спереть пару гусей из самого чума!?!.. Кроме того, им же пошла на закуску одна из нерпичьих шкур, которыми мы пользуемся от дождя, вместо брезентов, закрывая наш склад. А между тем, не в пример самоедам, мы вчера вечером накормили

их сваренной в огромном количестве овсянкой с гусями. Чего бы, кажется лучше — ан нет, всё-таки воруют что ни попади, даже тарелки и кружки. Должно быть это у них в крови, врождённое. Все новоземельские собаки — потомки архангельских подворотников. Из Архангельска прежде отправляли сюда целыми транспортами бродячих собак, забранных полицией на улицах за отсутствие надлежащего документа, за беспаспортность, т. е. без ошейника и управского значка на нём. Поэтому ничего нет удивительного, если новоземельские собаки на лапу нечисты. Ах, воры, воры!.. Что уж, кажется, пустые эмалированные кружки, а собаки и их таскают. Тут уж не из-за преступной слабости к нашим съестным припасам, так как кружка, даже с собачьей точки зрения, не питательна, а просто, я думаю, в силу установившихся традиций или из желания нам напакостить. Недавно кружку Лоренца унесли высоко в гору, и ему не из чего было пить чай. Бедняга в течение нескольких дней ходил, разыскивая её. Особенно он сокрушался о пропавшей вместе с кружкой чайной ложечке. Мы изобрели чудесный способ привязывать на верёвочку или лычко ложки к своим кружкам, благодаря этому они всегда на месте, а то прежде всё терялись. Положим, верёвочки от постоянного пребывания в горячем чаю приобретали распухший, осклизлый вид, но такими пустяками мы пренебрегали. Удобство — прежде всего!

С отъездом самоедов собачья орда легла на нас особенно тяжёлым бременем. Боже мой, что-то здесь будет, когда мы через двое суток вернёмся из экскурсии! Воображаю!

Шестой час вечера... Мы приближаемся на нашем бертоне к таинственной шхуне, стоящей на якоре за последним скалистым островком¹ Крестовой губы. Выехали из-за острова и приостановились... Долго приглядываемся в бинокль к незнакомому судну, прежде чем окончательно приблизиться. Волнует неизвестность. Как-то примут нас предполагаемые норвежцы или шведы? Что-то будет?

— Ну, делать нечего, если даже обозлённые нашим появлением норвежцы встретят нас пулями, но подъехать и объясниться мы всё же должны, — решает Крамер.

Всё ближе и ближе подходит на вёслах наш бертон. Парус мы давно сняли, так как ветер упал совершенно, и в заливе ходила тихая мёртвая зыбь.

¹ Пятый, самый маленький островок Крестовой губы. Промышленники называют его Медведко.

Видны копошащиеся на судне фигурки людей. Силимся разобрать в бинокль неясную надпись на носу судна, но лёгкий туман мешал этому. От берега отвалила белая шлюпка и быстро шла на гребях к судну.

— Иностранцы!.. — сказал Крамер, наблюдавший всё время в бинокль.

— Почему вы думаете?

— Одежда не русская на людях.

— Ну, значит, норвежцы!

— Капитан винтовку заряжает! — взволнованным голосом говорить Крамер, а мы молча угрюмо косимся на ружья, лежащие подле нас, под руками.

— Ну, что-то будет?

Подъезжаем ближе. Медленно подвигается вперёд наш бертон, гребём как-то нехотя.

— Дмитрий Селунский!!! — торжествующе вскрикивает Крамер, разобрав в бинокль надпись.

— Ура, ребята!.. Масленниковское судно!..

— Вот тебе и раз!..

— Вместо норвежцев наши оказались!

Даже как-то неприятно стало. Уж очень всё просто оказалось. Совсем приготовились к встрече с норвежцами, предвкушалось такое эффектное положение и вдруг... пожалуйста... полная перемена декораций.

— Постой, а как же капитан? — обратился я к Крамеру.

— Что капитан?

— Да ты рассмотрел в бинокль, что капитан винтовку заряжает.

— Вот, чудак! Неужели ты думал, что это я говорил серьёзно? Я пошутил, — ловко вывернулся Крамер.

— Ну, господа, гребите, гребите скорей! — торопит он гребцов.

— Теперь нам лафа будет, раз это масленниковское судно, — радуется Крамер.

Быстро подъезжаем к большой двухмачтовой мотор-яхте и подваливаем к спущенной за борт лестнице. Несколько матросов перегнулись за борт и с любопытством уставились на нас.

— Это масленниковское судно? — спрашивает Крамер.

— Масленниковское.

— Где капитан!

— Здесь! Пожалуйста в кубрик.

Крамер поднимается по лестнице, а за ним и мы, привязав нашу парусинку.

На палубе повсюду растянуты и развешены сети, которые промышленники налаживают для ловли гольца. Игриво возятся два щенка самоедских лаек, путаясь в сетях.

— Сюда, пожалуйста, в кубрик! — показывает нам матрос на каюту.

В тесном кубрике налицо вся судовая аристократия: молодой краснощёкий здоровяк капитан, рыжебородый штурман Антуфьев, старший промышленник, заведующий промыслами Масленникова на Новой Земле, Климент Авдеевич Лобанов и молоденький франтоватый машинист в засаленном пиджаке.

Знакомимся. Крамер весьма торжественно, хоть в высокопоставленном салоне, так и то впору, представляет членов экспедиции.

— Жаль, что Масленников уехал. Маленечко его не застали. Ему очень хотелось повидаться с экспедицией — говорит Климент Авдеевич.

— Как! Масленников сам здесь был? Когда же?

— Да он на «Николае» вчера только ушёл. Он на нём приезжал. — поясняет капитан.

— Так это Масленниковский парохода, был?

— Его, его...

— Так как же Масленниковский? Ведь у него, кажется, не было парохода?

— Недавно, нынче купил. Как же, как же, его... «Николай» называется. В Норвегии куплен...

— Во-от как! — изумлённо протянул Крамер, а мы ведь вас за норвежцев приняли.

— Как так? Скажи на милость!.. — изумляется Климент Авдеевич.

— Мы видели, когда вы пришли в Крестовую губу. Пароход вёл вас на буксире...

— Это он из Мелкой губы нас прибуксировал, мы там промышленников оставили, — поясняет Климент Авдеевич.

— Флага у вас не было. Ну, думаем, — норвежцы, — продолжает рассказывать Крамер, — мы не знали, что у Масленникова есть свой пароход...

— Удивительно, как мы вас не видали? — перебивает капитан, — мы всё время на берега смотрели в бинокль. Знали, что здесь экспедиция осталась... Думали, увидим где-нибудь...

— Так нас и сочли за норвежцев? — смеётся Климент Авдеевич.

— Да, да! — усмехается Крамер.

Грязный, с лохматой головой кок приносит и подаёт нам чай.

А мы подумали, что вас здесь нет, — продолжал Климент Авдеевич, — думали вы на Карскую сторону ушли...

— Ездили вверх по Крестовой реке с Масленниковым на охоту, так там ваши следы видели. — добавил капитан, — вот поэтому и подумали, что вы на Карскую сторону ушли.

— А мы вчера выезжали к пароходу, когда «Николай» пошёл из Крестовой губы, думали увидят, так остановятся...

— Не остановились?

— Нет!

— Значит не видали, а то бы непременно остановились.

— Должно быть, не видали нас!

— А вы тут остаётесь до сентября, — продолжал расспрашивать Крамер, — вероятно, промыслять будете?

— Да вот хотим здесь гольца половить, не знай, что будет, что Бог даст... — отвечает Климент Авдеевич.

— У нас ещё в Матюшихе, да в Мелкой народ оставлен, — добавил капитан. — тоже ловить будут.

— Вот в Мелкую приведётся завтра съездить, — говорит Лобанов, — надо бы посмотреть, как там они ловят, да сетей бы ещё им свезти.

— Взяли бы нас с собой, нам было бы интересно побывать в Мелкой... — просится с ним Крамер.

— С полным удовольствием! Поедемте!

— А вы на чём поедете?

— У нас здесь есть с собой маленький моторчик, так на нём.

— Ну, а осенью, потом увезёте нас в Маточкин Шар? — спросил Крамер, передавая капитану губернаторское письмо.

— Увезём! Отчего не увезти... — соглашается капитан.

— Нам Масленников оставил насчёт вас распоряжение, чтоб, значит, вам всякое содействие оказывать, — сообщает Лобанов.

Поздним вечером уехали мы с «Дмитрия Селунского».

Оказалось, что из глубины Крестовой губы ведут внутрь острова не две долины, как нам казалось прежде, а три. В северной, с её рекой Крестовой, мы уже были, теперь пристали и высадились у мыса средней долины, согнав у берега целые сотни гусей. Сторожкие гуси, не подпустив

нас на выстрел, серой движущейся массой уплыли к противоположной стороне.

Крамер ушёл в глубину долины, желая сделать попутно глазомерную съёмку.

Разложили из плавника большой костёр.

Полнейший штиль... Полночь...

В горах клубится туман. Постепенно открываются близкие горы с их чудными синими глетчерами и белыми пятнами снега, все розовые в лучах полуночного солнца... Задумчивая полярная тишина нарушается лишь мирным треском костра, да далёкими криками гусей с противоположной стороны.

Средняя долина Крестовой губы

24-ое июля. Выглянуло снова из-за ближней горы незаходившее солнце и снова начался в сущности не кончавшийся день. Удивительно нежно выглядят глетчеры и горы при утреннем освещении... Стало возможно фотографировать, и я ушёл в сопровождении Лоренца в глубь средней долины, не помеченной на карте, с её широкой дельтой. Эту долину мы проектировали вчера назвать Селунской в честь сюрприза со шхуной.

Случайно наткнулись на песцовые норы. Рассерженный нашим присутствием песец со своим семейством ворчал и лаял на нас под землёй, но, несмотря на все старания, мы никак не могли его выжить из норы. Расковыривали норы жердями (нарочно за плавником сходили), стреляли в норы, но ничего не могли поделать, пришлось бросить...

Всего углубились в долину лишь на пять с половиной вёрст. Крамер, впрочем, проходил немного дальше. До ближайшего колена долины дойти не успели, не располагая для этого достаточным временем, так как на сегодня мы условились ехать с Климентом Авдеевичем в Мелкую губу. Вернулись к бертону, отложив до возвращения из Мелкой губы дальнейшее исследование этой широкой долины, ведущей в глубь Новой Земли.

— Послушайте, Павел Александрович! — лукаво смеясь, обратился к нему Крамер, а как же название парохода?.. «Helos»?

Галахов смущённо улыбнулся.

— Ну, ей Богу, мне так показалось!

— Удивительное сходство: «Helos» и «Николай»! — иронизирует Лоренц.

Гостеприимные моряки не хотели нас отпустить с судна без завтрака, накормили пшённой кашей с кислым молоком, а поэтому и нам пришлось, соблюдая этикет вежливости, ответить им в свою очередь обедом из консервов в нашей столовой на тресковых бочках. Тем более, что заехать в становище было необходимо, чтоб взять кое-какие вещи для поездки. В становище мы пришли на моторе, буксировавшем за собой маленький карбасок с нашей парусинкой, и встречены были неистовым собачьим лаем. Как и следовало ожидать, милые собачки без нас времени даром не теряли — распорядились вскрыть тресковую бочку с овсянкой и слопали её всю без остатка. Ловкость и аппетит — поразительные! Овсянки в бочке находилось несколько пудов. Кругом чума виднелись обильные доказательства, что такое обжорство скверно отзывалось на собачьих желудках, а в эмалированном котле, в котором мы варили себе пищу, отдельно, самостоятельно лежало сверхкомплектное доказательство. Что же это такое? Это уж прямо издевательство... Котёл, с оставшимся в нём супом и гусями, мы перед отъездом накрыли большим ящиком, а сверху положили тяжёлые камни... Ухитрились-таки, достали, съели и... Вот негодяи!..

— Г-гыть!.. — вопили мы на собак, научившись этому окрику у самоёдов, и, со злостью бросая в них камни, отгоняли от чума.

Приехавшие моряки с нескрываемым любопытством наблюдали эту оригинальную возню с целой оравой собак, с интересом оглядывали наш чум, становище...

— Плохой больно у вас чум-то! Как вы в нём и живёте только!.. — почувствовал добродушный Климент Авдеевич.

Гости отдали честь обеду и десерту из фруктов, тем более, что всё обильно приправлялось разведённым спиртом. Со всеми этими этикетами мы так задержались, что оттянули отъезд до половины третьего. Но ничего не поделаешь, приходилось из дипломатии ухаживать за капитаном и Климентом Авдеевичем, так как в глубине души мы рассчитывали побывать на их моторчике во всех ближайших губах и даже мечтали нагряться к Русанову в Машигину губу и привезти его обратно на буксире. Благодаря последней собачьей экспроприации выяснилось, что уехать всем из становища невозможно из-за неистовства милых собачек, иначе мы рискуем остаться совсем без провианта. Лоренц с Галаховым остались домашничать и охранять наши запасы от расхищения.

Нестерпимо оглушительно загрохотал мотор, и мы снялись с якоря, приветствуемые с берега оставшимися товарищами, капитаном «Дмитрия Селунского» и двумя десятками собак, завывавших на все лады. Небольшой мотор с двигателем системы Дана был очень удобен, с крошечной каюткой на носу, но, как и мотор мурманского пароходства, тоже пытался капризничать. Смышлёный молодой машинист-самарец объяснял это недавним случаем на охоте, когда случайно выстрелившее ружьё пробило бочку с керосином и весь керосин разлился по мотору. Этот керосин, смешанный с водой, которая накопилась в моторе, вычерпали и из экономии пустили в употребление. С нами по досадной случайности был как раз именно этот злополучный керосин. Пока шли Крестовой губой мотор несколько раз пытался протестовать против разбавленного водой керосина и сердито хлопал пистолетными выстрелами в своей коротенькой, точно самоварной, трубе, поставленной наверху машины. Но расторопный машинист заботливо ухаживает за ним и каждый раз вовремя умилоstit сердитый мотор: то маслом помажет, то какой-нибудь винтик повернёт, то поковыряет чем-то в недрах пыхтящего чудовища...

Погодка выдалась на диво. День прямо-таки был жаркий... Спокойно заснул наш залив... Всех разморило под лучами палящего солнышка. Крамер устроился на малице в буксируемом нами карбаске и сладко

спал после бессонной ночи с утомительным переходом. Климент Авдеевич клюёт носом, сидя на руле, и с благодарностью ухватился за моё предложение сменить его. Дал мне указания относительно курса, рифов у мыса Смирнова и поспешно скрылся в каюту вздремнуть на часок.

Мотор горделиво пыхтит, выбираясь из нашей губы, гулко, методично хлопая чем-то в своих недрах. Машина наладилась, и машинист тоже задремал.

Впереди уходит в даль безмятежно спокойный старик-океан, а сзади амфитеатром громоздятся величественные тихие горы Крестовой и Южной Сульменевой губы с своими ледниками и снегами. Особенно эффектно освещён солнцем и выделяется громаднейший глетчер, полого спускающийся с гор в глубине Ю. Сульменевой губы. На горизонте чуть наметился в призрачной голубоватой дымке далеко вдающийся в океан нос Адмиралтейства...

Мотор вышел из губы, и его подхватили медленно перекачивающиеся большие океанские волны мёртвой зыби.

Чудный океан! Дивная погода!..

Переменчивые по окраске океанские волны теперь были красивого тёмно-синего цвета и разбегались струями с белой каймой пены от нашего мотора.

Вышел из каюты слегка вздремнувший Климент Авдеевич, и я передал ему руль, взявшись за бескурковку.

Убил двух гагарок, красноногого чистика и какую-то странную, невиданную нами до сих пор серую чайку. Нелёгкая задача поднять на ходу с мотора убитую птицу. Иной раз мотор не один тур провальсирует вокруг неё, прежде чем удастся схватить.

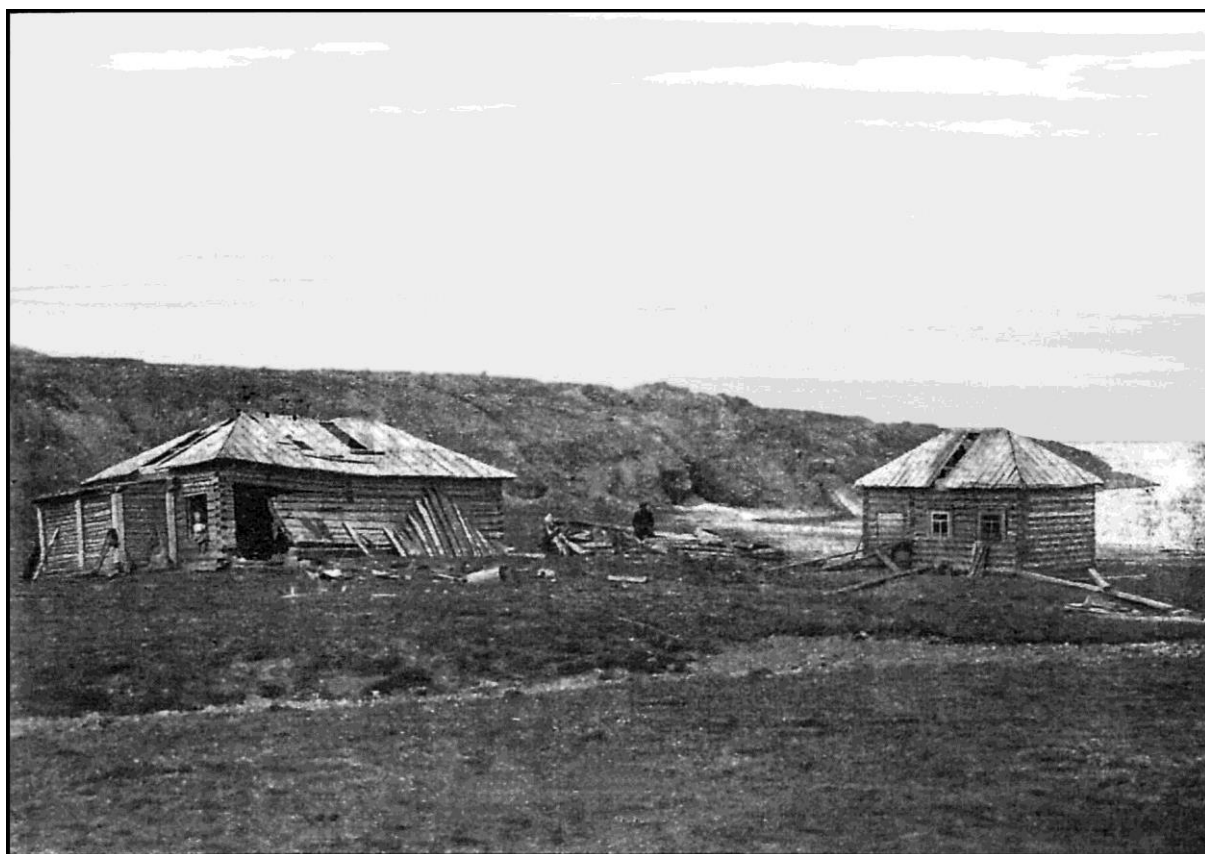
Около девяти часов вечера мы заходим в маленькую бухточку Мелкой губы, где семьдесят лет тому назад зимовал смелый исследователь Новой Земли Циволька и где он нашёл себе безвременную кончину. Мир праху твоему, отважный исследователь!..

Мысль ли о муках так много перестрадавшего здесь Цивольки, или весь этот угрюмый вид изрезанной рифами губы с её чёрными скалистыми берегами, — но это место производит тяжёлое впечатление, что ещё более усиливается полуразрушенными домами зимовки Цивольки. Горы отодвинулись далеко внутрь острова и не скрашивают своим величественным видом мрачный ландшафт Мелкой губы.

На берегу среди выгруженных бочек, дров и других вещей промыслового обихода копошатся фигуры масленниковских рабочих и семьи

самоеда Осокина, привезённого Масленниковым сюда из Архангельска на поселение.

Бросаем якорь и на карбаске идём к берегу. На берегу два дома. Первый — маленький, в три квадратных сажени, дом, где жил сам Циволька, перенесён рабочими Масленникова на несколько сажен ближе к берегу и почти отремонтирован, предназначен для жилья остающихся здесь на зиму трёх промышленников и семьи самоедов. Вид дома и план оставлен, за маленькими изменениями, прежний. Второй, большой дом, где жила команда зимовавшего здесь судна экспедиции Цивольки, полуразрушен, с выбитыми рамами и уничтоженными дверями, сильно запрокинулся местами и грозит рухнуть, что уже и случилось с домом самого Цивольки, и дом пропал бы совсем для потомства, как память о смелом моряке, если бы его не вздумали теперь отремонтировать. Между этими двумя строениями лежит куча гнилой древесины, остатки бывшей здесь более ста лет тому назад старинной избы наших промышленников.

Зимовье экспедиции Цивольки в Мелкой губе.

После осмотра остатков зимовки энергичного моряка идём на его могилу.

Безжизненно пусто, мёртво вокруг высокой скалы, где погребён прах Цивольки и восьми человек его команды, разделивших печальную участь своего начальника. Поставленный над братской могилой большой высокий крест упал, сломленный бурей, и никто не поднимет его, не вспомнит добрым словом почившего, так много потрудившегося для изучения далёкого острова.

Безлюдье... Пустыня...

И некому помолиться над последним убежищем отважного исследователя и его сподвижников, смелых моряков-матросов, улёгшихся в эту могилу

«Без церковного пенья, без ладана,

Без всего, чем могила крепка...»

Далеко уходит вдаль суровый океан. Вокруг вереницей тянутся угрюмые чёрные прибрежные скалы...

Тишина мёртвой пустыни. Лишь немолчно рокочут одни буруны и поют похоронную песню на рифах прибрежных...

Внизу под скалой белеют кости медвежьего скелета. Близ могилы виднеются старые медвежьи следы... Одни, видно, белые медведи посещают эту забытую могилу, да грозный новоземельский «восток» завывает над ней свои погребальные мелодии, когда разбушует непогода...

На кресте вырезана ножом следующая надпись:

«Здесь покоится прах Н: Э: К: Ф: Ш:¹ прапорщик Циволька кончил свою жизнь марта 16 дня 1839 года и ещё 8-м человек умерло во время зимовки от цынготной болезни из служителей крест поставлен К: Ф: Ш: прапор. Моисеевым».

Часть букв по краям креста начала уже выкрашиваться на полусгнившем дереве.

Ночевать расположились в избе Цивольки. Один из масленниковских промышленников, оставленный им в Мелкой губе, Дмитрий Бурков, оказалось, участвовал в четырёхлетней экспедиции д-ра Юргенса на берега Лены. Мы долго слушали интересные рассказы Дмитрия Буркова, завернувшись в свои тёплые малицы и улёгшись на полу. В маленькие с частыми переплётами окопные рамы тускло смотрит на нас таинственная светлая полночь. От стен старинного дома незримо веют воспоминания о молодой погибшей жизни. Сколько тоски и страданий видели эти стены?.. Здесь мучился, умирая, Циволька в страшных объятьях

¹ Начальник экспедиции корпуса флотских штурманов.

цинги, злой гостыи полуночных стран. Заживо гнить, медленно разлагаясь зловонным трупом, и сознавать, что смерть неизбежна, что некому помочь здесь в снежной пустыне, на этом безлюдном далёком острове... Тяжёлая смерть!

Могила Цивольки

25-е июля. Первая половина дня прошла в детальном осмотре зимовья Цивольки, а вторая — в экскурсии в глубину губы. Вдвоём с Крамером на узкой вертлявой шлюпке мы проехали до конца губы и заехали в широкую большую реку. Эта река впадает в губу близ правого её берега. С усилием гребя против быстрого течения, мы пересекли её и высадились на левом берегу реки. В поисках лучшего пункта для предполагаемой фотограмметрической съёмки наметили возвышенность левого берега губы и пошли туда по низкой песчаной косе, предполагая, что это мыс. После

часу скорой ходьбы мы, к прискорбию своему, увидали, что это вовсе не мыс, как нам казалось, а громадная песчаная отмель и от левой стороны губы мы отрезаны другим рукавом той же реки, впадающей там в губу.

Близ конца отмели неожиданно наткнулись на большого морского зайца (*Phoca barbata*), нежившегося на песочке. Я махнул рукой Крамеру, давая знак остановиться, и быстро скинув альпийский мешок, стал доставать пульные патроны для моей бескурковки, но Крамер предупредил меня, выстрелил из винтовки и промахнулся. Забавно было смотреть, как этот неповоротливый на суше зверь поспешно перевернулся и бросился в воду. Любопытный заяц выныривал несколько раз из воды, чтоб хорошенько рассмотреть напугавшего его охотника. Крамер каждый раз стрелял по нему с той же удачей.

Пошли обратно. Убил налетевшую на меня морскую чайку (*Larus glaucus*).

Выезжая из реки, взяли курс слишком близко к песчаной отмели и попали в буруны прибоя. Пришлось испытать довольно сильное ощущение, когда волна за волной с рёвом и шумом пошла на нашу вёрткую шлюпку и нас стало швырять, словно щепку... Что-то кричит Крамер, изо всех сил работая вёслами, но за грохотом бурунов ничего не слышно. Сильные волны рвут из рук кормовое весло (шлюпка руля не имела)... А вот и роковой девятый вал, белой опенённой стеной неумолимо надвигается на нас... Нос высоко взлетел кверху, шлюпку поставило на дыбы... Вода широким каскадом перекинулась через нос, через спину Крамера... Мгновенье и... лодка, полная чуть не до бортов водою, благополучно вынырнула из бурунов и плавно закачалась на отлогой покойной океанской волне. Оба мокрые, мы энергично принялись отчерпывать воду.

Обсушившись в становище, хотели ехать вторично на намеченную нами возвышенность для фотограмметрической съёмки, но с моря надвигалась белая стена густого тумана и съёмку пришлось отложить.

За время нашего отсутствия К.А. Лобанов сложил из привезённого с собой кирпича русскую печь в отремонтированном заново доме Цивольки. Вечером печь затопили впервые. Лобанов и Крамер, боясь угара, уехали ночевать на мотор, а я с Дмитрием Бурковым остался в избе. Снова потянулись нескончаемой вереницей рассказы бывшего помора.

С умилением вспоминая о самом начальнике экспедиции, Бурков характеризовал д-ра Юргенса кратко, но выразительно:

— Хороший был барин! Душевный... Н-да... всего было... Хватили и горя, и радости! А какая бывало там стужа по зиме-то? — Беда... Ну, да это, положим, нас не страшило. Одевались тепло. Окромя суконного платья, значит, надевали на себя кафтаны такие на лисьем меху (лисий то мех ведь самый тёплый), сверх кафтана малицу, а сверх малицы совик. В таком наряде и делали поездки на собаках. А захватит, бывало, мятель? И, шабаш! Ложись, значит, и отлёживайся, пока погода не перестанет. Не по одним бывало суткам так лежишь. Снегом тебя всего занесёт, целый сугроб над тобой снегу. И ничего, лежишь, знай себе, да полёживаешь. Сухариков, это, достанешь, да погрызёшь от скуки. А вылезть и думать не могли. Так с ног ветром и валит. Вот какие ветра бывали...

Припоминая различные эпизоды за четыре года пребывания на океанском побережье Сибири, он рассказал о трагической участи полярной экспедиции Делонга. Они сделали в устьях Лены печальную находку. Делонг и часть его спутников замёрзли, будучи не в силах добраться до

жилого пункта, после того как бросили своё судно и на шлюпках пытались добраться до Сибирских берегов. Несчастных американцев нашли сжавшихся от холода в тесную кучу, в изорванной обуви, в жалких остатках одежды... Роковая ошибка в склонении компаса стоила им жизни. Ошиблись в намеченном направлении¹ и заснули навеки тихой смертью...

Между прочим, Дмитрий рассказал мне об одном старике из их деревни Верховье (Мудюга), который уехал на судне с промышленниками на Новую Землю для зимовки. Нагрянула к ним в гости цинга, этот страшный бич арктических стран, и все промышленники один за другим сошли в могилу. Остался в живых лишь один. Наступила весна, исчезли полярные льды. Что делать несчастному промышленнику? Один с судном без команды не справишься. Помолился на могиле товарищей, сел к маленький бот, взял с собой для развлечения от скуки собаку, чтоб хоть какое-нибудь живое существо подле было и отправился домой (!?) вдоль берегов Новой Земли. Всю весну, лето и осень ехал на боте вдоль берегов отважный промышленник, пока не добрался до Мезени, откуда вернулся в Мудюгу сухим путём.

— Вот радости-то было! Его ведь домашние совсем уж схоронили. Думают помер... Давно это было. Много годов тому назад... Праправнуки того старика и посейчас ещё живы у нас в деревне... — добавил Дмитрий.

26-ое июля. Воскресенье. День выдался сырой и туманный, фотограмметрическую съёмку производить было нельзя, но на близком расстоянии работать возможно. Фотографировала зимовье Цивольки и его могилу. Поставили и укрепили вместе с масленниковскими рабочими упавший крест. Крамер целое утро рылся в куче кирпича, оставшегося от рухнувшей печки в большой избе, и нашёл старую проржавевшую сковородку Цивольки. Может быть что-нибудь и ещё осталось в домах от времён Цивольки, но растащено случайными посетителями Мелкой губы, норвежцами и самоедами. Что норвежцы здесь бывали, на это указывают инициалы вырезанных букв на стенах домов.

¹ На самом деле ошибка была не в направлении по компасу, а в неправильном масштабе немецкой карты, которой пользовался Делонг. Из-за этого расстояние, которое надо было пройти группе Делонга определялось по карте в 4 и более раз меньше, чем оно было на самом деле! См. [Дж.Мельвилль «В дельте Лены»](#) – прим. OCR.

Но куда девались в домах полки, табуреты, столы, нары и т. д.? Вероятно, пошли на топливо охотникам-самоедам, которые изредка приезжают из Маточкиного Шара сюда на охоту. Даже двери, рамы и косяки — всё сожжено.

Днём сделали экскурсию в соседнюю бухту, лежащую южнее Мелкой губы, где пришлось наглядно убедиться в отступании моря. Бухта в глубине свободна от воды и берег отступил дальше. Плавник, бесспорно доказывающий присутствие в давние времена здесь морского побережья, мы находили на расстоянии полуверсты от нынешнего берега моря и на глубине от аршина до полутора аршин под слоем земли и торфа. На поверхности его не было совсем. Плавник, и притом большой древности, попадался исключительно в берегах многочисленных ручейков.

Что за дивная картина морского прибоя!.. Суровые серые скалы спускаются вниз отвесными стенами, а у подножья их с грохотом бьётся и пенится море.

В одной из скал, далеко вдавшейся в океан, настойчивые волны пробили тоннель и с шумом залетают туда, покрытые белым кружевом пены...

В том углу бухты, который более открыт со стороны моря, среди гор набитого к скалам песка, лежал в громаднейшем количестве принесённый волнами плавник. Обширный склад прекрасного топлива! Здесь мы нашли обломки мачты с железными скрепами и два тёмно-зелёных стеклянных шара, какие обычно норвежцы привязывают к своим ярусам. Эти шары, занесённые сюда от берегов Норвегии, с некоторой долей вероятности могут указывать на присутствие ветки Гольфстрима, идущей к берегам Новой Земли.

Вечером проехали с Климентом Авдеевичем на моторе в глубину губы и вошли в левый рукав реки, оттуда прошли пешком по берегу до развалин старинной избы, о которой нам рассказывал Дмитрий Бурков, наткнувшийся на них совершенно случайно во время охоты за гусями.

На плоском низком берегу грудой лежат сгнившие почти до трухи остатки существовавших здесь некогда изб. Видно, старики-поморы были куда предприимчивее нынешних наших промышленников. Много лихих моряков ходило в прежнее время к берегам этого острова за богатыми промыслами. Да только-ли сюда? И на Грумант¹ хаживали... А

¹ Старинное русское название Шпицбергена.

что, теперь? — Шпицберген потерян совсем для России, а на Новую Землю ходит всего лишь несколько судов...

Судя по следам срубов и куч кирпича от печей, здесь было три или четыре избы.

Нашли на земле большой, более двух сажений, восьмиконечный крест, с трудом повернув который, мы увидели следы вырезанных букв и ясно сохранившуюся надпись: 1800 год. Ниже года ещё что-то вырезано, но уже прочесть невозможно, дерево частью выкрошилось, а частью замшилось. Вероятно, это были вырезаны имена промышленников, поставивших этот крест сто девять лет тому назад. Рядом с ним лежит совсем сгнивший, ещё более древний крест, вдвое меньше, чем первый. Около большого креста следы не то нескольких староверческого типа гробниц, не то молельни. У подножья сломанного креста среди наваленных куч камней мы отыскивали большой ручной жёрнов, очевидно прежние поморы привозили с собой для зимовки хлеб в зерне.

На обратном пути мотор зашалил в бурунах, машина на момент остановилась. Пришлось жутковато, в особенности когда килем черкнуло по рифу. Остановись совсем машина, и сильным прибоем нас кинет на грозные рифы, где от нашего мотора остались бы одни щепки.

Дом Цивольки приведён в порядок, очищен от мусора и тепло натоплен. Анна Осокина испекла к ужину кулебяки из ржаного теста с солеными сельдями и неуклюжие нелепые кренделя. Эти кулинарные шедевры, приготовленные грязными руками неряшливой самоедки, показали нам удивительно вкусными. Мягкий хлеб вместо надоевших окаменелых сухарей, что может быть приятнее этого!.. А как хорошо ночевать в тёплой избе после невзгод нашей «чумной» жизни! На улице сыро, туман, моросит мелкий дождь... А тут, лежишь под крышей, в тепле, тебя не разбудит струйка дождя, попавшего за воротник и даже (о, верх комфорта!) можно спать без малицы и пимов... Благодать!

27-ое июля. Жалея расставаться с удобной, жарко натопленной избой и ехать снова в холод и тесноту нашего чума, мы медленно, не спеша пьём утренний чай. Лобанов угощает деликатесами: свежим хлебом и вкусной гольцовой икрой.

Погода тусклая, серенькая. Лёгкий туман, небольшой ветер... Беспокойно шумит и плещется море.

С неистовым стуком и грохотом работает снова заурасивший¹ мотор.

Пока выходили из Мелкой губы, мотор капризничал: то шёл самым тихим ходом, то временами совсем останавливался. Машинист бестолково суетится и возится с машиной, одновременно смазывая её и маслом, и самыми отборными выражениями русского словаря. Опасная штука при большом волнении, если мотор остановится. Тогда нас выбросит на прибрежные рифы, где беснуются волны и море кипит, как в котле. К нашему благополучию мотор наладился, машина начала исправно работать и работала без отказа вплоть до нашего становища в бухте Сосновского. Порядком покачивало, когда мы шли океаном, и мотор, как пушинку, подкидывали широкие волны.

За время нашего отсутствия собаки наделали много хлопот оставшимся, заставляя их все время следить за вещами, не отлучаясь ни на шаг из становища. А такой кормёжки, как их кормил Лоренц, сварив четыре котла овсянки, они, я думаю, у самоедов никогда не видали. К Лоренцу собаки сильно привязались и неотступно ходят за ним по пятам всей оравой.

Дружба с собаками после отъездов самоедов.

¹ Урасить или уросить — упрячиться, артачиться. — прим. OCR.

Все окрестности затянуты густым молочно-белым туманом. Моросит мелкий, чисто осенний, дождичек... Сыро... В тесном чуме тепло и уютно...

28-ое июля. Вчерашний туман не рассеивается. По-прежнему всё затянута густой пеленой.

Благодаря туману работать нельзя, день пропадает даром, если не считать делом швыряние камнями в надоедливую собачью орду. Вот поразительное жульё!.. Если сидишь за чаем или обедом и вздумаешь отойти за чем-либо шага на два в сторону, то так и знай, что проворный пёс что-нибудь, да стянет у тебя.

У собак идёт борьба из-за каждого брошенного им куса. Кто сильнее, тот и сытее. Такова собачья мораль.

Куда ни пойдёшь среди становища, вечно сунется под ноги какая-нибудь собака. Среди них попадаются такие нахалы, которых даже пущенный в них камень не отгоняет прочь. Молча жмётся и терпеливо ждёт второго удара. Осанистый полукровный гончак Пуру стойчески переносит такие «маленькие неприятности», ласково повиливая в ответ хвостом. Его сколько угодно можно бить камнями, пинать ногой — он не двинется с места. Что бы его отогнать откуда-нибудь, приходится брать за шиворот и силой оттаскивать прочь. Стоик! У чёрного кобеля Мешка, с жёлтыми пятнами на голове и высоко поднятыми бровями, что придаёт ему забавный, вечно удивлённый вид, натура иная: тот визжит, так сказать, предварительно, не дожидаясь удара. Лишь только возьмёшь камень в руку, хотя и не по его адресу, как уж Мешок, поджав хвост, визжит благим матом и боком улепётывает в сторону, исподлобья поглядывая своими удивлёнными глазами.

В возне с котлами, с чайниками, в борьбе с собаками за целостность провизии проходит день.

Поздно вечером является мотор, чтоб перевезти нас со всем имуществом на новое становище, в глубину губы, как было условлено вчера с Лобановым. Но к приходу мотора мы уже изменили план, решив остаться здесь ещё некоторое время до окончания начатых работ по съёмке, а мотором воспользоваться для временной поездки в глубину губы, чтобы познакомиться со Средней и Южной долиной, ввиду будущего нашего перехода по одной из них на Карскую сторону.

Когда поднимали якорь, туман стал ещё более сгущаться, а лишь только вышли из бухты, как нас совсем окутало сырой, белесоватой

мглой. Приходится идти тихим ходом, словно ощупью, не видя ни крошки берега. Может выйти история неприятная, если нарвёмся где-нибудь на риф или упрёмся носом в скалистый остров.

Настойчиво, однообразно постукивает машина... Со всех сторон белая муть... Сажени на три кругом видна спокойная гладь воды, а дальше всё обрывается, растворяясь в тумане. Беспокоится штурман, который приехал за нами вместо Лобанова, достал из каюты компас и остро впиивается глазами вперёд, тщетно пытаюсь разобрать что-нибудь в этой загадке, что встала стенами вокруг.

Остановились, сбившись окончательно с пути. Ни зги не видать... После дела и так и этак справляемся с компасом, но мы так накружили по губе, что невозможно уже ориентироваться и определить где берег.

Застопорили машину...

Голос благоразумия в лице промышленника Антуфьева подсказывает стать на якорь и подождать, пока туман не рассеется, чтоб, грехом, не выйти из губы в океан, и тогда пиши пропало, или, в лучшем случае, напороться на рифы и погубить мотор. Попробовали стать на якорь — глубина, цепи не хватило. Снова пустили в ход машину и, после нескольких безрезультатных попыток, наконец стали на якорь.

В воздухе повисла крупная перебранка между штурманом и машинистом, которому совсем не улыбается перспектива стоять неопределённое время на якоре.

Вдруг туман чуть-чуть раздвинуло, и мы увидали краешек берега... Тотчас пустили в ход машину и пошли ощупью вдоль берега. Очертания берега скрадываются туманом и берег кажется каким-то совсем незнакомым. Куда идём? — Неизвестно...

Походили взад-вперёд около берега и снова стали на якорь...

Забрались все в тесную крошечную каютку на носу мотора и засели от скуки за преферанс.

29-ое июля. Раннее утро застаёт нас за картами. Тускло светит солнце, с трудом пробиваясь сквозь туман. Смутными, расплывчатыми линиями намечается берег, которого мы не могли разобрать ночью. К нашей досаде оказалось, что стали на якорь в виду яхты. Кружась по губе, мы прошли её, подходили к расставленным сетям около Крестовой реки и снова вернулись обратно.

Пили чай на «Дмитрии Селунском», дожидаясь, когда туман рассеется окончательно.

Около полудня уехали на бертоне в Среднюю долину и высадились не на том берегу, где были прошлый раз, а на противоположном, на южном. Здесь сходятся две долины: Средняя и Южная.

Пройдя по берегу версты три, мы наткнулись на непроходимое препятствие в виде большой реки, идущей из Южной долины и соединяющейся здесь с водами Средней долины.

Снова стал накрывать надоевший туман... Не хотелось возвращаться и делать на бертоне объезд этого большого колена, по изобилующей песчаными отмелями реке; поэтому бросили первоначальный план исследования Средней долины и углубились в Южную, так как всё равно и с ней нам тоже было необходимо познакомиться.

Попадались в большом количестве следы оленей. Лоренц долго гонялся за песцом, который уходил от него всё выше и выше в горы, по временам хрипло взлаивая на охотника. Отчаявшись подойти к осторожному зверьку на верный дробовый выстрел, Лоренц несколько раз без всякого успеха стрелял по нему картечью на большом расстоянии. И этим, вероятно, отпугнул прочь оленей, невидимых нам в тумане, так как мы вскоре наткнулись на совсем свежие следы. Туман окончательно закрыл всё...

— Безднадёжно! — с грустью махнул рукой Крамер. Пришлось вернуться к бертону. Всего прошли таким образом по долине 11½ вёрст. Благодаря густому туману и поднявшемуся сильному ветру, который развёл в губе большую волну, было немыслимо возвращаться к становищу или хотя бы даже к судну (вёрст пять по прямому направлению) в нашей половинчатой скорлупе. Приходилось, буквально, «сидеть у моря и ждать погоды».

Разожгли из плавника громадный костёр. Съели единственную взятую с собой банку горохового супа и стали отогреваться у огня, насквозь пронизываемые холодным ветром с NO и неприятной сыростью густого тумана.

30-ое июля. Ночь провели очень плохо. Так как мы не рассчитывали на ночёвку, то тёплого платья с собой не брали, только двое из нас, Галахов и Лоренц, предусмотрительно захватили с собой малицы. Галахов, поделкатничав, товарищески уступил Крамеру свою малицу, а сам дрожал у костра, свернувшись калачиком. Мы с Лоренцом залезли вдвоём в

его узкую, тесную малицу и лежали у самого огня с риском сжечь малицу. Сырость такая, что ружья покрылись за ночь слоем ржавчины. Скоро портятся здесь ружья в вечной сырости морских туманов.

Ночью подбегала к нам одна из наших собак, которая для того, чтоб попасть сюда, должна была пробежать берегом вёрст пятнадцать и переплыть две реки¹. Чёрная собака, чутко насторожившись, сидела в почтительном отдалении, но при первом оклике бросилась прочь, словно это не домашнее животное, а дикий зверь. Я сначала так было и принял её за песца, пока не разглядел. Из наших 28-ми собак две со дня нашего приезда сюда находились в бегах. Теперь они совсем, вероятно, одичали. К нам подбегала одна из них, а другую часто видали промышленники с «Дмитрия Селунского» на берегу реки Крестовой.

Отлив, весьма ощутительный в этой части Крестовой губы, оставил бертон далеко от воды. По глинистому вязкому грунту мы вчетвером едва стащили его, и то разняв предварительно на две части. И всё-таки ехать было невозможно — слишком мелко, даже и для лёгонькой парусинки. Пришлось брести водой сажен сто и буксировать за собой половинки бертона, причём основательно промочили себе ноги. У Лоренца в его нерпичьих пимах обнаружилась круглая дыра величиною с трёхкопеечную монету, а мой левый сапог давно уже отказывается служить. Проносилась и отстала подмётка. Быстро носится здесь обувь при ходьбе по каменистой новоземельской почве. Теперь хожу чуть ли не в опорках, жалея надевать свои запасные сапоги. Берегу их для перехода на Карскую сторону.

Долго гребли, пока не подъехали к борту «Дмитрия Селунского», где мы хотели немножко подкормиться и обогреться. На судне находились лишь капитан с матросом, да кок, а вся остальная команда работала над устройством закола в р. Крестовой для ловли гольца.

Радужные моряки угостили нас жареной треской. После сытного, с голодухи, завтрака и скверно проведённой ночи, стало клонить ко сну. Прилегли отдохнуть и незаметно уснули...

Девятый час вечера... Сильными порывами дул крепкий ветер, когда мы пустились в путь к становищу в бухте Сосновского. Привернув к берегу, взяли для собак осниманную тушу морского зайца, сильно загрузив парусинку. Этот заяц, попавшийся в расставленные зверовые сети, — первая добыча промышленников.

¹ Реку Крестовую и реку Средней долины.

Противный для нас ветер развёл порядочные волны, с которыми легко можно было бороться на шлюпке или лёгком карбасе, но нашему бертону они были не под силу. Огибая большой мыс, вышли в глубину губы и волны стали захлёстывать бертон. Пришлось очень осторожно, чтоб не поставить перегруженную парусинку боком под волны, повернуть и держать ближе к берегу.

Часа три шли безостановочно, с трудом выгребая против ветра, пока не подошли к мысу нашей бухты. Мыс Сосновского, окружённый рифами, вдаётся в глубину губы дальше всех мысов и это было самое худшее для нас место. Огибая его, пришлось бы выехать совсем в открытую часть губы, где большие волны с седыми гребнями пены идут на мыс с широкого океанского простора и с шумом бьются о подводные рифы.

После некоторого раздумья мы не рискнули тут проехать. Вытащили бертон на берег и ушли пешком.

Тяжёлую картину увидел я в нашем становище.

На берегу ручья лежит растерзанный труп полугончего Пуро, а дальше, по другую сторону чума, труп другой, белой с чёрными пятнами собаки.

Что тут случилось за время нашего отсутствия из становища? Какая разыгралась здесь драма?

Несколько озверелых псов, с дикими налитыми кровью глазами, пожирают трупы своих товарищей. Остальные собаки, видимо уже сытые, лежат вокруг...

Учуяв, они с лаем бросились ко мне... Пришлось камнями разгонять одичавших собак...

Неужели собаки с голоду стали есть друг друга? Но перед отъездом мы скормили им четыре громадных котла овсянки. Таких порций они у самоедов не получают никогда.

Третьи сутки оставили их без корма? Но наши самоеды точно также кормили их через двое суток на третьи.

Подрались между собой из-за сук и затрепали двух собак? Но тогда почему же они пожирают их трупы? Или, может быть, вечно голодные новоземельские собаки всегда едят трупы своих павших товарищей?

Так-ли это? Действительно ли с голоду? Как потом выяснилось, собаки опять открыли тресковую бочку с овсянкой и съели все свои запасы. Съели нерпичьи пимы Крамера.

Старик Пайды, со злым исподлобья взглядом, жадно жрёт Пуро, звучно хрустят кости на его зубах. Белая с висячими ушами собака тащит кровавые кишки из брюха Пуро, с усилием упираясь передними лапами... Задняя половина его уже съедена. Голова Пуро бессильно моталась от каждого движения Пайды, и страшно было смотреть на эту уцелевшую голову павшей собаки, с закушенным побелевшим языком и с жалобным взглядом в остановившихся мёртвых глазах... Около другой павшей собаки лежит белый с чёрными пятнами лохматый пёс и, громко чавкая, торопливо жрёт своего товарища. Жрёт лёжа, и, оскалив окровавленную морду, злобно ворчит на хромого щенка, подошедшего полакомиться свежим мясом...

Отвратительная картина...

31-ое июля. Всё тот же настойчивый холодный ветер с NW. Приподнимает и напруживает ветром полотнища чума.

Тусклая серенькая погодка...

В связи с вчерашней драмой выяснилось ещё, что собаками пролитое ведро с раствором формалина и съедены, находившиеся в нём, некоторые экземпляры местных рыб. Отсюда невольно напрашивается вывод, что собаки отравились рыбным ядом... Но, если эти две отравились, то и те собаки, которые ели их, тоже должны поколеть. Вывод неутешительный!..

Сегодня впервые возникают, пока ещё неясные, смутные предположения о нехватке провианта. Для меня это большой сюрприз. Оказывается, что первоначальная смета, которая была мне известна, подверглась перед отъездом существенной переработке. Так, например: вместо 15 пудов ржаных сухарей у вас налицо оказалось лишь только 6-7 пудов, треска совсем не взята, взамен солидного количества круп, у нас было 20 фунтов гречи, 20 ф. смоленской крупы, пшена 5 ф., а сушки — всего 1 пуд, которая, кстати сказать, теперь уже вся съедена. Треска и крупы заменены консервами: суп (гороховый, щи, борщ), мясо (гуляш, битки, поросёнок), кислая капуста и фрукты, — последнее, с моей точки зрения, совсем излишняя роскошь. По словам Крамера, проектировано было вначале взять консервов двадцать пудов, но потом убавлено до десяти.

1-ое августа. Погода не изменяется...

Стало значительно холоднее, термометр показывает +3°. Всё по-прежнему затянуто густой пеленой тумана. Моросит мелкий, надоедливый дождик... Скучно... Начинает действовать на нервы эта неизменная молочно-белая муть тумана. Ничего нельзя делать. Медленно тянется время. Тяготит вынужденная бездеятельность... Выглянешь из низкого отверстия чума, увидишь перед собой всё ту же неизменно мутную стену тумана и снова спрячешься обратно под намокшую парусину. Маленький чум очень тесен для четверых. В нём нельзя пошевелиться без того, чтоб не задеть кого-нибудь.

Шкуры, которыми был устлан чум, от постоянной сырости стали линять. И всюду лезут назойливые оленье волосы. Вечные волосы в кружке с чаем, в тарелке супа, на усах, в бороде и повсюду, везде они преследуют нас, даже умудряются попасть ко мне в мешок для перемены пластинок. При каждом неосторожном движении взлетает облако лёгких волос, а из чума мы вылезаем густо украшенные с заднего фасада слоями белой оленьей шерсти.

Сегодня впервые зажгли «Primus». Жарили на нём мясо с картофелем и подогревали чайники. Благодаря чайникам и «Примусу» температура в чуме поднялась до +19°.

Вечер закончился общим преферансом, причём Лоренц по обыкновению обыграл всех.

2-ое августа. Проспали порядком после вчерашней игры и, вылезши на четвереньках из чума, я с изумлением увидел солнышко.

Небо прояснилось и туман исчез...

После обеда мы с Лоренцем стали собираться к подъёму на Становую гору для фотограмметрической съёмки, спеша воспользоваться благоприятным днём.

Подъём на гору начали, не доходя до водопада. Гора, начинавшаяся у подошвы очень отлогим незаметным склоном, выше переходила в крутые осыпи. Здесь приходилось, с силой опираясь на бергшток¹, быстро перебегать по диагонали, поднимаясь в гору. Живая, движущаяся осыпь с шумом ползла из-под ног. Глухо катились вниз мелкие камни.

¹ Бергшток (или альпеншток) — горная палка. Эти палки были у нас сделаны из лёгкого бамбука с солидным стальным наконечником.

С половины горы характер подъёма изменился: исчезли осыпи, взамен их громоздились друг на друга громадные, зачастую саженные обломки диабазов. Подъём сделался отложе, но зато подниматься стало гораздо труднее, карабкаясь по гигантским ступеням диабазов.

Склон Становой горы.

После долгих отдыхов мы достигли вершины, поднявшись на высоту почти 2000 фут над уровнем океана.

Роскошный вид развернулся перед нами.

Вся Крестовая губа была, как на ладони.

Вокруг громоздился хаос обломков скал, и белели снеговые пятна. Оживляя дикий ландшафт, на бергштоке приветливо трепыхался импровизированный флаг — ночная рубашка Крамера. Этим знаком Крамер отметил место для съёмки.

Торопясь воспользоваться удачным освещением для фотограмметрической съёмки, поспешно направляемся к крамеровской рубашке и делаем съёмку, выбрав для главного направления левый мыс о. Чевкунова в глубине губы.

Полной панорамы, по условиям избранного Крамером пункта, сделать было нельзя; поэтому пришлось ограничиться одной Крестовой

губой, но и эта съёмка заняла очень много времени, так как приходилось переснаряжать кассеты.

Заходящее солнце купалось краем своим в океане, превращая всё в розовый цвет. Снеговые вершины далёких гор украсились удивительно нежным розовым отблеском зари. Красота...

Тихо... Полный штиль...

Не хотелось удовольствоваться одной съёмкой, и поэтому мы, перелезав через гору, спустились по глетчеру к Южной Сульменеовой губе, чтобы утром снять и её.

В ожидании восхода солнца приютились в расщелинах среди громадных камней, причём Лоренц долго вертелся, выбирая камешек для сиденья помягче. На «Примусе» сварили чайку и наслаждаемся. Довольно-таки чувствительный на высоте морозец заставляет невольно ёжиться от холода, несмотря на меховую шубку.

3-е августа. Варим на том же «Примусе» борщ, но оказывается, что забыли захватить с собой ложки. Пришлось, применяясь к обстоятельствам, заменить их чайными кружками.

Вышло из-за гор ненадолго спрятавшееся солнышко, и весело запелились блестящими искорками глетчер. К небольшой Южной Сульменеовой губе спускаются с севера два грандиозных по величине ледника, упираясь своими ледяными стенами прямо в море. Это уже ледники полярного типа. С вышины нашей горы открывался широчайший вид на них. Начала этих глетчеров, соединявшихся вверху в одно целое, не было видно. Далеко-далеко, куда глаз хватит — всюду лежит в горах мощный пласт льда, погребая всё под собой и заполняя своей массой свободное пространство меж гор. Вся внутренняя часть Новой Земли к северу от нас представляет собой одну огромную безжизненную могилу. Царство льда... словно над этим островом не пронеслись тысячелетия, словно присутствуешь при сотворении мира. Создал Бог воду и твердь, но нет ещё живых существ. И безмолвно стоят эти горы среди хаоса мироздания, ожидая своей очереди, когда склоны их оденутся лесами, зазеленеют травами, появятся живые существа и начнётся жизнь.

Дождавшись удачного освещения, делаю с помощью Лоренца фотограмметрическую съёмку Южной Сульменеовой губы...

Благоговейная тишина царит в горах, как в храме. Ни звука... Тишина...

Безмолвие нарушается лишь скрипом шагов по глетчеру и шумом сопровождавших нас пяти псов из собачьей команды экспедиции.

Ну и денёк! Солнышко... Ни ветра, ни тумана... Благодать! А какие чудные виды развёртываются перед глазами! Один другого роскошнее... Милые, дивные горы, как невесты, стоят в белоснежных уборах. Вон, правее Южной долины, куполообразный, белый от снега ледник сжал и держит в своих мощных объятиях несколько крутоверхих гор, которые, словно птенцы из-под крыла наседки, выглядывают из глетчера своими чёрными вершинами. Притихла и дремлет беспредельная ширь океана, таинственная, зелёная в своей глубине... Под ногами девственная чистота белоснежного ледника.

Глетчер, по которому мы шли, полого спускается в котловину между Становой и соседней горою. Сдавили его с боков горы, и края глетчера круто поднялись кверху. Я шёл краем, выбирая более удобное место для спуска. Лоренц спустился много ниже меня и теперь шёл внизу подомной. Прислушиваясь к крикам зовущего меня снизу Лоренца, я подошёл к самому краю почти отвесной стены глетчера. Нечаянно выронил из руки бергшток, нагнулся, чтобы поднять, поскользнулся и... ухнул вниз с десятисаженной крутизны... Ничего... ощущение во всяком случае очень оригинальное. Отчасти напоминает наши масленичные горы, но только без фонарей, так как скатился вполне благополучно и чуть не к самым ногам хохотавшего до слёз Лоренца.

Утомлённые жарой и тяжёлым спуском по крутой осыпи, добрались до верховьев ручья с водопадом внизу и снова принялись за чай, выбрав для привала дивное местечко на берегу ручья. Среди отвесных тёмно-серых, прихотливо прорезанных белыми жилками скал с рёвом шумит и пенится горный поток. Перегородили ему дорогу рухнувшие сверху камни, и, прыгая через них, поток стремится вниз в неистовом беге...

К половине девятого мы вернулись в становище, сделав за сутки, не спавши, девятнадцать с лишним вёрст по трудной горной дороге.

Без нас Крамер ушёл в рекогносцировку по Средней долине на несколько дней, предполагая найти там удобную дорогу для перехода на карскую сторону.

Вечером под звуки весёлого марша, который искусно «разделявал» Лоренц на губной гармонике, пошли на мыс Сосновского за оставленным там бертоном. От зайца остался лишь череп, весьма аккуратно об-

глоданный. Несмотря на порядочное расстояние от становища, наши голодные псы, рыская повсюду в поисках пропитания, нашли зайца и должно быть довольно плотно закусили.

Проехав мыс, наткнулись на выводок гаги, из которого Лоренц убил матку и птенца. Птенцы, видимо, недавно ещё вылупились, так как мы встречаем выводок впервые. Взятый нами экземпляр молодой гаги был весь в мягком чёрном пуху.

4-ое августа. День проходит в мелких домашних работах по становищу. Лоренц и Галахов стирают бельё в эмалированном котле, в котором мы обыкновенно варим себе уху. Лоренц, засучив рукава, с авторитетным видом поучает прачечному искусству Галахова, совсем незнакомаго с этим ремеслом. Слегка накормленные собаки торчат повсюду вокруг нас. Кстати! Около нас сегодня лишь 16 собак. Две съедены, а остальные 10 штук, по-видимому, находятся в бегах. Вероятно часть ушла с Крамером, а остальные должно быть заботятся о своём пропитании, самостоятельно охотясь за ленными¹ гусями.

Меня крайне удручают приходящие в ветхость сапоги. Левый расползся совсем, и большой палец ноги настойчиво лезет наружу. Да и правый сапог тоже каши просит... Сегодня месяц, как мы выехали из Архангельска, — следовательно, мои сапоги носились менее месяца. Однако!.. Ходьба по Новой Земле губительна для обуви, этих же сапог на старой земле мне бы хватило не на одно лето. Как же теперь быть? Носить запасные сапоги? — Но тогда мне не в чём будет ходить по возвращении с Карской стороны. Мои нерпичьи пимы съедены собаками. Положим, есть ещё тёплые зимние пимы с липтами или остаётся обёртывать ноги тряпками и ходить подобно французам 1812 года после переправы через Березину. Перспектива неутешительная!

Незаметно, с каждым днём мы всё более и более приближаемся к своему первообразу — человеку доисторических времён. Когда Русанов, в начале экспедиции, говорил мне, что ежедневное умывание на Новой Земле ни к чему не ведущая роскошь, я лишь только посмеивался на слова нашего бывалого геолога, а теперь, вот уже неделя, как я не умывался, по пословице: медведь никогда не умывается, да и то люди боятся. Понемногу культурные привычки не то забываются, не то стано-

¹ Т. е. находящимися в периоде линяния.

вятся совершенно излишними. Уже мы привыкли обходиться без помощи вилок. Раньше ели каждый из отдельной миски, которые приходилось после этого каждый раз мыть. Но, если мыть в ручье, то сальные миски чище от этого не становятся. Нужна горячая вода. А где же каждый раз для таких пустяков разогревать воду? Времени не хватает на наши прямые обязанности, относящиеся непосредственно к задачам экспедиции. Поэтому гораздо проще есть из одного общего котла. Меньше возни с мытьём.

Вечером принялись укладываться для переезда на новое становище в глубину залива, к реке Крестовой. Спеша воспользоваться попутным ветерком, всю ночь напролёт носили тяжёлые ящики, нагружая свой громадный морской карбас.

Ночи становятся холодными. Первый утренник мы наблюдали вчера на высотах Ю. Сульменевоу губы. Довольно чувствительный заморозок заставил Лоренца распевать цыганские песни и приплясывать, чтобы хоть сколько-нибудь согреться. Сегодня тоже довольно холодно. Все наши вещи покрылись налётом инея. Слишком коротко новоземельское лето. Не успели мы и оглянуться, как настала осень. Отцветают яркие полярные цветы...

5-ое августа. В седьмом часу утра, дождавшись прилива, снявшего тяжёлый карбас, мы вышли из бухты Сосновского под парусами при попутном ветерке. Карбас нагрузили с верхом, около сажени выше бортов. Для большей вместимости наставили по бортам стоймя толстые доски и увезли за один приём весь экспедиционный скарб. Бертон, нагруженный бочками, вели за собой на буксире. К нашему благополучию ветер не усилился и это дало нам возможность доехать без крушения до устья р. Крестовой.

Пришлось оставить в старом становище лишь ломаную бочку с геологической коллекцией экспедиции, да бочку с гольцами самоедов. Эти две бочки никак не помещались в наш и без того перегруженный карбас. На одной из них я написал масляной краской сообщение для Русанова, где ему искать нас по возвращении из Машигиной губы и просил привезти с собой оставленные там бочки.

Место для нового становища выбрали по правую сторону р. Крестовой. От морских ветров чум защищён небольшой зеленоватой скалой, вдающейся в залив, а от восточных ветров поставили перед чумом ряд

наших ящиков. Горы стали теперь к нам ближе и сгрудились вокруг вёсел толпой.

Невдалеке от нас, саженьях в двухстах от берега, стоит «Дмитрий Селунский». У той же скалы, где мы остановились, сложена Климентом Авдеевичем печка под навесом парусины и стоит громадный котёл для варки рассола. Непосредственное соседство печки обещает нам в будущем мягкий хлеб, взамен надоевших сухарей.

Близ мыса, с белым крестом на вершине, стоят масленниковские звёровые сети и сюда же промышленники привозят оснимывать добычу. А это в смысле корма для собак имеет большое значение.

Для работы по съёмке место весьма удобное, а главное — отсюда рукой подать до любой из трёх долин Крестовой губы, что тоже весьма важно. Одним словом, как ни поверни, а место для новой стоянки во всех отношениях чудесное.

У двух ободранных туш больших морских зайцев застали пять штук наших собак, сытых до того, что брюха их распёрло горой. Белый с чёрными ушами Хási еле ходит, круглый, как бочка.

Ездивший для осмотра сетей Авдеич привернул на перепутьи к нам — поздравить с новосельем. Рассказывает, что одна из наших собак, хмурый Отóтчэ, так обожрался с голодухи вкусной свежинкой, что улёгся на сушившиеся сети и не мог встать. Чтобы взять свои сети, промышленники принуждены были стащить его оттуда за ноги... Должно быть, карбас, высоко нагруженный, с двумя распущенными большими парусами, выглядел весьма внушительно издали, если масленниковские промышленники, по словам Авдеича, приняли его за шхуну, идущую с моря.

Из 18-ти штук собак, провожавших нас при отъезде унылым аккордом дикого воя, не было здесь ни одной. Неужели они останутся там, не догадавшись бежать за нами по берегу. Если это так, то завтра придётся кому-нибудь сходить за ними (16 вёрст вперёд и обратно) и привести с собой нашу голодную команду.

Заштилело...

Очень устали, разгружая карбас и устраивая новое становище. Утомлённые, мы рано легли спать, чуть не в семь часов вечера.

6-ое августа. Ночью проснулись, разбуженные радостным лаем явившейся собачьей команды, с перепачканными кровью мордами после

усиленной работы над зайцами. Собачий переполох был так велик, что мы вылезли даже из чума...

Сегодня у собак гости. Привезли с яхты на берег сучонку Сорку и двух маленьких щенят (Июнь с Сентябрём). Один из них забрался в чум и сладко спал на ногах Галахова.

Сильный холодный ветер с востока.

Воспользовался праздничным днём, как случаем, чтобы умыться и надеть новые сапоги, вместо прежней рвани... Суется кругом с довольными мордами сытые собаки. Жмётся к сторонке, посматривая исподлобья, щетинистый Мешок. Снисходительно виляет хвостом старый Пáйды. Бестолково мечется из стороны в сторону сучонка с «ласковыми глазами симпатичной девицы». Какой-то чёрный кобелёк всё норовит прыгнуть на грудь и лизнуть меня в губы. Нет лишь лохматого подростка-щенка самоедской лайки, с выгнутыми колесом передними ногами. Впрочем, может быть, и ещё нет каких-либо, но мы ещё до сих пор не можем запомнить физиономий всех своих собак. Пересчитываю псовое стадо... Действительно, нескольких штук не хватает.

Голец перестал идти в сети. Промышленники говорят, что нужно ждать осеннего хода, который бывает в десятых числах августа. Наша гольцовая сеть совершенно сгнила, а самоедская вся разорвана, так как Санко ленился распутывать забившегося в сети гольца, а поступал с очаровательной простотой: разрывал сеть — и дело в шляпе. Просто и хорошо. Спасибо добрейшему Авдеевичу, сегодня он, по просьбе Лоренца, снабдил нас небольшой сеткой. Может быть, когда-нибудь попадёт на уху рыбёшка-другая, а то, по совести, всё консервы да консервы — пожалуй, и надоедать стало. Главное, слишком уж стол стал однообразен: щи, борщ, гороховый суп — гороховый суп, борщ и щи, изредка каша. Ударь раз, ударь два, но зачем же до бесчувствия, говаривал Кузьма Прутков. Из консервов ещё имеются: гуляш, битки, тушёное мясо и заливной поросёнок, но их мы бережём для перехода на Карскую сторону. Положим, есть фрукты, но это уже баловство...

Крамер всё ещё не возвращался из Средней долины. Где-то у нас Русанов?.. Теперь, вероятно, он едет обратно. На 10-11 августа им назначен крайний срок своего возвращения в Крестовую.

Река Крестовая

После завтрака ушёл с Лоренцом вверх по долине Крестовой реки¹ с целью сделать лёгонькую экскурсию. Эта лёгонькая экскурсия у нас превратилась в тяжёлый утомительный переход. Увлекают незнакомые места и невольно тянет идти всё дальше и дальше. В глубине долины мы обнаружили двойное озеро, соединяющееся друг с другом небольшой перемычкой. Хотели обойти это озеро и вернуться обратно противоположной стороной реки Крестовой. Поднявшись на небольшой холм, мы увидали, что озеро это проходное и река Крестовая выходит не из этого озера, как мы предполагали сначала. Вдали нам открылся вид на следующее огромное озеро, широко раскинувшееся в горах, из которого берёт начало р. Крестовая. Интересно было узнать направление этого озера, не поворачивает ли оно на восток и нет ли прохода этой долиной вдоль берега озера. Решили идти к этому озеру, но прежде пришлось подкрепиться. Согрели на керосинке чай и неизменный гороховый суп.

Придерживаясь всё время правого берега Крестовой реки, мы подошли к озеру. Шагомер мой показывал 10 вёрст за скидкой 150 сажений на версту. Широкое горное озеро имеет направление с W на O, а затем

¹ Северная долина Крестовой губы.

поворачивает на N, и крайнего правого конца его не видно за высокими горами.

Попробовали обойти озеро с левой стороны — единственный возможный для нас путь, так как идти по правой его стороне нам мешала широкая река, — но и это тоже оказалось невозможным. С левой стороны к озеру подходит вплотную мощный ледник. Да и кроме того на обход понадобилось бы по менее суток. Даже если бы допустить, что мы обошли этот конец озера, то дальше всё-таки было бы идти немыслимо вдоль берега озера, так как горы противоположной стороны подходят к озеру отвесными стенами.

Дорога страшно трудная для пешехода. Самое лучшее было бы приехать сюда на бертоне, поднявшись бичевой вверх по течению реки Крестовой. Единственное, что мы могли сделать в теперешнем нашем положении — это подняться на высоты окрестных гор, чтобы оттуда рассмотреть озеро во всех подробностях. Необходимо было выяснить его направление. Не вытекает ли какая-либо река из его правого конца с течением к Карскому морю? А главное, не может ли послужить нам северная долина удобным проходом на Карскую сторону? Вот вопросы, для разрешения которых нужно было подняться в горы, с высоты осмотреть местность и определить направление долины. Ближайшая к нам гора имела высоту немного менее Становой, на которую мы поднимались в Крестовой губе.

7-ое августа. Спать, конечно, не пришлось. Это занятие мы отложили до следующей ночи. Очень утомились, поднимаясь, но, к сожалению, весь труд наш был напрасен: конца правой стороны мы всё-таки не увидели. Нет сомнения, горизонт нам открылся широкий. Мы увидели, что, повернув на N, озеро снова даёт колено на O, а дальше... А дальше вид был опять закрыт горой... Жаль! Пропали труды даром...

Спустились вниз под звуки марша на губной гармонике Лоренца по головоломной крутизне навороченных в страшном беспорядке друг на друга громадных обломков диабазов.

Лоренц брюзжит недовольным стариковским тоном: «Что за безобразие! Чего смотрят дворники?.. Ничего на дворе не прибрано... Играли ребяташки в бабки, накидали камней — всё так и оставлено!..»

Смеёшься вместе с весёлым компаньоном и незаметно ползёшь с камня на камень всё ниже и ниже.

Обратно плелись нога за ногу: сказывался утомительный 28-ми вёрстный переход и бессонная ночь.

Большое озеро в Северной долине.

— Погляди-ка!!! — С удивлением восклицает Лоренц, когда мы были в виду Крестовой губы. — У нас там вместо одного, два судна стало! Или это у меня в глазах двоится?..

Невдалеке от «Дмитрия Селунского», ближе к берегу, стояло на якоре маленькое одномачтовое судёнышко. Судно это, принадлежащее норвежскому колонисту¹ Пильфельду, пришло сюда вчера вечером для гольцового промысла. Кроме того, Галахов рассказал нам, что вчера, около шести часов вечера, он видел Крамера, который прошёл склонами гор, направляясь к бухте Сосновского, не замечая нашего нового становища и не обращая внимания на кричавшего ему Галахова. Очевидно, он не видел чума и не слышал Галахова. Недоразумение не из приятных. Туда, да обратно ему придётся 16 вёрст прошагать.

Вскоре после нашего прихода явился и Крамер, страшно уставший, голодный. Как мы и предположили, он не видел вчера нашего становища, приткнувшегося к скале, и не слышал криков Галахова. Крамер, углубившись в Среднюю долину, поднялся на гору и шёл ледниками на

¹ Города Александровска.

восток. Судя по его рассказу, он прошёл внутрь на 25 вёрст, считая по прямому направлению от Крестовой губы к Карской стороне. Каких-либо положительных результатов о проходе Средней долиной его экскурсия не дала никаких. За эти дни непрерывной ходьбы он, разумеется, страшно устал, и когда пришёл голодный и сильно утомлённый к старому становищу в бухте Сосновского и не нашёл там нашего чума, то это явилось для него крайне неприятным сюрпризом. Рассказывает, что свалился с ног от усталости и провёл там ночь, будучи не в силах идти обратно эти восемь вёрст. Разломал на топливо оставленную нами бочку с геологической коллекцией и дрожал около маленького костра всю бессонную ночь, будучи не в состоянии заснуть от холода.

Поймали первого после долгого перерыва гольца, это, вероятно, он захотел порадовать нас ухой ради дня моего рождения.

Вольное место экспедиции — собаки, слава Богу, сыты. Авдеичу опять удалось поймать зайца.

Сегодня услышали от капитана «Дмитрия Селунского» крайне любопытную для нас новость. При створах Крестовой губы, на нашей стороне, т. е. на правой¹, приютилось несколько человек промышленников-норвежцев. Капитан ездил на взморье на охоту и случайно сделал это интересное открытие. Норвежцами построена там изба, и они предполагают зимовать. Привезены сюда они были норвежским промысловым пароходом в июне месяце, который осенью ещё раз придёт сюда, захватит с собой их промысел, оставив всё необходимое для зимовки. Наше старое становище, в бухте Сосновского, было от них приблизительно верстах в восьми, и мы, оказывается, жили бок о бок с мародёрами-промышленниками, ничего не зная об этом. Где же охрана наших северных промыслов, если иностранцы не только ловят рыбу в нашей береговой полосе, но даже дома строят, хозяйничая на северном острове Новой Земли, как у себя дома? Я говорю «на северном», ничего не зная об южном острове. Может быть они и там также бесцеремонно распоряжаются?

А Архангельская губа на далёком севере Новой Земли, где, по свидетельству Ильи Вылки, норвежцы настолько прочно основались, что даже целое становище устроили? Видно вся наша охрана только на бумаге и существует... Где же наш «Бакан»? Эх, если б его на Новую Землю, да сюда бы, посевнее Маточкиного Шара!..

¹ Северной стороне Крестовой губы.

Услыхав о норвежском доме в Крестовой губе, Крамер моментально преисполнился воинственным азартом и стал проектировать организацию набега на вражеское становище при первом удобном случае.

8-е августа. Ветер переменялся на NW и снова погнал на нас унылую белесоватую мглу морского тумана. День отдыха... Снова на сцену выдвинулся вопрос о близкой нехватке консервов.

Часть консервов, сухари и соль у нас осталась неразгруженными в карбасе, стоящем на двух якорях невдалеке от берега. Такое перемещение съестных припасов было вызвано надоевшим озорством вороватых собак.

— Горохового супа — аминь! Нету больше! Последняя банка... — заявляет Галахов, ездивший на бертоне к карбасу.

Это и радует нас и огорчает. Суп надоел, нет слов, но если и его не будет, то дело плохо. Авдеич вчера поставил выше нас большую гольцовую сеть, выдвинув её далеко вглубь губы. Теперь на нашу сеть плохо рассчитывать. Спереди и сзади — всё сети... Что к нам попадёт? Необходимо нашу сеть переставить в другое место, куда-нибудь подальше. Но ездить далеко для частого осмотра сети нам некогда. Как хочешь, так и делай! А гольцы нам нужны. Благодаря им мы можем поберечь консервы, да и уха или жареная рыба гораздо приятнее надоевших консервов. Рассчитывать достать с «Дмитрия Селунского» что-либо из провианта, например, трески, от весьма нелюбезного в этом отношении капитана, нечего было и думать. Придётся пробавляться до сентября как-нибудь своими средствами. Даже начинает потухать надежда на переезд в Маточкин Шар на «Дмитрий Селунском», несмотря на обещания Масленникова и письмо губернатора, переданное Крамером во время первого посещения яхты. Сначала капитан сказал, что хорошо, доставит, а потом начался разговор о нехватке керосина и доставке нас только лишь до Матюшихи, а оттуда предлагалось отбуксировать наш карбас и шлюпку в Маточкин Шар маленьким моторчиком; теперь же и этого, кажется, уж не хочет для нас сделать. Ну, да об этом у нас с ним разговор будет ещё впереди, лишь бы только он не вздумало удрать отсюда раньше нашего возвращения с Карской стороны. Крамер, обладая известными полномочиями, как начальник правительственной экспедиции, вероятно, может настоять, чтобы он исполнил распоряжение Мас-

ленникова, и увёз нас в Шар. Конечно, в этом поможет и наш симпатичный Авдеич. Он — лицо на яхте немаловажное и, по-видимому, имеет на капитана большое влияние.

С вновь прибывшего судна никто не съезжал к нам на берег, мы тоже туда не ездили. Знакомство, так сказать, ещё не состоялось. Судно пока держится обособлению, даже с масленниковскими промышленниками приехавшие конкуренты по промыслу ещё не видались.

Вечерами начинаются едва ощутимые лёгкие сумерки. Солнце уже заходит...

Под вечер, когда мы с Крамером сидели в чуме за шахматами, а Лоренц и Галахов снимали шкурки для орнитологической коллекции, нам сделали визит капитан «Дмитрия Селунского» и Авдеич, приглашая нас к себе на яхту.

Отвалили от берега с помпой, под музыку, предварительно приняв меры против покушения на наши съестные припасы со стороны собачьей орды. Сухари завалили ящиками и самоедскими санями (нартами).

Благодушно сидим в тесной каютке за чаем, как вдруг слышим кричат с палубы:

— На берегу у вас что-то неладное с собаками! — Драка большая!..

— Собаки собаку грызут!..

— Только не наших-ли уж собак зарвали?.. — волнуются матросы.

Слышен многоголосый остервенелый лай и глухая грызня.

Крамер с Галаховым поспешно садятся в бертон и едут на место происшествия.

Мы с капитаном остаёмся в каюте и снова принимаемся за прерванный было концерт на балалайке.

Через небольшой промежуток времени слышим на палубе отрывочные взволнованные возгласы, беготню, крики...

— Что-то там неладное! — встревоженно воскликнул капитан и мы бросаемся на палубу.

— Что такое?

— Да Юлю-то, ваш хватил веслом по голове!

— Ой, беда! Живой ли уж он! — беспокоится добрый Авдеич.

— Какого Юлю? — спрашиваю я в недоумении, — щенка?

— Да нет! Юлия Васильевича-то вашего... Ох, не забил ли он его совсем... Тот кричит там на берегу: везите меня скорее на судно, пока я живой... — торопливо поясняет взволнованный Авдеич.

Мы с Лоренцом никак не можем разобрать, в чём дело. Мелькает в голове тревожная мысль, не бросились ли на них остервенелые собаки и не искусили ли их. С волнением смотрим на приближающийся к судну бертон. Низко склонившись, сидит на корме Крамер и держится обеими руками за окровавленную голову.

Оказывается, когда они бросились на кучу свившихся в драке собак, чтоб разнять их, Галахов, размахнувшись дубовым веслом на собаку, нечаянно ударил Крамера по голове.

Благодаря счастливой случайности весло миновало висок и ударило в лоб, рассекши бровь. Попади в висок и — дело кончилось бы крайне печально. Лоренц немедленно наложил повязку и унял обильно струившуюся кровь.

Уехали к собакам, но было поздно. Собаки, сбившись в кучу, рвали уже мёртвого пса.

Ещё одна жертва... Но теперь во всяком случае не голод причиной, а просто оказывается, что новоземельские собаки в драке частенько затрёпывают друг друга насмерть и, в силу установившихся традиции, съедают трупы своих собратьев, оказавшихся более слабыми на этих своеобразных турнирах в честь «прекрасных дам». Не желая поощрять собакоедства, разогнали камнями лакомых до своих товарищей, Пáйды и других старых, угрюмых собак, взяли несчастного пса за задние лапы и увезли на бертоне к острову, где бросили труп в море.

Очень беспокоимся за Крамера, оставленного нами ночевать на яхте. Боимся, как бы у него не случилось, ввиду повышенной температуры, сотрясение мозга. Удар был очень силён...

9-ое августа. Воскресенье. По счастью всё обошлось благополучно. Крамеру лучше. Хотя со значительной головной болью, но он всё же съехал на берег.

Галахов, искупая свою невольную вину, достал с «Миры» трески и кофе. А по сему поводу у нас за обедом жареная на сковородке треска и сваренный в чайнике кофе, конечно без цикория... Но зато с чем?.. — С молоком! Хвала и честь Галахову, доставшему такие редкостные для нас вещи!

Зарядив кассеты автохромными пластинками бр. Люмьер, целый день возился со своими аппаратами, пытаясь получить снимки в натуральных цветах с бедной новоземельской флоры. Фотографировал бледно-жёлтые маки, удивительно яркие по окраске тёмно-голубые

незабудки, скудные оазисы новоземельской зелени и эффектные хлоритовые сланцы ближайшей скалы.

Масленниковские промышленники опять поймали двух зайцев и нерпу. Собаки пировали над освежёванными тушами до полного изнеможения. Брюха распёрло у всех, как бочки. Некоторые даже и двигаться не могли; беспомощно лежали на пляже со вздутыми животами.

Вечером к нам явились с визитом капитан, гарпунёр и матрос с судна Пильфельда. Невдолге после них приехали с «Дмитрия Селунского»: Авдеич, капитан, Антуфьев и машинист. Таким образом у нас составилась импровизированный раут. Гостей угощали фруктами — единственные консервы, которых у нас изобилие. Остального, более существенного — увы! — лишь 28 банок.

В этот вечер видели первую звёздочку, робко поблёскивавшую при слабых сумерках полярной ночи.

10-ое августа. Рано утром проснулись, разбуженные восторженным лаем собак, встречавших своих хозяев-самоедов. Собаки забыли на время взаимные недоразумения и товарищески слили голоса в необыкновенный аккорд неистового лая, воя и визга, прыгая на берегу, как бесноватые.

Проснулись задумчивые тихие горы, вздрогнуло насмешливое эхо и упруго запрыгало в горах отражёнными звуками собачьих голосов...

Вернулся Русанов...

Радостно встречаем нашего смелого товарища, проехавшего на маленькой старой шлюпке более 430 вёрст вдоль океанского побережья. Заброшенный вопросами, восклицаниями, Русанов не успевает отвечать:

— Позвольте, позвольте, господа! Я вам всё по порядку расскажу...

После чая в чуме, сидя на разосланных оленьих шкурах с развёрнутой картой в руках, он начал рассказ о своей поездке. Отправившись из нашего становища с попутным ветром, Русанов близ выхода из Крестовой губы¹ наткнулся на норвежское становище. Сюрприз был весьма неожиданный. У норвежцев там выстроен дом для зимовки и они, в количестве трёх человек, промысляли гольца и морского зверя. На берегу близ дома лежало около тридцати бочек, наполненных продуктами промысла. И какая горькая ирония!

¹ Не доехав 3-х вёрст до мыса Прокофьева.

Норвежское поселение у Прокофьева мыса.
Фотограф. В.А. Русанов.

Промысловая добыча норвежцев.
Фотограф. В.А. Русанов.

Развалины русской избы у Прокофьева мыса.
Фотограф. В.А. Русанов.

Западная бухта Машигиной губы.
Фотограф. В.А. Русанов.

В 50-ти шагах от нынешнего норвежского дома лежат развалины старинной русской избы. Как это подчёркивает инертность и непредприимчивость нынешних наших поморов. Обидно!.. Где промышляли в старину русские, тут теперь богатеют и наживаются норвежцы. Переночевав у норвежцев, Русанов поехал дальше на север и, миновав Юж. Сульменевую и Сев. Сульменевую губу, прошёл в течение полутора суток до полуострова Адмиралтейства. Этот низкий и плоский полуостров, бывший в конце XVI века, во времена одного из первых и наиболее известных исследователей Новой Земли — голландского путешественника Баренца, островом, соединяется с Новой Землёй столь же низменным и широким перешейком, покрытым глетчером, которому дано Русановым название: «Низкий ледник». С юга глубоко врезаются внутрь полуострова три залива, названные Русановым, в честь инициатора экспедиции, заливом Сосновского, Средним заливом и заливом Садовского. Из них первый, наиболее защищённый от ветров, представляет собой удобную стоянку для судов. Все эти три залива, лежащие под 75° сев. шир., являются самыми северными пунктами, которых удалось достигнуть экспедиции 1909 года.

Западный край ледника Лякруа.
Фотограф. В.А. Русанов.

После трёхдневного исследования полуострова Адмиралтейства Русанов направился в обратный путь, последовательно заходя в каждую попутную губу, высаживался и делал пешеходные экскурсии.

Все заливы, которые он видел, неизменно оканчиваются ледниками. Начало всех начал на Новой Земле... Поразительно красивы ледники полярного типа, падающие в воду и образующие пловучие льды. По временам от них с глухим раскатистым треском обрываются огромные глыбы льда и тихо уплывают в открытое море.

Ледник полярного типа.
Фотограф. В.А. Русанов.

В общем очертания берегов, за некоторыми неточностями, нанесены на карту довольно верно. В Машигиной губе Русанову удалось открыть совершенно новый неизвестный залив, удлинявший губу на 20 с лишним вёрст. С южной стороны этого залива находятся два острова ледникового происхождения. Кроме этого встретились в Сев. Сульменевоу губе ещё два острова, не помеченные на картах. Один, большой в $\frac{1}{2}$ версты длиной со знаком (в виде палки) на вершине, лежит в 7 верстах от мыса Степового к востоку и в полуверсте от южного берега губы. Другой — скалистый островок, находится почти посредине губы.

Северная Сульменева губа.
Фотограф. В.А. Русанов.

С геологической стороны оказалась особенно интересной Северная Сульменева губа. На её берегах, особенно южном, диабазы, выступающие во многих местах, пререзывают сланцы. Здесь Русанов прожил четыре дня, собирая богатую жатву ископаемых девонского периода, особенно хорошо сохранившихся. В южной части этой губы он встретил красный снег. Очень редкое явление: снег, окрашенный диатамеями¹.

Кроме развалин русской старинной избы в Крестовой губе, такие же давнишние остатки прежних поселений видели в Машигиной и Южной Сульменево́й губе, причём здесь, в ветхой избе с провалившейся крышей были усмотрены остатки камина, а это даёт возможность предполагать, что после русских поморов, забросивших богатые новоземельские промыслы, здесь поселились норвежцы. На это же указывает и валявшаяся близ развалин избы разбитая бочка с клеймом О. О. S.

Рассматривая посещённые заливы в колонизационном отношении, Русанов указывает в Машигиной и Юж. Сульменево́й губе на несколько

¹ Микроскопические низшие растения.

очень удобных пунктов для устройства становищ с тихими и покойными для стоянки судов бухтами.

За время этой поездки они много встречали песцов. Убили двух зайцев и нерпу. Били много гусей, гагарок. Встречали в огромном количестве птичьи базары. Начиная от мыса Прокофьева и далее к северу, все берега усеяны миллионами птиц. Но несмотря на присутствие старых оленьих следов, они нигде не видали оленей. По объяснению самоедов, олени откочевали на Карскую сторону, благодаря норвежцам, которые их распугали. В подтверждение рассказов Ильи Вылки о норвежских становищах на далёком севере Новой Земли, Русанов увидел однажды с высот Машигиной губы норвежское парусное судно, идущее с севера, причём, проезжая на обратном пути мимо норвежского дома в Крестовой губе, самоеды (Русанов пришёл в Крестовую губу пешком из Ю. Сульменевой, перевалив через горы) увидели уже не трёх, а четырёх обитателей, последнего доставило из Архангельской губы то самое судно, которое видел Русанов.

Прерывая его рассказ, изредка заглядывает к нам в чум медно-красная, сияющая от удовольствия рожа Санко. Доволен наш самоед, что кончился утомительный переход на шлюпке, не нужно больше грести, что для ленивого Саная являлось крайне неприятным занятием. Широкая улыбка растянулась на скуластом лице, и совсем сощурились узенькие, косо прорезанные глазки... Обведёт всех весёлыми смеющимися глазами и снова исчезнет, молчаливый, как сфинкс.

В раскрытое для входа полотнище чума смотрится яркий солнечный день и, словно расправленное золото, сверкает притихший океан. Тихие зеленоватые волны с ласковым шорохом набегают на пляж, оставляя после себя узенькую полоску белой, слегка шипящей пены.

Расщедрилось скупое на ласки полярное солнце и залило всё вокруг горячим ярким светом. В сиянии солнечных лучей стоят молчаливые горы. Блестят и переливаются яркими бликами синие глетчеры... Не шелохнётся, бессильно повис флаг на вершине скалы... День удивительно тёплый. Реомюр показывал на солнце +18°! Не избалованные такими редкими днями, мы отпраздновали этот день купаньем в Ледовитом океане. Пляж перед становищем превратился в оригинальный курорт, хотя температура воды близ поверхности была лишь +5°R. Чувствовалось ощущение ожога, когда погрузишься в прозрачную глубь океана...

Гольцы окончательно отказались идти в нашу сеть. Если побережь консервы для перехода на Карскую сторону, то в нашем распоряжении

остаётся лишь самое незначительное количество крупы. Пробовали привезённых Русановым гагарок, приготовленных по самоедскому способу, т. е. изжаренных на костре непотрошёнными, во всём пере. Довольно оригинальное блюдо...

Потихоньку начинаем готовиться к переходу на Карскую сторону. Самоеды налаживают упряжь для собак.

11-ое августа. В виду значительной усталости наших самоедов от поездки с Русановым, решили дать им на сегодняшний день отдых, подготавливаясь постепенно к переходу. Отъезд окончательно назначили на завтрашний день. Для перехода выбрали путь по Южной долине, предполагая воспользоваться в крайнем случае, если там не попадём, Средней долиной, т. е. той дорогой, которой шёл пешком в прошлом году Русанов с французами. Ближайшую к нашему стану Северную долину временно оставили, так как, судя по её направлению, в чём мы убедились с Лоренцом во время нашей рекогносцировки, она кратчайшим путём на Карскую сторону служить не может¹, так как идёт главным образом в направлении NO. Там мы могли бы попасть в Медвежий залив, или выйти ещё севернее, или, ещё хуже, упереться в начало всех начал ново-земельского Севера — ледник и возможно, что непроходимый ледник. Судя по карте главного гидрографического управления, наиболее короткое расстояние показано между Крестовой губой с одной стороны и Незнаемым заливом, глубоко вдавшимся внутрь острова с другой. Невольно приходится допустить, что на карте обозначена Крестовой не та Крестовая река и долина, которая известна за неё нашим промышленникам², а именно река Южной долины, а настоящая Крестовая и река Средней долины на карту совсем не нанесены.

Возможно, что Циволька или Моисеев, визируя от Мелкой губы (где они зимовали) в Крестовую, шёл южной стороной губы и, встретив реку, мимоходом нанёс её на карту, не замечая за горами других рек, причём эти первые исследователи Крестовой губы обращали главное внимание

¹ В видах предстоящей колонизации Крестовой губы необходимо было найти кратчайший путь, которым будущие колонисты с удобством могли бы пользоваться для промыслов на восточном побережье Новой Земли; путь, которым колонисты не столько могли бы проходить, сколько главным проезжать, перевозя с собой результаты промысла. Для пешеходного перехода поперёк острова не представляется таких затруднений. Пешком можно подняться на любую гору, любой крутизны ледник, а на собаках не везде проедешь.

² Промышленники называют Крестовой рекой реку Северной долины.

на очертания побережья, пропуская долины и реки, как менее важное, имеющее второстепенное значение.

Жарили и с аппетитом обедали с Русановым морскими чертями. Остальные члены экспедиции, посещая суда, достали с «Миры» полпуда солонины и около пуда гольцов. В нашу сеть совсем ничего не попадает...

Ночи стали значительно темнее.

12-ое августа. Сборы к переходу на Карскую сторону оказались довольно продолжительными. Начав с восьми утра, мы к половине третьего едва успели выехать, предварительно позавтракав варевом из пингвинов¹ и чайки. Собак из 28-ми штук оказалось налицо только двадцать три: трёх съели, а две пропали бесследно. В числе съеденных находился Пуро, вожак² упряжки Саная и две собаки Тыко, а из пропавших — обе собаки принадлежать Тыко, причём, по досадной случайности, одна из них тоже была главной ездовой собакой, вожак. Для пополнения его запряжки Санай уступил двух своих собак, в том числе белого Харци, собаку, имевшую в числе своих предков, несомненно, кровного английского сеттера, предполагая ехать на одиннадцати, так как считал своих собак более сильными и выносливыми.

Тыко, связывая своих собак на одну длинную общую верёвку, после некоторого раздумья поместил вперёд маленькую чёрную с белыми пятнами сучку с живой мордочкой и умненькими глазками.

— Этот теперь у меня капитан будет!.. Раньше был штурман, теперь капитан станет, — смеётся самоед.

— Как? Почему штурман?

— Рядом с капитан запрягал... Капитан пропал — теперь этот капитан будет...

¹ Так в тексте! — прим. OCR.

² Новоземельские самоеды запрягают собак не попарно гусем, как это делается в восточной Сибири, а всех в один ряд. На собак надеваются широкие ошейники из шкуры морского зайца (настолько свободные, что они спускаются собаке на грудь), а от ошейника более узкий ремень идёт к саням, продевается в костяное кольцо и продолжается до ошейника второй собаки. Таким образом каждая отдельная пара собак тащить за одно общее кольцо, привязанное на коротком ремешке к нартам. Затем все собаки привязываются за шею к одной общей верёвке на одинаковом друг от друга расстоянии, а конец этой верёвки от крайней левой (считая от саней) собаки образует единственную вожжу. Крайняя левая собака представляет собой главную ездовую собаку вожжа. Выбирается наиболее умная и сильная. Дрессируется специально для этой цели. Управляют собаками посредством упомянутой вожжи и длинной палки-хорея. Нарты делаются того же типа, что и у наших оленних самоедов, только гораздо ниже и меньше. Вышина копыльев не превышает $\frac{1}{4}$ аршина.

— Ну... Какой это у тебя капитан? Хотя бы капитанша сказал, — крикует его жожака Лоренц. Санай взамен съеденного Пуро остановил свой выбор на Мешке.

— Месок! Месок! — кличет он собаку.

Но Мешок, видимо, совсем не честолюбив, ему нисколько не улыбается перспектива быть жожаком. Сидя на берегу, он выжидательно поглядывает на Саная своими вечно удивлёнными глазами, щетинится и украдкой показывает зубы. Подходит Санко и властно, хозяйской рукой берёт за шиворот. Но на Мешка напал, очевидно, дух упрямства, он вырвался и злобной хваткой больно вцепился в руку самоеда. Боже мой, что сделалось с нашим Санко. Я никогда ещё не видал его таким сердитым. Моментально смял под себя бедного Мешка, схватил его на руки и... швырнул прямо в море. Освежающая холодная ванна угнетающе подействовала на не ожидавшего такого пассажира Мешка. Весь мокрый, он безропотно подставляет свою шею под верёвку, смущённо поглядывая на своего разгневанного повелителя.

Санай вошёл в шлюпку и с усилием потащил за собой связанных на одну общую верёвку собак.

Упираясь, падая в воду, тащилась за ним через борт живая собачья гирлянда, словно целый ряд удавленников, протестуя заглушённым визгом против такого способа посадки в шлюпку.

Для того, чтоб попасть в Южную долину, нам нужно было проехать Крестовой губой вёрст восемь до противоположной её стороны. Как мы ни старались сократить наш багаж, но всё же он занял у нас в шлюпке очень много места, включая сюда две нарты и одну упряжку собак в количестве одиннадцати штук. Остальные 12 Илье пришлось везти отдельно на бертоне.

Собаки, предпочитая очевидно пешеходные экскурсии, громким лаем и воем выражают энергичное негодование по поводу путешествия водой. Некоторые из них, страдая водобоязнью, перегнулись за борт и беспомощно повисли на верёвках. Но ним карабкаются другие собаки, пытаясь подняться повыше и устроиться на их телах возможно комфортабельнее.

В тесном промежутке между носом шлюпки и передней скамейкой, куда самоед втиснул целую упряжку собак, царит невероятная кутерьма.

Какая-то невообразимая каша собачьих ног, голов, туловищ!.. И всё это грызётся между собой, рычит, визжит, лает... Весло Саная без милосердия гуляет по туловищам, головам, по чему ни попало. Самоед поддерживает дисциплину среди собачьей команды самыми решительными мерами, не обращая внимания на визгливые апелляции с их стороны.

Торопливо прощаемся с Галаховым и садимся в шлюпку.

— Желаю благополучно вернуться! — кричит Галахов. Он один лишь не поехал на Карскую сторону, предпочитая оставаться в Крестовой губе.

Под мерными гребками двух пар вёсел шлюпка плавно уходит от становища.

С судов нас приветствуют прощальными напутствиями и ружейными салютами.

— Счастливого пути! — кричит добродушный Авдеич, когда мы проходим под кормой «Дмитрия Селунского».

— Тебе счастливо промышлять!

— Жди нашего возвращения с Карской стороны!..

С борта «Дмитрия Селунского» гремят выстрелы. Вспыхивают белые дымки на «Мире», и оттуда тоже гремят салюты в честь отъезжающих.

Шаловливое эхо с готовностью подхватило грохот выстрелов и поспешно передаёт его дальше и дальше в горах...

— Скажите, пожалуйста, — улыбается довольной улыбкой Крамер, какие нам торжественные проводы устроили!..

— Ну, знаете, я бы лучше предпочёл обратное. А то представьте себе, вдруг мы не перейдём на Карскую сторону? Торжествовать ещё преждевременно! — возражает осторожный Русанов.

— Нет! всё-таки приятно...

К шести часам вечера мы высадились близ входа в Южную долину. За поздним временем решили переночевать здесь близ вытащенной на берег и оставляемой до нашего возвращения шлюпки, а за бертоном Галахов хотел приехать с промышленниками и увезти его с собой обратно в становище.

Спустились тихие сумерки...

В заливе полный штиль... Как в зеркале, отразились в нём чудные горы с своими синеватыми ледниками.

За двуглавой «Языковой горой» с её причудливым ледником, словно громадный белый язык, повисшим с седловины меж двух вершин, зажглась робким мерцающим светом первая звёздочка.

Путь к Карскому морю.

Погода была настолько хороша, в воздухе было так тихо и тепло, что мы решили не ставить палаток, а легли прямо на песчаном берегу, завернувшись в свои тёплые малицы.

За пологим глетчером, перекинувшимся на противоположном берегу в Южную Сульменеву губу, нежными мягкими красками потухает алая зорька...

Тишина поэтической ночи внезапно нарушена. С рычанием и лаем разодрались собаки в запряжке Саная. Проснулся ленивый хозяин и бесцеремонно дует их направо и налево увесистым хореем...

Снова тихо...

Спит наше становище. Спят тихие горы... Вон направо, в глубине долины они встали толпой, синие, таинственные в ночных сумерках. Туда нам идти. Там мы хотим попытаться найти удобный перевал через горный хребет к Незнаемому заливу.

Чу!.. Гогочут гуси...

Всё ближе и ближе слышно их торжествующее гоготанье...

Пытливо всматриваешься в неясные сумерки, и рука невольно тянется к винтовке, лежащей рядом со мной... Нет! Далеко летят, да и трудно стрелять на лету пульей, а тем более ещё в сумерках. Для этого надо быть Ильёй Вылкой; тот бьёт пульей и на лету. Сроднился, шельма, с ружьём! Положим и Санко тоже недурно стреляет, по до Ильи ему ещё далеко, молод.

Не спится... Интересует неизвестность: удастся ли нам перейти эти горы и побывать на Карской стороне. Заманчивыми картинками рисуются в воображении угрюмая природа, плавающие льды и таинственная пустыня гор. Как это увлекательно, побывать там, где никогда ещё не ступала нога человека... Пёстрой вереницей тянутся тихие, дремотные мысли... Здесь, в этой стране полуночного солнца царят слабые лёгкие сумерки, а у нас... там, на родине, теперь уже совсем темно. Ярko вспоминаются тёмные августовские вечера... Далёкий Архангельск... Лес... Как хороши эти тёмные ночи на охоте в лесу! Тихо, тепло... Лежишь у костра и вслушиваешься в чуткие лесные шорохи... Высятся над головой развесистые ели, сплетаясь в темноте причудливыми чудовищами... На потемневшем небе горят мерцающим светом яркие далёкие звёзды...

13-ое августа. Упрямая солонина, никак не желавшая свариться, порядком задержала отъезд. Три раза сливали воду и снова кипятили упрямыцу, но всё же она была необычайно солонa и тверда, как русановские аммониты.

С грустью приходится пожертвовать значительной долей консервов, сахаром, чайником и некоторыми другими вещами. И всё-таки наш багаж был слишком тяжёл для собак. С визгом, лаем и воем трогаются первые нарты, за ними вторые. Мы поехали... т. е. поехал собственно наш багаж, а сами мы последовали за ним *per pedes apostolorum*.

Собак на дорогу наши самоеды так и не накормили. С собой для собак кóрма, разумеется, тоже не брали. Удивительное отношение к бедным друзьям человечества. Когда я перед отъездом предложил Вылке съездить на остров и привезти оттуда оставленную промышленниками раушку зайца, Илья категорически отказался.

— Ненусно!

— Почему?

— Сыты путут. Худо вести путут. Собаки и так сырны... Ненусно!

Из Крестовой губы к Незнаемому заливу.

Оригинальный взгляд, чисто самоедское воззрение... На расстоянии десяти вёрст широкая долина шла почти прямо на юг, потом сделала крупное колено к востоку. Здесь в завороте, на протяжении почти двух вёрст по глинистой, изредка каменистой почве беспрерывно шла целая сеть ручьёв и речек от окружающих нас ледников. Собакам пришлось трудновато, нужно было идти поперёк, через всю эту водную сеть. В помощь собакам запряглись по двое в каждые нарты и перешли на собачье положение, добросовестно таща вместе с псами тяжёлые нарты. Лоренц, по живости своего характера, так проникся взятой на себя ролью, что лаял и скулил вместе с собаками. Тыко, высоко подтянув свои нерпичьи пимы, шёл в авангарде, разыскивая брод, чтобы не подмочить багажа. Перед каждым ручьём собаки приостанавливались набраться решимости, затем с лаем и визгом кидались в воду, далеко разбрасывая брызги, и, с натугой высунув язык, тяжело вытаскивали нарты на противоположный берег.

За поворотом долина начала значительно суживаться. Вместо сети ручьёв и речек здесь течёт только одна широкая горная река. Сблизились горы и обступили нас со всех сторон.

Мы входим в сердце гор...

На берегу этой реки остановились для ночлега, близ спускающегося в долину чёрного ледника, покрытого мелким налётом углистого сланца. За день прошли всего 15 вёрст. Едва успели поставить палатку и чум, как пошёл дождь.

Неприятно возиться с «Примусом» в раздуваемой ветром маленькой палатке. В нашей узкой и высокой кастрюльке чай вскипает очень медленно и в количестве крайне минимальном, достаточном лишь на двух человек. Процедура весьма надоедливая — кипятить по несколько раз кастрюлю. За поздним временем горячего ничего не варили, поужинали консервированным холодным поросёнком.

14-ое августа. Проснулся утром часов в восемь и вижу, что наши всё ещё спят. Выглянул из-под намокшего чума. Унылая картина развернулась перед глазами. Все горы затянуты густым туманом. Свинцовые тучи ползут, цепляясь за горы... Моросит мелкий, чисто осенний дождь.

Снова заполз в наш насквозь просаленный дырявый чум, лёг для которого разнообразия на другой бок и снова уснул. Около полудня обед из гольцовой ухи. Вынужденная днёвка, благодаря безнадёжно мокрой погоде... Лёгкая дремота... Часов в пять просовывается к нам в чум голова Крамера в белой нансеновской шапке, а за ней вползает и туловище.

— Ну, что?

— А-а-а... — зевает Русанов — Ничего! — и подбирает ноги, чтоб дать ему место.

— Недурно в общем, — отзываюсь я и тоже зеваю. Короткое молчание...

— А что? Не пообедать ли нам, господа, ещё раз? — нерешительно спрашивает Крамер.

— Можно — отвечает Русанов. — На Новой Земле приходится всегда наесться и насыпаться на несколько дней вперёд. Если есть возможность есть, надо есть, а то, кто знает, может быть на другой день совсем не приведётся обедать. Худая погода — спишь целые сутки, а зато хорошей пользуешься вовсю, не оставляя времени для сна. Отоспишься в ненастье.

Поели пшённой каши, напились чайку и снова слегка поспали. К вечеру отлежали себе все бока и, чтоб немного размяться, сделали лёгонькую рекогносцировочную экскурсию, и снова в чум... Мокро, сыро — безнадёжно унылая погода...

По вечерам становится так темно, что уже нельзя больше писать дневник...

На ужин Лоренц смастерил некое варево из пшена и удивительно твёрдой солонины. Ветер повернул и теперь дует нам прямо в чум. Тыко раскрывает под дождём полотнище и переставляет чум. В темноте мы теряем с Русановым свои вещи, просыпаем из мешка солонину и со смехом устраиваемся головами в обратную сторону, чем лежали прежде.

Хорошо спать на воздухе, завернувшись в тёплую малицу.

15-ое августа. — Сарю янгу!¹ — улыбаясь во весь рот, объявил мне Илья при нашем пробуждении.

Действительно, дождя нет, но все вершины гор затянуты серыми низкими облаками. Дует порывистый холодный ветер. В раскрытое для входа полотнище чума открывается роскошный вид на долину, сжатую с боков горами, на быструю горную речку, крутым поворотом огибающую наше становище. На первом плане, привязанные к нартам, группы спящих, тесно сжавшихся в кучки собак.

На генеральном совете относительно облегчения нашего багажа решили оставить часть излишних вещей, ограничиваясь только самым необходимым; даже часть солонины оставили.

Мне лично пришлось проститься с четырьмя дюжинами Ильфордовских пластинок 13 × 18, что составило облегчение багажа на двенадцать фунтов.

После завтрака (меню — гольцы) тронулись в дальнейший путь к Незнаемому заливу. Мы с Русановым ушли вперёд. Пройдя три версты, вышли за поворот долины и увидели большое горное озеро².

На просторе долины привольно раскинулось красивое озеро. Подступили к нему угрюмые горные громады и любуются своим отражением в озёрных водах. С противоположной стороны низко спустились широкими ледяными дорогами два синих глетчера альпийского типа и упёрлись в озеро невысокими фронтальными моренами. Пока шли берегом

¹ Дождя нету!

² Озеро 7 вёрст длиной.

озера, почти на каждом шагу встречали оленьи следы. Много их, должно быть, тут бродит!

Близ конца озера Русанов поднялся в горы к замеченному нами перевалу, намереваясь сделать маленькую рекогносцировку. Я прошёл вперёд ещё несколько вёрст и уселся за огромным камнем ждать наш караван.

Очень холодно... Чувствуется близость ледяного дыхания Карской стороны. Если здесь, в самом сердце гор, такой «восток» задувает, то каково там, на Карском море...

Медленно подвигаются вперёд собаки. Хотя мы и сбавили порядочную долю груза, но зато сегодня дорога значительно хуже вчерашней. Всё камни да камни... А порой целые россыпи навороченных в беспорядке друг на друга, громадных камней, на которых нарты кувыркаются вверх полосьями.

За озером потянулась несколькими рукавами горная речка с течением к пройденному нами озеру. Впереди долина как будто разветвляется, а с востока, преграждая дорогу, надвинулся глетчер. Неужели там конец долине?

Подшли усталые собаки.

Крамер, с картой в руках, доказывает мне, что мы должны находиться около Незнаемого залива.

Спускается с горы Русанов и рассказывает, что виденная им на той стороне долина, судя по её направлению, идёт к Чекину заливу, но за туманом залива не видно, а между тем он должен бы быть близок.

Снова в путь. Неохотно поднимаются собаки, но хореи самоедов живо подбадривают уставших. С дружным лаем собаки сдвигают с места парты и, тяжело налегая грудью на широкие ошейники, молчаливо трогаются в путь. Тихо в горах, лишь изредка взвизгнет на камнях стальной полоз саней, да громкое прерывистое дыхание собак нарушает чуткое безмолвие. С каждым шагом вперёд отодвигается вправо мрачная ледяная стена и постепенно открывается за поворотом новый проход. Доходим до круглого бугра, близ поворота долины, и останавливаемся здесь для ночлега. Всего прошли опять 15 вёрст.

Эти горы, никогда, я думаю, ещё не слышавшие человеческого голоса, с удивлением внимали горячим дебатам по вопросу о том, что готовить к обеду: гольца, пшённую кашу, солонину или гречневую кашу. Вопрос решался открытым голосованием.

— Кто за что?

Лишь один Санко, верный себе, меланхолично уронил:

— Не снаю...

Снова размещаемся по-старому. В чуме — демократическая часть экспедиции, в палатке — начальство.

В темноте окружающей нас августовской ночи мы лежим рядом, бок о бок, с Русановым и тихо беседуем, вспоминая далёкую родину.

Ночью шёл дождь и мои ноги в липтах¹, высунутые из чума на воздух, были бы неизбежно вымочены, если б не заботливость моего компаньона, прикрывшего их непромокаемой курткой. Нельзя сказать, чтобы спать было особенно удобно, лёжа головой на мешке с банками консервов, но зато спалось крепко.

Второе озеро в Южной долине.

16-ое августа. Воскресенье. Очень задерживает приготовление на нашем единственном «Примусе» чая и завтрака. Встали мы в половине восьмого, а тронуться нашему авангарду, состоявшему из Русанова, Крамера и меня, удалось только лишь в половине одиннадцатого. Следовательно, готовили и завтракали три часа. Медленно работает керосинка. Когда мы тронулись в дальнейший путь, то аррьергард наш ещё только запрягал собак и убирал палатки.

¹ Меховые чулки.

Началась очень хорошая дорога для собак. Прекрасная мостовая из мелких камешков и изредка дёрна. Прекратилась сеть ручьёв и речек, впадавших в пройденное нами вчера озеро. Впереди поднялся пологий холм¹ — водораздел между двумя морями, а за ним мы увидели зеркальную гладь второго большого озера, в котором, запрокинувшись, отразились окружающие нас горы, а дальше, за озером, открывался свободный путь к востоку по следующей долине.

Прошли половину озера и сделали привал, ожидая мой аппарат, чтоб сделать фотограмметрическую съёмку пройденного пути. Погода стала как будто направляться. Видны все вершины гор. Местами в просветы меж облаков проглядывает лазурью небо...

Мои сапоги, абсолютно непромокаемые прежде, с недавних пор стали пропускать воду, сегодня же я заметил, что подошве довольно чувствительно ходить по мелким острым камешкам. Неужели и эта вторая пара сапог, моя единственная надежда и упование, начинает изнашиваться? Присев на камешек, я с тревогой осматриваю сапоги и к ужасу моему убеждаюсь, что подмётки у обоих сапог совсем проносились. Дело выходит дрянь... Как же теперь я буду возвращаться обратно и в чём буду ходить до возвращения в Архангельск? Обувь на Новой Земле — вопрос существенной важности. Босиком здесь по острым камням не разгуляешься. Н-да... перспектива невесёлая... Вот неприятность!..

За, вторым озером, после поворота долины, открылось ещё озеро, третье, по величине гораздо меньшее, чем два первых.

Русанов ушёл далеко вперёд, а Крамер с Лоренцом от меня давно отстали.

Оленьи следы чем ближе к Карскому морю, тем встречаются всё чаще и чаще.

Вдруг, подняв голову, я увидел впереди себя и немного вбок два грациозных серых силуэта.

Олени давно, по-видимому, заметили меня и, отбежав несколько десятков сажен, останавливались и, подняв головы с ветвистыми рогами, внимательно посматривали на меня...

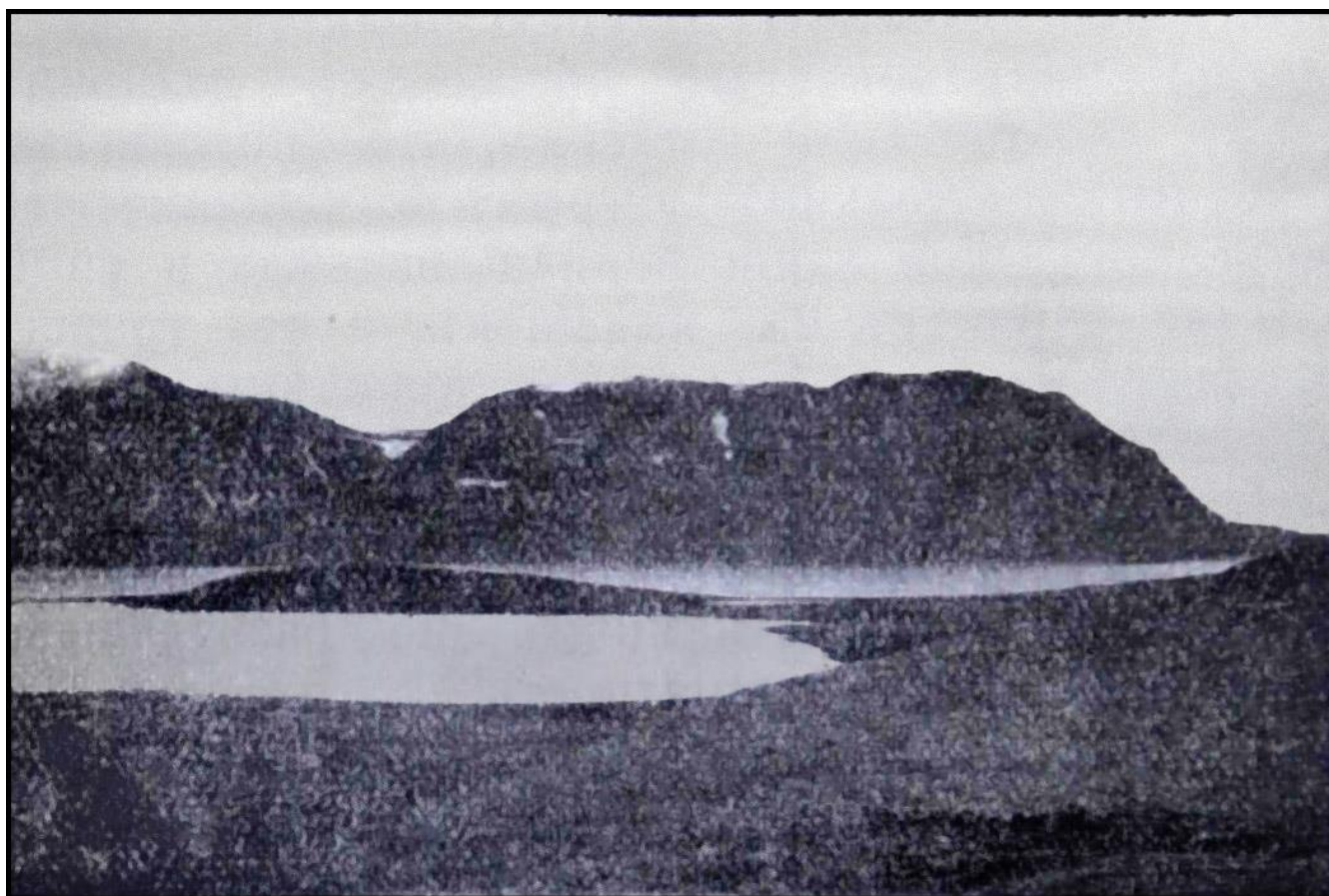
Стрелять далеко... Что делать?..

¹ Реки и ручьи, встреченные нами по ту сторону холма, имели течение на восток, к Карскому морю.

Пригнувшись, я побежал за бугорком к речке, намереваясь перерезать им путь, но олени очутились там гораздо раньше меня и, переправившись через быструю горную речонку, бежали косогором по другой стороне озера. Поднял прицел у винтовки на самую дальнюю дистанцию и стрелял три раза для очищения совести, чтоб хотя не уходило без салюта желанное жаркое.

Дальше к востоку долина наша была преграждена двумя высокими, коричневатыми по своей окраске горами, вершины которых закутались белыми лёгкими облаками. Судя по карте и взятому нами направлению, там должен быть желанный Незнаемый залив. Перехожу вброд несколько бойких горных потоков, отчего мои ноги становятся окончательно мокрыми, и поднимаюсь на пологий холм, увенчанный сверху причудливыми скалами, словно развалинами старинного замка. А, вот и Русанов, нагнувшись над своим Кодаком, что-то фотографирует.

— Ура!.. Карское море!.. — кричит он.

Бухта Незнаемого залива.

Поднимаюсь ещё несколько выше и вижу перед собой зеленоватую гладь одной из бухт Незнаемого залива. Те тёмно-коричневые горы, которые мне ещё издали были видны, отвесной стеной спускаются в море.

Налево уходят вдаль две долины. Близ входа в бухту виднеется маленький островок, а дальше за ним синее последняя гора и оттуда идёт уже пологое плоскогорье к Карскому морю. Внизу под нами далеко вдаётся в бухту большой полуостров с куполообразным холмом посередине.

— Дрова теперь у нас есть, — говорит Русанов, указывая рукой на песчаные отмели средней долины, изрезанной сложной сетью переплетающихся ручьёв и речек, — плавнику тут сколько угодно, но нет оленей. Нужно во что бы то ни стало постараться достать. Первое, т. е. переход, мы совершили. Карское море — вот! Теперь надо исполнить второе — достать оленей. Олени для нас теперь вопрос существенной важности. И не столько для нас, сколько для собак — иначе они передохнут с голоду...

И идти на охоту нужно сейчас же, пока собаки утомлены, а то они всех оленей распугают в окрестностях и у нас ничего побудет...

Мне совсем не улыбается перспектива идти на охоту безотлагательно теперь, сейчас же после утомительного перехода.

— Да, но собаки у нас будут привязаны!

— Э-э!.. А вы ручаетесь, что ни одна из них не развяжется и не убежит? Да Пайды первый перегрызёт свой ошейник!..

Пайды — это собака Ильи, купленная им у переселившегося на Печору Фёдора Хатапзея. Здоровенный белый пёс с коричневато-жёлтыми пятнами и отвислой шеей. Пёс угрюмого и строптивого нрава. Ошейника и упряжи недолюбливает, перегрызая здоровенные ремни из зайца. В первый день нашего путешествия нещадно был избит хореом, причём морда с правой стороны опухла, словно у него сделался флюс, что, вместе с приподнятой от опухоли бровью, придавало ему удивительно комичный, какой-то надменный, франтовский вид.

Дорогой, когда он грызся с собаками или снова портил упряжь, Илья говорил:

— Ой, Пайды!.. Тебе опять надо морда набок делать!.. — и грозно окрикивал:

— Гхх-ыть, Пайды!..

Долго сидел наверху, откуда в первый раз увидели Незнаемый залив, поджидая наших. Но, как ни всматривался, их всё не видно. Ждать на ветру было холодно, и я спустился вниз к полуострову, где Русанов собирал ископаемых силурийской эпохи. На мыске заметили лёжку тюленей. Несколько десятков их вылезли на берег и греют в лучах заходящего солнышка свои грузные, неповоротливые туши.

Подкрался с винтовкой и стрелял по одному из них, лежавшему боком на выдавшемся из воды камне. После выстрела все тюлени с бульканьем исчезли в воде. Исчез и мой, по которому я стрелял. Трудно предположить, чтоб на таком близком расстоянии можно было промахнуться, а поэтому, я думаю, что, свернувшись с камня, тюлень затонул. Стрелял ещё раз по вынырнувшему из воды тюленю. Убил или нет, тоже не знаю.

— Пожалейте патронов, — кричит Русанов.

Внял голосу благоразумия и прекратил канонаду.

Всё равно, если и убьёшь теперь тюленя, то он тонет, слишком мало ещё на нём сала.

Разжёл из плавника костёр...

Вечереет... Тихо подкрались лёгкие полярные сумерки...

По временам с слабым бульканьем выступают из воды потревоженные нами тюлени...

— Что там случилось с нашими? Их всё нет и нет...

Сидим с Русановым на берегу у костра и готовимся ночевать здесь, предположив, что наши сегодня не придут, остановившись в пути.

Запасливый мой товарищ братски делится крошечным кусочком гольца и несколькими сухарями, случайно оказавшимися в его геологической сумке. Русанов нашёл банку из-под консервированного молока, брошенную прошлогодней французской экспедицией, стоявшей станом на этом же самом полуострове, зачерпнул в неё воды и поставил на огонь, приготавливая пародию на чай.

В его сумке оказались ещё случайно завалявшимися два леденца и крошечный кусочек сахара.

Совсем уже расположились на ночлег, как вдруг заметили тёмные силуэты Крамера и Лоренца, быстро приближавшихся к нам на огонёк.

— Можете, господа, поздравить меня с тремя вещами, — торжественно объявляет Крамер, подходя к костру, — во-первых, с окончанием экспедиции, во-вторых, с благополучным переходом на Карскую сторону, а в-третьих... наш Санко убил оленя...

— Неужели достали оленя!!!

— Это здорово?!!

— Да, господа, представьте: этот Санко стрелял на громадном расстоянии, около полуверсты, и убил.

— А как он оживился, — добавляет Лоренц, когда побежал за оленем! Куда девался прежний ленивый Санко!..

— Илья объяснил, что он оттого так оживился, что, увидав оленя, есть захотел. — смеётся Крамер.

— Ну, не думаю, — усомнился Русанов, — это у них в крови. Охотничья страсть... Я это наблюдал и на других самоедах.

— Позвольте, да Санай очевидно убил одного из тех оленей, которым я салютовал? Они от меня побежали берегом озера...

— Вот, вот... Ты стрелял по ним близ нижнего конца озера, а мы в это время подходили ещё только к верхнему концу. Олени как раз на нас и навались... поясняет мне Лоренц.

— Так вы как же? Всего оленя, так целиком и везёте сюда?

— Нет! Тяжело собакам. Пришлось оснимать и взять с собой только половину мяса.

— Поэтому-то и задержались так долго. Возились с оснимыванием...

— Мы даже и солонину там оставили, вместе со шкурой и половиной оленьего мяса, чтоб облегчить собак. Потом кто-нибудь из самоедов съездит и привезёт, — перебивая друг друга рассказывают Крамер и Лоренц.

— А знаете, я ведь пробовал пить горячую оленью кровь вместе с самоедами. — заявляет Крамер.

— Ну... и что же?

— Ничего! Довольно вкусно!.. А в особенности вкусен олений жир, сало! Деликатес... Прямо пальчики оближешь!

Озадаченные громким говором, тюлени начинают всё чаще и чаще выставляют из воды. Заметив их любопытство, Лоренц достал свою губную гармонику и принялся наигрывать вальс. Красивые звуки совсем вскружили голову тюленям, и наиболее любопытные стали показываться совсем близко от берега. Выкурнет такой меломан в десятке сажен от нас, покрутит головой и, внезапно сконфузившись, быстро с бульканьем юркнет в воду.

Подошли уставшие собаки, с натугой таща тяжело нагруженные нарты.

Стемнело...

Развели громадный костёр и, при ярком огне, среди окружившей нас темноты, мы, я думаю, представляли собой оригинальную картину каннибальского пиршества. Без конца жарили на углях кровавые куски оленьего мяса и с жадностью их пожирали. Самоеды поступали ещё проще, те ели мясо прямо сырым. Это было какое-то упоение вкусной олениной... Опьянённые с голода свежим мясом мы скоро уснули.

17-ое августа. С половины девятого и вплоть до полудня снова продолжается упоительное наслаждение. Пробуем оленину во всех видах. В полдень предполагалось позавтракать гречневой кашей, но вполне понятно, что к этому времени мы так уже напробовались, что никто не стал есть поспевшую кашу. С голодухи набросились на свежее мясо, как дикари. Ели сырым по-самоедски, ели шашлыки с луком и перцем, поджаривая на запасных санных полозьях, вместо вертела, жарили на угольях оленьи бока, жарили с картофелем на крышке от ландринской конфетной коробки вместо сковородки, одним словом, жарили и ели, ели и снова жарили... Чёрт побери, это было прямо какое-то озверение! Какое-то грандиозное каннибаловское пиршество! У каждого в руках по полозу, все режут окровавленными ножами куски жирного оленьего мяса и жарят, жарят без конца. В промежутках выпьем по кружке чая и снова едим, пробуя и так и этак вкусную оленину.

С трудом оторвавшись от пиршества, я взял винтовку и пошёл по берегу залива. Мне хотелось пройти поближе к Карскому морю, но без лодки это сделать было очень трудно, так как дальше к Карскому морю в Незнаемый залив спускаются крутые, почти отвесные горы, и пройти берегом во время прилива кажется невозможным. Поднялся до половины ближней к концу залива горы в надежде оттуда увидеть студёное Карское море, но, к сожалению, вид сверху был закрыт туманом, белесоватой стеной, стушевавшей даль.

Далеко подо мной извивами протянулись зеленоватые воды залива, стиснутого красновато-коричневыми горами, местами сплошной стеной спускавшимся к воде. Дикие, безлюдные места! Но бесконечно красивые своей мрачной красотой полярного ландшафта.

Конец залива, ближайший к морю, был весь закрыт льдами. Бело-зелёные тающие льдинки плыли и сюда к нам, в глубину залива. Видно на Карском море много льда, а раз много льда, то много и зверя, и это радует меня, как охотника, предвкушаемой возможностью поохотиться на белого медведя.

Стрелял по гагам и по гагарке. Оба раза промахнулся, не свыкнувшись ещё со своей новой винтовкой. Моросит мелкий осенний дождичек, прогнавший меня к становищу.

Наступает осень... Поблекли и пожелтели редкие травы...

Дождь всё сильнее и сильнее...

Отсиживаемся в своём дырявом, насквозь просаленном чуме.

Сыро, мокро... Отовсюду каплет. По жердям чума бегут на нас шаловливые струйки...

Тыко запел самоедскую песню.

— Анэ... э... э... анэ... э... э... анэанэ... э... э...

И странно! Как-то особенно гармонировали эти дикие монотонные звуки самоедской мелодии с окружающей нас суровой природой. Не то ветер завывает в горах, не то гудит однообразный рокот прибоя... Никак не разберёшь, что это. Но чудится что-то близкое и родное этим угрюмым скалам, студёному морю, тесно связанное с полярной природой...

— Анэ... э... э... анэ... э... э... анэанэ... э... э...

— Что это, Тыко, ты поешь?

— Так Смерть пел, в парাপан тукал...

— Что? Какая Смерть?

— Скаска... Песня про Смерть называется...

— Это интересно. Расскажи, пожалуйста!

Долго отнекивался и конфузился Тыко, но, наконец, сдался на наши просьбы и начал рассказывать самоедскую сказку¹.

— Семь Сэрулэй (братьев)... Сестра есть один...

Однажды играли селый день. Потом, после стали отправляться сюмам на ново место. Работники сюмы собирали, семь Сэрулэй всё играют. Скакали²... Потом, Смерть³ идёт. Они всё играют... Смерть всял тынзэй⁴, так и стоит. У Смерти нисколько мяса нет, только косьё стоят... Сестра стоит около сани, смотрит братьев. Ну, потом... семь Сэрулэй поехали на охоту. Эта сестра осталась. Схватила за ремень — не может тянуть. Так и осталась. Другие поехали со всеми оленями.

Старший Сэрулэй обратно глядел: сестры нет.

Потом обратно вернулись, за сестрой.

Тут доехали...

Старший Сэрулэй говорит сестре:

— Почему стоишь?

— Ремень не могу тянуть.

Дальше Сэрулэй говорит:

— У нас есть (с)таричёк-пророк... Вперёд спал, шаман был...

¹ Начало этой сказки было напечатано в книге И.В. Сосновского «Материалы по исследованию Новой Земли».

² Самоедская игра. Делают прыжки обоими ногами вместе, состязаясь друг с другом — кто дальше прыгнет.

³ Низшее божество. В самоедской мифологии занимает место выше сядзев и хадзев.

⁴ Аркан, которым самоеды ловят оленей.

Ребята побежали к (с)таричку, принесли...

Ну, этот (с)таричёк медный парпан¹ всял, семь раз (с)тукнул. (С)таричёк говорит:

Ребята, все сюда идите! Слушайте, я скажу всё.

Касдый день вы играете, касдый день громите.

Много раз я вам скасал: так громить — грех...

Сейчас Смерть стоит около вас, ремень сестры дерсыт. Вы не видите...

Ну, исё он говорит:

— Если вы ремень у сестры отресать будете, все помрёте... Надо так оставить...

Потом сестру оставили. Сюм ей тут поставили, все уехали...

Около недели сывет тут один (одна)...

Появился в глазах Смерть, на другой сторона сyum лесыт, все сyum полно. Тевка стесь лесыт, на другой сторона — Смерть.

Смерть говорит:

— Теперь я пойду!.. Я пойду — ты никуда не ходи, не то съем, братья тоже съем. Никого сывого не оставлю!

Так он говорил. Потом опять не видно стало, Смерть уехал прочь...

Смерть идёт, долго ли, коротко ли. Около полудня увидал впереди опять народ, на дороге играют. Семь Повёр, тоже братья, и у них одна сестра.

Смерть идёт туда. Прямо за сестру...

Тосе дело такой-се. Ремень всял...

Други все поехали. Эта сестра тоже остался, тевка. Потом так и оставили, не воротились...

Смерть ремень дерсыт, ремень поворотил, унёс в сyum, где другая была.

Два тевка сывут в одном сюме. В одном месте селый год сыли...

Осень... Снег пал... Река замёрсли...

Смерть опять в гласа покасался, говорит:

— Теперь я пойду, а вы никуда не ходите, не то съем, братьев тоже съем, никого сывого не оставлю на семле... Лутсе не выходите.

Смерть поехал... Долго ли, коротко ли идёт само подноси, опять сyum увидал.

Сyumы стоят — народ спят...

Смерть стал в одном месте, думает: лутсе савтра утром приду.

¹ Барабан, шаманский бубен.

Костёр делает... Из зубов огонь достал.

Вот, около костёр тут лесыт всю ночь.

Там, в этих сумах, один селовек высел на улицу. Старсый Лидигандэ насываается, а фамилия его Ильдянг, тосе семь братьев. Туда глядел, в край леса: Смерть увидел, он там лесыт, костёр добыл.

Ну, потом кричал:

— Тавай, репята, надо ехать! Вон Смерть лесыт!..

Потом сумы, всё собрали... На охоту поехали. Семь оленей убили¹ туть где сyum был. Старсый Лидигандэ палку поставил: другой обратно, другой вперёд. Так накосо поставил, для снака. У самоедов снак есть такой, это — письмо насываается. Смерть, он сам будет ситать после.

Ну, Смерть заспался... Все поехали...

Рано утром Смерть, он встал. Туда поехал, где сyum был. Тут посмотрел — оленей убито семь. Смерть думает: долсно быть мне дали эти семь оленей. Потом ходит-ходит; тва теревушка, видит, стоят. Один насад, другой перед, накосо поставлены. Смерть думает: долсно быть так поставил Лидигандэ. Если хочешь иди, но лутсе обратно уходи. Потом Смерть думает-думает... Садумался ...

Нет! Лутсе я обратно пойду!..

Воротился.

Тогда поехал в свой сyum. Тут сывут...

Другой тевка, который первый был, — сена. Сын родился, репёнок. Этот репёнок первый день сыл, как гот. Один день — ему гот, так скоро вырос.

Потом Смерть дерсыт своего сына в руках, покасался тевкам в гласа, на другой стороне сyum лесыт.

Говорит своему сыну:

— Теперь я пойду под семлю. Три года я буду там ходить. Приеду сюда на третий год, мать твой съем, тебя ем, все люди буду исть.

Потом Смерть поехал. Где лесал, там и сошёл под семлю, как утонул...

Они тут сывут почти тва месяца. Этот репёнок вырос. Совсем больсой селовек стал... Потом этот репёнок говорит:

— Я пойду... Тва года не буду стесь...

Идёт и идёт... Селых тва года идёт.

Впереди увидал сyumовь около сто. Семь Сэрулэй, его матери братья. Около старшего Сэрулэй рядом он сел на сани.

¹ Жертвоприношение, чтоб бог смерти не трогал их.

Старсый Сэрулёй говорит:

— Ты откуль присол? Какой селовек ты?

Он говорит:

— Мой отес — Смерть. Мать — Сэрулёй сестра.

Тогда уснал его старсый Сэрулёй, говорит:

— Сего тебе надо?

Смерти сын говорит:

— Селезный лук мне надо добывать. Длинной семь сажень лук селезный и два стрелы... Исё надо семи четверть длинной носык... Потом саблю надо ковать... Исё надо медный парепан... Исё надо тва селезный лыса...

Ну, потом он кое-чего ел... Тут тва месяца сыл. Который сказал, всё сковали, сделали... консили...

Всял лук, лысы нател, поехал на охоту.

— Надо скорей, — говорит, — томой! Отес приедет, нас всех путет исть.. Добра не путет. Если я помру, тогда и вы сывы не путете.

Так и поехал.

Бес лыс он тва года ехал. Обратно лысы нател — полгода только.

До сума досол, лысы снял, скорей(й) в сям.

Третий год уполнился, отес скоро приедет к нему.

Ну, потом в сям засол, медный парепан на руках хватил, слысыт под семлю¹.

Слысно свой отес идёт, субы только в камням стусят. Громят, ломают...

Ррр... ррр... ррр...

Громят субы, как напилык...

Медный парепан стукнул. Селый неделя колотит, всё поёт...

Неделя просла, это который свой мать, он сидел в сям у двери, вдруг потерялся. Не видно стало в семлю, как потонул...

На другой неделя опять стал колотить в медный парепан.

Неделя просла, круглый камень под семли выскосил. Круглый камень с голову велисины.

Потом медный парепан на другую сторону бросил, скорей(е) лук схватил, стрелу направил...

Тогда Смерть идёт.

Семля дроссыт, камни все летят прочь...

¹ Шаманит.

Где круглый камень стоит прямо (с)трелял он селезну (с)трелу. Эта (с)трела, так ресал... глубиной пять сажень, как река делался.

Потом Смерть высла в эту яму.

Всё, рот, нос, всё песком полно...

Лук бросил, скоре(е) хватил он саблю, побесал туда, отсу рубил голову. Голова кверху улетела!

Эта голова прямо к сюму бесыт, субами громит...

Прямо к сюму катится... Субы громят, хочет другú сему исть.

Потом лук хватил, (с)трелял эту голову... всё кусками полетело.

Обратно бесал в яму. Носык вынул, всё ресал, ребро распорол... Песок копал, тут смертво мать и лесыт, давно он её ел...

Свой мать всял, унёс в сюм, полосыл...

Полосыл свой носык матери и сел около мать. Медный парапан всял на руках. Опять колотил села неделя...

Неделя просла, свой мать схватил, своим носом семь четверть мать на семь кусков ресал. Поставил потом, как было. Тва раса (с)тукнул... и сел мать сывой...

Потом он парапан всял, на улицу высол, там в яму сосол, семь четвертей носык на костях полосыл, говорит:

— Отес мой! Если на другой рас придёс, исе хусе путет тебе. Я тебя луком (с)трелял, носом ресал... Исе путу тебя парапаном под семлю пустить!.. Если там пойдёс, своим товариссям, всем Смертям скасы: никого я не боюсь, только Бога боюсь.

Потом (с)тукнул в медный парапан. Колотит-колотит одну сторону...

Смерть говорит:

— Давай, скоре(е) меня пусти! Мне осень больно стало в косьях. Со-всем меня замусил...

Семь сетвертей носык всял, один рас (с)тукнул... и косье все под семлю усли...

Смерть говорит:

— Кроме Бога, я хотел снать людей убивать, теперь так не путу. Теперь, когда Бог посволит, — смерть путеть людям¹.

¹ Сказка эта принадлежит к религиозному циклу былинного самоедского эпоса. Здесь интересна идея о единобожии, несвойственная, казалось бы, дикарям-язычникам. Без воли верховного божества, меньшие боги, подвластные ему, не могли управлять людьми. В самом названии Бог заметно уже недавнее позднейшее наслоение. Вероятно, прежде здесь фигурировал Нум, соответствовавший в самоедской мифологии греческому Зевсу или римскому Юпитеру. Меньшие боги называются у них сядэи и хадэи. На самой низшей ступени иерархии богов стоят самоедские святые. Таким святым, между прочим, почитается и Сын Смерти, герой этой сказки.

Рассказчик замолчал...

— Конес высло... Консился тут... — добавил Тыко после некоторого молчания.

Едва прошёл дождь, мы снова к костру. Развели большой яркий огонь и снова жарим вкусное свежее мясо.

Нахмурилась тёмная ночь, а у костра светло и уютно, обвеваает приятным теплом от жарко разгоревшегося плавника...

Тыко пугает морозом и снегом. По его метеорологическим приметам, близка была зима.

— Эх, снег нету! Снег есть, на собаках легко ездить...

— А как по-твоему, зимой отсюда во сколько времени можно уехать на собаках в Крестовую? — спрашивает его Крамер, с трудом прожёвывая большой кусок шашлыка.

— Симой?.. Симой стесь пять часов на собаках есды только. Совсем блиско...

— Ну, а в промысловом отношении, ты не знаешь каков Незнаемый залив? Охота здесь хорошая?

— Стесь для охоты само хоросо место... Мы сюда са белыми медведями есдим ис Матоскина Сара. Самой лутсей охота стесь...

— Во-от как!

— Симой хоросо! Приехал: олень убил... Мерсло мясо ел... Хоросо!.. — с увлечением говорил Тыко.

И в этих немногих словах целиком выразилось всё *curriculum vitae* самоеда. Еда и охота. Вот вся несложная цель жизни...

Неясными громадами высятся в темноте чёрные горы. Лишь вершина одной из них светится призрачным зеленоватым светом. Словно в сказке, блестит над нами далёкий глетчер.

Бог весть, что осветило его и выделило из мрака... Месяц-ли озарил, бросив украдкой лучи из-за туч, или там отразился таинственный свет сполохов? Кто знает?..

18-ое августа. Суровая Карская сторона вздумала побаловать нас ясным днём.

Ярко светило солнышко... Словно вырезанные на голубом небе, высились дивные горы, залитые солнечным светом. Вчера у нас внизу был дождь, а там вверху, на горах, выпал снег, украсив белым кружевом своих узоров далёкие вершины...

Воспользовавшись хорошей погодой, встали рано и каждый занялся своим делом. Русанов отыскивал своих ортосеросов, сиртосеросов, каросеросов¹ и прочих ; ископаемых силурийской эпохи, которые находились в огромнейшем количестве на сопке нашего полуострова. Крамер ушёл к ближайшему леднику, по которому хотел подняться для съёмки. Санко спозаранку уплёлся на охоту за оленями по северной долине Незнаемого залива, имеющей по-видимому сообщение с Медвежьим заливом. Лоренц тоже куда-то утянулся со своей ботанизиркой и ружьём, а я взялся за фотографический аппарат. Сначала было собирался уйти вместе с Санко, но поглядел на свои дырявые сапоги, и раздумал. Пока не починю, уходить далеко от стана никуда нельзя.

Становище экспедиции на берегу Незнаемого залива.

С олениной сегодня покончили. Провизии остаётся очень и очень ограниченное количество. Не только собак кормить, но скоро и самим будет нечего есть. Для облегчения нарт мы оставили значительную часть провизии в Крестовой губе у шлюпки, и теперь нехватка провианта. Осталась одна надежда на оленей. Будут олени — будет мясо для

¹ Новый вид. Найден впервые Русановым в прошлом году и назван им так в честь Карского моря.

нас и, главное, корм для собак. Хорошо, если бы сегодня Санко удалось убить оленя!

Обедали ухой из гольцов, а вместо хлеба ели гречневую кашу, так как от сухарей осталось лишь одно сладкое воспоминание — мелкие крошки на дне мешка.

Возвратившийся Санко пришёл с пустыми руками: оленей не видал.

Вечером часть нашей экспедиции: Крамер, Лоренц и Тыко стали собираться в обратный путь, а мы с Русановым и Санко решили остаться здесь, предполагая прожить на Карской стороне ещё с недельку. Не хотелось уезжать из этой необитаемой дикой местности, где такая чудная охота, где такая дивная в своей суровой красоте природа. Провизии, положим, было мало, тем более, что часть пришлось уступить нашим товарищам, уходящим в обратный путь. Всего у нас осталось: три гольца, немного гречневой крупы, полторы банки масла, три банки консервов из поросёнка и немного соли. Чаю было много (более $\frac{1}{2}$ фунта), но зато сахару лишь 30 кусочков, который мы и разделили по 10 кусочков на брата. Беспокоит лишь отсутствие корма для собак... Но вечером на наше счастье выбросило морем на противоположный берег бухты убитую Санко нерпу. Теперь жить можно — собакам корм есть... Санко удивительно любит стрелять. Он бьёт из своей винтовки направо и налево, и тюленя, вынырнувшего из воды, и чайку, летящую над головой, а если нет объекта для пули, то стреляет по пустым банкам из-под консервов. Вот страсть!.. Не расставаясь почти с ружьём, он то и дело вскидывает свою винтовку на прицел для практики, щуря свои маленькие раскосые глазки. Санко стрелял при каждой возможности по тюленям и нерпам, но в большинстве случаев убитые звери тонули, а если который экземпляр пожирнее и всплывал, то его уносило в море. И вот теперь, в результате его беспрерывной пальбы, одну нерпу выбросило на берег...

Наши товарищи взяли с собой чум, оставив нам взамен маленькую удобную палатку Русанова. Взяли с собой и «Primus», так что нам на обратном пути придётся обходиться без чаю или везти с собой плавник.

Крамер захватил с собой охапку дров для костра, предполагая заночевать на том месте, где они оставили половину оленя, и поужинать шашлыком. Решено было, что завтра или послезавтра мы посылаем Санко за оставшейся олениной и солониной, которую он и привезёт сюда на собаках.

В честь отъезжающих развели грандиозный костёр из плавника, ярким светом озаривший наш стан.

Ушли... Замирают вдали последние отголоски собачьего лая...

Сгустились кругом сумерки, но у костра светло настолько, что я пишу мой дневник. В свободных от облаков промежутках потемневшего неба зажглись слабым мерцающим светом несколько звёздочек.

Наступила тёмная полярная ночь...

В раскрытое для входа полотнище палатки смутно чернеет сопка полуострова и ярко горит над ней одинокая звезда.

Тихо...

Повизгивает во сне какая-то собака...

19-ое августа. Проснулись и обнаружили две таинственных пропажи: исчез Санко и с ним котелок, или же исчез котелок и вместе с ним наш «Неснаю».

Загадочно!..

Куда он делся?

Винтовка его здесь. Следовательно, не на охоту... Не ушёл ли он за оставленной олениной? Но в таком случае, зачем ему понадобился котелок?

Странно...

Пришлось кипятить воду для чая в крошечном эмалированном чайничке, в котором мы обычно завариваем чай. Для того, чтобы напиться, подогревали миниатюрный чайничек три раза.

Погода хмурится. Довольно прохладно. Дует сердитый Nord...

К полудню вернулся Санко с котелком. Оказывается, он был недоволен здешней водой и ходил за пресной к озерку по другую сторону полуострова. И это с девяти часов до двенадцати?!. Что ж... у каждого барона своя фантазия.

Санко убил нерпу. Выпуская фонтаны крови, зверь утонул. Затем мы с самоедом стреляли из своих винтовок влёт по чайкам. Оба убили по одной (*Larus glaucus*). Эти две чайки составили наш обед. Суп из больших морских чаек оказался очень недурён, и мясо довольно нежно, хотя несколько пахло ворванью. Способ приготовления был очень оригинален. Первоначально мы с Русановым попробовали жарить чаек. За отсутствием сковороды употребили для этой цели алюминиевый котелок. Но чайки никак не желали жариться в высоком котелке и требовали бездну масла. Видя всю безуспешность такого способа приготовления, налили в котелок воды и устроили суп вместо жаркого.

Моросит дождь...

Перебрались станом на другую сторону полуострова и поставили палатку у одинокой скалы, заслонившись ею от студёного северного ветра.

Санко съездил на собаках за вчерашней нерпой. Шкурой её я воспользовался для починки сапог. Вырезал себе подходящий кусок и занялся сапожным ремеслом, подколачивая к сапогам новые подмётки из нерпичьей шкуры.

Переход через Новую Землю тяжело отозвался на собаках. Захромал облезлый старый Тонку. Заболел симпатичный Хаси... Бедняга почти не встаёт с места, грустно посматривая вокруг тусклыми глазами и бесильно машет хвостом в ответ на ласку.

— Совсем худой стал! — безнадёжно отзывается о нём Санко.

Если поколеет — это будет неприятно.

Сумерки наступают теперь очень рано. В восемь часов уже совсем темно. Из-за гор выглянул громадный медно-красный диск луны, которую мы увидели сегодня впервые за всё время нашего пребывания на Новой Земле.

Ночь была так холодна, что я невольно ёжился под своей малицей и вставал среди ночи, чтоб заменить сапоги меховыми липтами.

20-го августа. День — полная противоположность вчерашнему.

Настолько жарко, что мы ходим почти в одних рубашках, поснимав с себя тёплое платье.

Утро дивное...

Собаки блаженствуют. Санко, разрезав большую сальную нерпу на куски, накормил их вволю.

Один лишь Хаси лежит неподвижно и не дотрагивается до мяса, несмотря на то, что самоед положил перед самой его мордой жирный кусок.

Пьём утренний чай и обсуждаем программу сегодняшнего дня. Хотелось бы предпринять экскурсию по направлению к Чекину заливу¹ или в направлении Медвежьего залива², куда ходил третьего дня на охоту Санко. Следовало бы его хорошенько порасспросить об этом пути, но разговаривать с ним — надо иметь положительно ангельское терпение.

— Там большой ледник? — спрашивает Русанов.

¹ К югу от Незнаемого залива.

² К северу от Незнаемого залива.

— Не снаю...

— Как не знаешь? Ведь ты был там!

— Больсой...

— А как ты думаешь, можно на него подняться с собаками?

— Не снаю...

— Он крутой или нет?

— Не снаю...

— Всё-таки, как ты думаешь? Можно?

— Нет... Не мосно... крутой...

— А сколько до него вёрст? Ваших самоедских вёрст? — терпеливо выуживает Русанов необходимые сведения из нашего молчаливого «Не снаю».

— Не снаю... — ещё раз повторил надутый Санко и упрямо замолчал, не желая входить в дальнейшие утомительные для него разговоры.

Теперь, хоть клещами из него тяни, ни одного слова, кроме «не снаю» не вытащишь.

— Санай! Хочешь лимона к чаю? — пробую я задобрить упрямого самоеда.

— Не снаю...

— Вот чудак!.. Кто же будет знать?..

Большое терпение надо иметь с нашим Санко. Ленив он поразительно. Все мелкие домашние работы по становищу приходится исполнять самим. Принести плавнику, развести костёр, достать воды для чая, сварить обед — всё нужно делать самим, а он сидит себе, сложа руки, или дремлет под скалой. Разве изредка, словно из снисхождения, делает что-либо, но всё это как-то нехотя и с самым надутым видом. Зато, лишь поспеет обед или чай, он первый берётся за котёл.

Нет, Тыко во сто крат его симпатичнее. Русанов говорит, что все новоземельские самоеды такие же, как и Санко, а Тыко — это необыкновенно счастливое исключение среди них.

Русанов ушёл искать своих ископаемых. Я варю гречневую кашу, мешая в котелке стальным полозом от саней, так как ложка коротка и не достаёт до дна.

Санко крадёт с винтовкой по берегу.

Стреляет...

Что-то бьётся, всплёскивая на воде. Медленно, широкими кругами расплывается кровь...

— Кого стрелял?

— Нерпа убил!

— Утонула?

— Нет... Не тонет...

Метко стреляет упрямый «Неснаю».

Тихонько, с перевалочкой, подходит ко мне, довольный своей удачей, рожая сияет...

Спешу использовать его хорошее расположение и заговариваю об охоте:

— Ну, что, Санко, пойдём сегодня за оленями?

— Пойтём... Которой сторона пойдём?..

— Туда! — показываю я рукой по направлению к Чекину заливу.

— Хоросо... Песком пойдём?..

— Я думаю, на собаках. Уйдём на несколько дней...

Самоед хмурится, видимо недовольный такой постановкой охоты...

После долгого молчанья — угрюмо цедит слова сквозь зубы:

— Нехоросо с собаками... Блевать будут... Наелись...

Однако! Голодны собаки — худо, не в силах везти. Сыты собаки — тоже худо, блевать будут. Вот вам и езда на собаках! Очевидно, самое лучшее ездить на собаках тогда, когда они ни сыты, ни голодны, а так, примерно, с недельку не поели и ладно, — ехать можно. Отнюдь не желая причинять нашим собакам подобную неприятность, переносим предполагаемую поездку в Чекин залив на завтра, а сегодня собираемся с Русановым подняться на самую высокую из окружающих нас гор для ориентировки и осмотра Северной долины Незнаемого залива. Санко посылаем к крайнему его неудовольствию за оставшимся оленьим мясом. Кажется, он счёл это за личное для него оскорбление. Но что же делать, есть совсем нечего. Гольцов и консервы надо побережь на обратный путь.

Погода на Новой Земле меняется моментально, с быстротой хорошего затвора у фотографического аппарата. Поднялся ветерок и, несмотря на присутствие солнца, мы одеваем постепенно: сначала тёплые фуфайки, а потом и верхнее платье.

Гора, к которой мы шли с Русановым, находилась на противоположной стороне бухты, в пяти верстах расстояния от становища. Часов в пять мы подошли к подошве и начали восхождение на эту гору, на вершину которой ещё никогда не ступала нога человека.

Начало подъёма по крутым каменистым осыпям я одолел с большим трудом, не раз думая отказаться от тяжёлого подъёма, но каждый раз

был останавливаем своим компаньоном, который за своё тоекратное путешествие на Новую Землю был более привычен к горам¹. Вторая половина подъёма по хаосу навороченных друг на друга огромных камней была более отлога.

К восьми часам вечера порядочно утомлённым, не столько подъёмом, сколько страшно сильным ветром, мешавшим идти, мы достигли горы, находящейся на высоте 3500 футов над уровнем моря.

Далеко внизу под нами тянется извилинами Незнаемый залив с его горами, постепенно переходящими ближе к морю в пологие террасы. Вот, напротив нас — дивный по красоте ледник спускается своей фронтальной морёной к самому заливу. Чёрные верхушки запорошенных снегом гор рвутся ввысь из его мощных объятий. А сам он лежит, величаво раскинувшись, заполнив своей ледяной массой всё свободное пространство меж гор. Словно морщины, избороздили его широкие трещины...

Величественная картина!..

А там, впереди, широко раскинулось приволье студёного Карского моря с его постоянными льдами и полярным холодом. Вдали видно много льда. Весь вход в Незнаемый залив почти забит льдом...

Показался, вынырнув из пучины Карского моря, багрово-красный месяц и кровавой дорогой отразился меж льдин...

Дивная картина полярной природы!..

Угрюмая, мрачная красота её чарует своей девственной прелестью...

Внутри острова уходят одна за другой милые горы и высятся повсюду, куда глаз хватает, своими острыми вершинами с белыми боками глетчеров...

Поставили с Русановым на вершине небольшой гурий, выпили на брудершафт по глотку рома и, что уже совсем роскошь, закусили крошечным кусочком шоколада, конфетой и винной ягодой, оказавшимися в сумке запасливого Русанова, братски разделив на равные части этот десерт.

На спуске нас захватила ночь. Я до сих пор удивляюсь, как мы тогда не переломали себе ног, спускаясь по крутизне каменистых осыпей. Вырывались из-под ног камни и глухо катились вниз в какую-то жуткую

¹ Кроме того, Русанов путешествовал в горах Швейцарии и Кавказа. Положим, что в горах последнего и мне самому приходилось бывать (я однажды прожил целое лето на Кавказе), но мне никогда там не случалось предпринимать больших восхождений.

чёрную бездну... Бесконечно уставшие, мы шли к нашей палатке берегом бухты. Сильные порывы ветра заставили нас с боем делать каждый шаг. По временам шёл дождь и резкими ударами бил по лицу. Грозно рокотало невидимое в темноте, но близкое море...

Оба усталые, мокрые — мы шли и мечтали вслух о ярком костре, о вкусной оленине, которую должен привезти Санко, о чае с лимоном и, разумеется, в прикуску, ибо мечтать о чае в накладку было бы высшим дерзновением... С завистью думали о тех счастливых людях, которые могут сейчас находиться в тёплых домах, могут есть хлеб, калачи, масло, сыр, колбасу... Все самые простые вещи, о которых в обычной жизни даже не думаешь, для нас казались в то время идеалом комфорта и гастрономии.

Дождь отчасти перестал, что дало возможность вскипятить воду для чая, разведя огонь за скалой от крепкого восточного ветра.

Проснулся Санко, лежавший под скалой.

— Ну, что, Санко, давно пришёл?

— Тавно...

— Привёз оленя?

— Нету оленя... Вот, пумаска есть... и, недовольно сопя носом, он подаёт мне вырванный из записной книжки помятый листок.

Близко наклонившись к костру, читаю Русанову неразборчиво, второпях написанную записку. Пишут нам Крамер и Лоренц, что на пути в Крестовую они пришли к тому месту, где был убит олень, и оставленного там мяса и солонины не нашли — всё съедено белым медведем, следы которого указал Тыко.

— Однако сюрприз!..

— Теперь мы, значит, остались совсем без провизии...

Плохо дело.

— Солонина-то, чёрт с ней, а вот оленины жалко, — задумчиво говорит Русанов.

— Воображаю, какая жажда мучит теперь медведя после нашей солонины! Бедняга совсем обопьётся... Забрались в палатку. Намёрзнув и намокнув, с необыкновенным аппетитом пьём горячий чай, экономно откусывая от крошечного кусочка сахара. Сахар мы давно разделили, и каждый носит свой пай в кармане. Расходовать его приходится очень бережно, чтоб хватило запаса ещё на неделю. Русанов изобрёл особую методу экономного чаепития. Откусив маленький кусочек, он пьёт чай

с сахаром, а потом делает три поспешных глотка «с воспоминаниями о сахаре» и т. д.

За ночь крепкий «восток» перешёл в сильнейший шторм...

21-го августа. Выползти из-под намокшей палатки нечего и думать. Палатка стоит отверстием к ветру и, если отстегнуть входное отверстие, то палатка будет неминуемо сорвана и унесена в море¹.

Творилось что-то невероятное... Я никогда не переживал подобного. Тысячами голосов стонало взбушевавшееся море и с грохотом билось о скалы. Выл и ревел ураган... Мелкие камешки, подхваченные вихрем, словно дождём, сыпали по натянутой парусине палатки...

Боимся за целостность нашей палатки, которую рвёт и треплет ветер страшными порывами. Возможно, что она не выдержит, и тогда её унесёт в море. Приготовили ножи, чтобы при крушении палатки самих не унесло вместе с ней (палатка была с дном, и мы лежали в ней, как в мешке). Тоскливо тянутся долгие часы... Хочется чаю, хочется есть, но об этом возможно лишь только мечтать, выжидая, когда этот ужасный шторм ослабеет. Закусили крошечной порцией консервированного поросёнка, чтобы слегка обмануть мучивший нас голод, и терпеливо лежим, с тревогой прислушиваясь к завыванию бури и гневному ропоту моря. Русанов, вспоминая прошлогоднюю французскую экспедицию, рассказывает, что им пришлось однажды пролежать трое суток под развалинами упавшей палатки. Сильны ветра на Новой Земле. Непогоды здесь ужасны!..

Палатка с хлопаньем парусины ходит ходуном.

Барабанит дождь...

Скучно...

Непогода, продержав нас целые сутки в осадном положении, к ночи миновала. Полный штиль... Тихо, тепло... Вышел месяц...

Сильным штормом нагнало в залив множество льда, выкинув некоторые льдины на берег. Как красивы эти зеленоватые громады льда, озарённые призрачным лунным сиянием! Спешим воспользоваться затишьем и пообедать горячим хоть раз за полтора суток. Весело потрескивает костёр. Варим суп из чаек, убитых вчера Санко.

А наш Санко весь шторм пролежал под скалой.

¹ Мы стояли станом на узком перешейке полуострова.

— Сарю янгу¹, ветер янгу... Хоросо...

22-ое августа. Туманный пасмурный день. Всё тот же «восток», но значительно слабее. Холодно...

Пользуюсь временным прояснением тумана и фотографирую наш залив, забитый льдом.

Сгустился туман... Моросит дождь... Об экскурсии в Чекин залив, видно, приходится совсем отложить попечение.

Санко привёз на собаках убитую и выброшенную морем на противоположной стороне бухты, большую нерпу. Собаки, значит, опять сыты, а в нашем распоряжении есть две чайки — жить можно, голодать не придётся. Сахару только не хватило. Осталось всего лишь два кусочка до крайности загрязнённых и замусоленных

Трижды стрелял по гагам, собирающимся к отлёту, но неудачно, — далеко, да и волны мешали правильно выцелить.

Русанов ушёл собирать свои ископаемые. Моросит дождь... На охоту идти нельзя — сильный туман. Коротая время с Санко под нависшей скалой, у костра.

— Ну, что, Санай, теперь собакам хорошо? Нерпа есть, сыты.

— Хоросо...

— А чем вы дома собак кормите?

— Тосе нерпа...

— Много их бьёте в Маточкином Шаре?

— Я симой тритсать стук один день убил!

— Ого!.. Здорово!.. А медведей сколько убил?

— Я симой не хотел — собаки не были...

— А за кем же зимой охотился? Песцов бил?

— Сетыре... Оленей же двадцать один убил — добавил после некоторого раздумья угрюмый самоед.

Сердито зашипел и заплевался вскипевший чайник. Снимаю его с костра и идём с Санаем в палатку.

Санко наливает себе в жестянку из-под консервов, которой он заменил кружку, и сосредоточенно принимается за чаепитие, поглядывая на меня хитро прищуренными глазками. Самоеду, видимо, хочется что-то сказать мне, но он не решается... Наконец со вздохом нарушил молчание...

¹ Дождя нет.

Льды Карского моря в Незнаемом заливе.

— Носык потерял...

— А-а — равнодушно подаю я реплику.

— Теперь носыка нету...

— Жаль!

— Когда прослый гот франсузы поехали... Константину русьё пода-
рили...

— Так!.. Добрые...

Я уже догадался к чему подъезжает самоед, но делаю вид, что не по-
нимаю. Мне интересно было посмотреть, как самоед подойдёт к щекот-
ливому вопросу.

Самоед замялся и тяжело сопит носом.

— Отдай мне твой носык!.. Подари!

Снимаю с пояса финский ножик и отдаю Санко. Самоед очень дово-
лен подарком, рожa сияет от восторга. Этим я подкупил дикаря и с тех
пор Санай почувствовал ко мне большое расположение. Его благосклон-
ность простёрлась даже до того, что он стал сам вступать со мной в раз-
говоры, что и доказал немедленно.

— Тавно... Тва гота ус. Пыли мы этой гупе с товарисси... Три медведя убили...

— Долго жили?

— Тва месяца... Одно время совсем худо было. Три тня голодны были, нисево не ели... потом оленя убили...

— А в какое время здесь были?

— Не снаю...

— В каком месяце здесь жили?

— Не снаю каком. Солнце ус был.

— Ага! Значит в феврале - в марте.

— Симой опять путём нерпу убивать, только холодно...

— А что, зимой разве большие холода бывают?

— Нет, не осень. Только ветер большой, с ног сбивает... Молчание.

— Скучно, Санай! Расскажи-ка сказку или песню спой!

— Не снаю...

— Как, поди, не знаешь! Ну, Расскажи хоть, что знаешь! Про охоту Расскажи...

— Не снаю. Не умею я...

Утомившись непривычно продолжительным для него разговором, самоед ползёт на животе вон из палатки, задевая мокрой от дождя малицей за края полотнища.

Чисто осенний мелкий дождичек зарядил, по-видимому, надолго.

Минуло короткое полярное лето, осень подкралась совсем незаметно. Поблекли и пожелтели редкие оазисы травки и багряно-красные стоят леса, если так можно выразиться про новоземельскую иву (*Salix polaris*). Вернее, не стоят, а ползут и стелются по земле деревья, которым нередко сто лет и более. Леса, по которым вы шагаете, как сказочный богатырь Илья Муромец, выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего. Настала осень...

Сыро, холодно... Туман закрыл всё вокруг.

Барабанит без умолку дождь в натянутую парусину палатки. В палатке тоже сыро, все вещи отсырели и намокли...

Вечереет...

В палатке становится темно.

Сегодня суббота... На всей Руси, по всему её широкому простору, везде, во всех церквях идёт теперь всенощная. Как я, бывало, в детстве любил субботу! Кончена неделя. Худо ли, хорошо ли, но окончены за неделю уроки. Впереди праздник... Любил и таинственный полумрак

храма, и величавую службу. Детское ясно-отрадное чувство!.. Где оно теперь?.. Сгладилось, пропало... Осталось лишь воспоминание о чём-то чистом, прекрасном... А субботние вечера, которые коротал я за книжкой любимого автора?.. Минуло всё безвозвратно...

Невольно вспоминается дом, близкие... Тёплая комната, приветливый свет лампы...

Где вы, мои милые, дорогие?.. Сидя в уютной комнате, не вспоминаете ли теперь обо мне, бросив взгляд в тёмное окно, за которым бушует непогода, стучит в стёкла дождь? У вас светло и тепло, шумит и поёт на столе самовар свою милую песенку... А здесь?.. Затерянные на безлюдьи пустынного острова, окружённые полярными льдами... Здесь шумит и бурлит суровое Карское море. Завывает «восток», треплет намокшее полотнище палатки и без конца льётся надоедливый осенний дождь. За скалой, недалеко от нас, самоед мурлычет себе под нос заунывную, монотонную песню. Тяжело дышит и стонет вблизи палатки умирающий Хаси...

Сыро, темно...

Холодно в намокшей одежде...

Русанов за работой в Незнаемом заливе.

23-е августа. Ночью поколел наш Хаси...

Тоскливо воет, привязанный к нартам, близ трупа, Отóтчэ, угрюмый белый пёс с коричневыми пятнами. Ему в унисон вторит ласковый Пу-тул... Если сюда прибавить вой ветра, дикие вскрикивания и хохот гагар на противоположной стороне залива, то получается какая-то печальная какофония...

Мрачные, тёмно-свинцовые тучи бегут в вышине над нами, задевая своими грязными лохмотьями снежно-белые вершины гор...

Утро серое, пасмурное и холодное...

Русанов с четырёх часов утра ушёл за своими ископаемыми, спеша воспользоваться последним днём нашего пребывания на Карской стороне, чтоб набрать возможно полную коллекцию из лучших экземпляров.

— Пойдём, Санай, на охоту!

Самоед лениво ёжится под своей насквозь просаленной малицей.

— Нет! Не хосю... Пули нету. Только тва патрон осталось...

Закидываю за плечи свой пятизарядный Винчестер и ухожу один. Иду той же долиной, по которой мы шли к Незнаемому заливу, но иду выше, склонами гор.

Погода разгуливается. Небо прояснело и выглянуло яркое солнце...

Много и долго колесил я по долинам и склонам гор в тщетных поисках оленей. За весь день не встретил никакой живности. Под вечер усталый вернулся в становище.

Русанов, покончивший наконец с холмом, где он искал своих ископаемых, зовёт меня идти вместе с ним по таинственному леднику, который спускается в Незнаемый залив, в том самом месте, где Пахтусовым¹ при съёмке показана на карте несуществующая теперь бухта. Не мог же этот энергичный и дельный исследователь полярных стран так ошибиться, тем более, что весь Незнаемый залив, во всех деталях показан им на карте безукоризненно точно. И, если он не ошибся, и та таинственная бухта семьдесят лет тому назад существовала, то, следовательно, она погребена теперь под ледником. А раз это так, то этим ледником решается вопрос большой научной важности.

Я слишком устал и отказываюсь сопровождать Русанову в этой экскурсии.

¹ Первым посетил Незнаемый залив штурманский поручик Пахтусов летом 1833 года, начальник экспедиции для исследования восточных берегов Новой Земли, снаряжённой на средства архангельского купца Брандта в 1832 году.

Стемнело...

Сижу с Санко под скалой и рассказываю этому сыну природы о больших городах, о громадных домах и иной жизни, такой далёкой от жизни природы.

Над ярко горящим костром висит котелок, прикреплённый к трещине в скале, и в нём аппетитно булькает поспевающий к ужину суп из чаек.

Санко мечтает после хорошего удачного промысла побывать в Архангельске.

Наша мирная беседа у костра изредка прерывается грызнёй и дракой собак, которые всё ещё работают над остатками нерпы.

Чу! вон опять разодрались... Здоровенный Мешок (вожак) подмял под себя молодого лисого Тюню и немилосердно треплет его.

— Грр-ить!!! Месок!..

Спускающийся ледник на южном берегу Незнаемого залива.

Самоед вскакивает и с диким криком бросается к Мешку... Раз! Свистнул брошенный стальной полоз... Резким диссонансом ворвались в тишину ночную стенания и завывания больно побитого Мешка, и долго разбуженное горное эхо повторяло на все лады уши режущие звуки. За-

мерли последние отголоски в горах и снова воцарилась величавая тишина. Лишь неугомонные волны морские шепчут свои сказки, да изредка льдины сталкиваются тихонько друг с другом и тогда слышится лёгкий стеклянный звон.

Полярная полночь медленно плывёт над далёким островом, закрывая своим сумеречным пологом молчаливые тихие горы и синие глетчеры.

Тишина пустыни...

— Смотри насад! Свет... Не снаю я, как по-русски насывается...

Я быстро обернулся назад и увидел северное сияние. Сполохи играли в западной части неба.

— Санко, почему северное сияние на западе?

— Это к хоросой покоте.

— Странно... Почему оно не на севере?

— На севере к худой покоте. Оно у нас весде пывает. И там, и тут и стесь... на всё небо... Симой хоросо пывает... Светло...

24-ое августа. Вопреки предсказанию Санко, сияние на западе обмануло: почти весь день дождь. Хотели было ехать сегодня обратно в Крестовую, но пришлось отложить отъезд на завтра. Очень много времени отняла у Русанова разборка его ископаемых и упаковка от поломки в паклю каждого отдельного экземпляра. Всю собранную коллекцию увезти было тяжело, приходилось брать только самые лучшие экземпляры, а остальное бросать. Жаль было оставлять, но что же сделать. Великолепными ортосерасами и сиртосерасами, которые могли бы составить украшение любой геологической коллекции, Санко швырял в собак.

Доели последнюю крупу и последних чаёк.

Собаки покончили со своей нерпой. Более у нас съестного ничего не остаётся, не считая пары сырых солёных гольцов на дорогу.

25-ое августа. Серенькая дождливая погода...

В половине десятого мы тронулись в путь и шли безостановочно весь день до позднего вечера, до тех пор, пока не перестали различать камни под ногами.

К вечеру дождь усилился...

Порядком утомлённые тридцативёрстным переходом, к девяти часам вечера мы остановились на ночлег в том самом месте, где делали днёвку, когда шли вперёд.

Окончен тяжёлый переход.

Собаки лежат, где остановились. Ни шагу дальше — измучились бедняги...

Невольно пожалеешь и совсем с другим чувством, чем прежде, смотришь на собак во время перехода. Это уже не надоедливая псовая команда, в которую поминутно запускаешь камнем, научившись этому искусству у самоедов, — а милые друзья. Надо их видеть, когда они с натугой тянут нарту по большой каменистой россыпи или когда с визгом, задыхаясь от тяжести, втаскивают нарту на гору. Надо видеть их каторжный труд, а увидав, невольно оценишь старанье одиннадцати смышлёных собак.

Ледник альпийского типа в Южной долине.

Промокшие, уставшие, мы поставили палатку и тотчас улеглись спать, закусив сырым гольцом. Вместо чая — вода. Великолепная чистая вода из речки, но тем не менее всё же... вода. Помечтали с Русановым о горячем чае, о разных вкусных вещах, о ярком костре, у которого можно бы было обсушиться, и крепко уснули.

За ночь разгулялись силы небесные. Страшные порывы ветра сотрясали нашу палатку, пытаюсь сорвать её и пустить по ветру... И дождь, дождь без конца. Надоедливый осенний дождь... Но пусть бушует суровый «восток», пусть льётся дождь, — хорошо спится с усталости. Очень тесно троим в крошечной палатке, но зато тепло и уютно.

26-ое августа. Шторм.

Худо в такую погоду на море, но не радость и в горах. Сняли нашу намокшую палатку, которую рвали порывы ветра, и мы еле удерживали в руках. Собрались под дождём и двинулись дальше.

Холодно, мокро...

Порывами ветра сбивает с ног.

Тяжёл путь по размытым дождями глинистым пригоркам. Скверно на переходах через бушующие горные речки, переполненные от дождей. Сбивают с ног ревущие, пенистые волны, хлещет дождём. Мокнешь невольно и сверху, и снизу. Вдобавок ещё изношенная обувь. Мои нерпичьи подмётки отпали, и из правого сапога лезла наружу ступня. У моего товарища дело обстояло тоже не лучше: у него оторвались каблуки.

Тяжело достаётся нам этот переход.

С натугой дышат усталые собаки, остановившись для короткой передышки. Доедаем своего последнего гольца, разрезав его на три равные части. С завистью смотрят на нас голодные собаки... А дождь всё мочит и мочит нас. Я промок до пояса при переходе через быструю горную речку. Куртка намокла, хоть выжми. С шапки бегут за воротник и на лицо дождевые капли.

Надо идти. Встаём, и снова всё дальше и дальше. Низко, совсем низко, бегут над головой тёмные штормовые облака. Закрыты все горы... Впереди какая-то белесоватая муть. Всё кругом задёрнуто живой стенкой дождя. В ушах свистит ветер... Холодно... Мокро... Худо...

Завязли в глине нарты при подъёме на холм. Бьются с натугой собаки. Санко, сердитый на весь мир, хлещет их почём ни попало хореем. Воют жалобно бедные псы, надрываясь от непосильной тяжести.

Я подхожу к нему, с трудом вытаскивая ноги из размокшей вязкой глины, и безуспешно тащим с Санко увязшую нарту. Делать нечего, пришлось разгружать наши пожитки прямо в липкую грязь. Собаки с трудом вытащили пустые сани... Но близок уже конец нашего тяжёлого перехода. Вон шлюпка... Словно крылья вырастают за спиной... Вон вдали

виднеются — «Дмитрий Селунский», «Мира», вон чум, который соорудил из паруса и вёсел наш Тыко, посланный сюда Крамером нам навстречу. Весь мокрый я забрался в наскоро поставленную палатку и с жадностью набросился на чай и консервы. В палатке приветливо, шумит «Primus» и стелется пар от намокшей одежды. Тыко торопливо рассказывает все происшествия, случившиеся за время нашего пребывания на Карской стороне. Во время того сильного шторма, когда мы с Русановым отлёживались в палатке, буря наделала здесь порядочных бед. Разбило о камни наш бертон и выбросило на берег карбас, причём погибли все сухари и соль... А Русанова всё нету. Далеко где-то отстал товарищ...

С необыкновенным аппетитом кружка за кружкой пью чай и ем тушёное мясо, разогретое Тыко на «Примусе». Приятно закусить после полуголодного перехода, и согреться горячим чаем. Весь обратный переход, сорок две версты, мы сделали в шестнадцать с половиной часов, побив рекорд первой партии, которая пришла сюда в семнадцать часов.

Под вечер с грузом камней пришёл Русанов. Наш неутомимый геолог встретил интересные ископаемые и поэтому задержался, отстав от меня. Переехать через губу во время шторма, который свирепствовал с необыкновенной силой, нечего было и думать, нашу шлюпку сразу бы захлестнуло волнами. Приходилось сидеть у моря и ждать погоды.

Хуже той ночи, которую мы провели тогда, трудно себе представить! Крепкий ветер, дождь... Плохо натянутая палатка пропускала дождь целыми струями. Под нами вода. Все перемокли, но, несмотря на это, усталость дала себя знать, и мы спали, как убитые.

27-ое августа. В пять часов утра мы вылезли из палатки мокрые, продрогшие до костей и первым делом взялись за костёр. Плавник отсырел и костёр не разгорался. Находчивый Тыко быстро вышел из затруднительного положения, употребив на растопку наши нарты, поломанные во время дороги.

С лёгким попутным ветерком мы переехали губу и благополучно добрались до становища, снова беспощадно вымокнув под дождём. Господи, как хорошо и уютно показалось мне в нашем неприглядном прежде чуме. Чум после крошечной палатки кажется совсем просторным. Приветливо шумит «Primus» и наполняет чум приятным теплом. А с каким удовольствием я пил чай в накладку и с белыми сухарями...

Лоренц рассказывает, что они очень тревожились о нас, ожидая нашего возвращения на двадцать пятое и предполагая, что с нами что-нибудь случилось. Назавтра собирались идти нам навстречу. Во время аварии карбаса погибла, кроме сухарей, соли и прочего, вся наша орнитологическая коллекция, которая была запакована в ящики и, в предосторожение от любознательных псов, находилась в карбасе. Единственное, что выбросило нам море обратно — это бочку с солёными гольцами, а прочее всё пропало. А силён же должно быть был здесь шторм, если наш большой морской карбас, стоящий на двух якорях, залило волнами и вышвырнуло на берег, как щепку. Чум, укреплённый досками и камнями, отстоялся благополучно.

Крамер повествует о своём набеге на норвежцев. Оказывается, что норвежцы забрались в наше старое становище, в бухте Сосновского, выстроили себе там какую-то хибарку и съели наших гольцов, полбочки которых мы временно оставили там. Но это ещё не всё; они растаскали нашу геологическую коллекцию, а найденные нами медвежьи черепа и моржовые клыки взяли себе на память. Явившись туда, Крамер, в качестве начальника правительственной экспедиции, потребовал от них предъявления документа, разрешавшего им промысел на берегах Новой Земли. Разумеется, такового у них не оказалось. Норвежцы попросту хищничали, распоряжаясь на Новой Земле нашими природными богатствами, словно они находились не на русской территории, а где-нибудь у себя в Тромсе, пользуясь тем, что берега Новой Земли фактически не охраняются никаким русским военным судном. Уличённые в незаконном поступке, норвежцы пытались дать туманные объяснения законности своего пребывания на Новой Земле, указывая на своего штурмана, который будто бы имеет документ от русского консула в Вардэ г. Кошкина, и что они будто бы промышляют для какого-то русского колониста. Но всё это, разумеется, увёртки. В обеспечение предъявления документа норвежским штурманом, который находился, по их словам, в Архангельской губе, Крамер конфисковал у них ружьё, предложив за ним явиться в наше становище ихнему штурману и предъявить документ.

Население нашего чума убавилось на одного человека. Галахов после нашего отъезда на Карскую сторону перебрался на пильфельдовское судно и теперь живёт там.

Неутомимый Русанов, ходивший на экскурсию в Селунскую долину, встретил там редкостное обнажение четвертичных ледников и нашёл

залежи (пропластки) каменного угля. Следовательно, задачи экспедиции все закончены. Вечером в чуме при приятном свете свечки зашёл впервые разговор о возвращении...

28-ое августа. Настала осень. Глубокая осень... Грязь, слякоть и бесконечные дожди. Невесело жить в такую погоду в чуме, почти под открытым небом. Я должно быть простудился позапрошлой ночью, мне немножко нездоровится, и я сегодня остался в чуме с самоедами, после того как наши разбрелись кто куда.

Тыко сидит, поджав под себя ноги и рассказывает мне о своих охотах на белых медведей.

— Тыко, а у вас есть сказки про охоту?

— Есть.

— Какие?

— Про охота медведями...

— Расскажи, пожалуйста!

— Отец есть, мать есть, сенá есть, Учи имя его, — начинает припоминать Тыко самоедскую сказку.

— Есть у него десять тыссь оленей, десять сюмов, десять селовек народу работник... Богатый был.

Тут и сывут в одном месте, никуда не идут. Потом Учи подымался на охоту — белых медведей бить.

Отцу говорит:

— Я пойду на охоту, медведя убить.

Отец говорит:

— Немосно ехать!.. Олень у нас есть — промыслы не нусно. Который селовек нусно, нусные люди сами привезут: зайцов, нерпичью скуру тосе дают... Мы не нусдаемся!..

Ну, всё он хочет идти...

На другой день он тосе говорит:

— В одном месте сидеть я скучался.

Его отец говорит:

— Нонечна пора лёд всё ломается, нельзя ходить — помрёс...

Потом этот Учи стал оленей собирать. Оленей собрал, с сенóй уехали.

Сли почти неделя. Потом сyum поставили...

Он говорит:

— Савтра утром я пойду, один сыви...

Потом рано утром встал и поехал. Потом, два версты усёл, край моря пустился во льды. Во льду идёт, — такой высокий торос¹ стоит. Встал около тороса. Тут стоял, стоял, глядел везде... Вдруг белой медведь вскосил. Он за им туда, в перегоню. Олень колотил, олень бесал, почти три версты усол, не мосет настиг.

Новым тонким льдом упустился медведь, он за им, так сто, постисто, пять вёрст высло на море.

— Долсно быть не могу пастись... Далеко — нет, (с)трелять надо.

Потом (с)трелял и попал.

Убил.

Убил, тут подосол, стал скура снимать... Половину снимал, половина селой исё.

Вдруг горный² ветер задул, он испугался, оставил медведя, скорее обратно...

Идёт и идёт... У самого там тороса, где он раньсе стоял, оторвал лёд. Сириной пятнадцать сасень вода делался.

Весде он высмотрел. Пять вёрст или одна, никакой узкой места нету...

Потом лёд совсем оторвало и понесло.

Обратно воротился к медвежье мясо, думает: куда пойду? — Больсе никуда не мосно...

Мясо ел, сало ел, скуру ел. Сывёт в одном месте.

Лето делался...

Всё лето пловусих льдах ходит. Совсем мало лёд делался, растаял весь. Только сырины осталось сто сасень, длиной двести — его льдина, где он сил.

Потом он гласа закрыл и соснулся (заснул). Вот сидит, сидит, вдруг... лёд толкнулся. Голову поднял вверх — большой льдина стоит, совсем торосами. Этот льдину вскосил. Тут сывет... Осень стал, около сентября...

Одну сторону ветер пал, такой сильной. Касдый день один ветер. Туман... Пок(г)ода всё, никого не видать. Потом опять лесал, соснулся... Кольки времени он может быть спал, опять лёд столкнулся.

Туман просло всё, видно хоросо стало. Другу сторону глянул — там семля видать. Недалеко, версты три...

¹ Ледяная гора.

² Береговой.

Туда посол, кой-как добрался на семлю, потом на дорогу идёт, по лыжнице посол, недалеко сям стоит. Досол, в сям засол — один женсин сидит, тевка. Котёл варил. Кормил Учи.

Мясо съел, недолго сидел, приехал мусык.

Этот мусык говорит:

— Ты откуда стесь попал?

Учи говорит:

— Всё в море я плавал, в пловусих льдах...

Этот мусык говорит:

— Твой имя какой будет?

Учи говорит:

— Учи.

— Имя Учи, я слышал. Снаю. Отес твой видал, прослой год весной.

Потом ночь ночевал, савтра встали. Учи говорит:

— Не свезёшь ли меня своему (моему) отсу.

Этот мусык говорит:

— Пятьдесят оленей дась, так увесу тебя.

Тогда он (Учи) сказал:

— Не тосько пятьдесят, я пятьсот оленей тебе могу дать!

Мусык этот согласился.

На другой день поехали. Поехали, пости три месяца просло. Досли города Обдорска, — отес его тут. Отес это говорит:

— Искал тебя весной, искал всё лето, не мог найти...

Этому мусыку дали пятьсот оленей...

— Конес! — неожиданно заканчивает Тыко, — вся скаска.

— Да, опасны ваши промыслы...

— Далеко в море уйдёс са медведями — готов будес, — задумчиво качая своей нечёсаной косматой головой, подтверждает самоед.

Сгустились сумерки... В чуме стало темно...

Я зажёг свечку. Приветливый огонёк осветил наш убогий чум, заваленный шкурами, малицами и одеждой. С одной стороны нами устроен стол — некий намёк на комфорт и удобство. Толстая доска положена одним концом на большой ящик с астролябией и теодолитом, а другим на бочонок с остатками прогорклого масла. Близ стенок чума в беспорядке навалены кое-какие вещи, ружья засунуты за жерди чума. Вверху, вместо люстры, свесились мои носки, пыжиковая шапка, липты, повешенные для просушки.

— Костёр надо делать, уху из гольца варить, — прерывает Тыко наступившее молчание.

Извиваясь на животе, самоед ползёт вон через низкое отверстие чума.

На улице сыро, туманно...

Крамер и Лоренц с полудня уехали на «Дмитрия Селунского» и «Миру» для «дипломатических переговоров». Возможно, что Демидов, капитан «Миры», увезёт нас в Маточкин Шар, тем более, что ему всё равно нужно идти в Маточкин Шар за оставленными там промышленниками и, вероятно, отвезти туда попутно экспедицию его не должно затруднить. Что касается капитана «Дмитрия Селунского», то он, несмотря на приказание Масленникова, совершенно отказывается везти нас в Шар на судне. Как-то нехотя предлагает нас довезти до Матюшихи, а дальше пробуксировать на «Бычке». Маленький моторчик с трудом буксирует один карбасок.

А что будет, если мы прицепим свой громадный, тяжело загруженный карбас и шлюпку с бертоном. Может быть при полном штиле «Бычок» и справился бы с этой задачей, но если поднимется ветер, не говоря уже о возможном шторме, которые здесь осенью постоянны. Расстояние немаленькое, — пятьдесят вёрст. При большой океанской волне, моторчику ни за что не справиться с такой задачей. А если налетит шторм, то к берегу не пристанешь: отвесными стенами высятся новоземельские прибрежные скалы... Возможна и другая картина: «Дмитрий Селунский» привезёт нас в Матюшиху. Будет ветер, на моторчике идти в Шар будет немыслимо. Тогда что же? Конечно капитан не будет пережидать время и стоять в Матюшихе, и преспокойнейшим образом уйдёт, оставив нас на произвол судьбы. От Матюшихи до Шара не так далеко, мы легко пройдём пешком это расстояние, но как тогда попасть через пролив¹? Разводить костры и огнём сигнализировать о переправе? А что, если не увидят? Или ещё проще, — будет стоять обычный здесь для осени туман? Выбирать не из чего. Остаётся одно — просить капитана пильфельдовского судна доставить нас в Шар, а если он не возьмётся, то ждать здесь прихода «Ольги» во второй половине сентября, которая, не найдя нас в Маточкином Шару, должна прийти сюда на поиски экспедиции. Оба стоящие здесь судна уходят в первых числах сентября... С одной

¹ Пролив против становища Маточкин Шар имеет ширину от 10 до 15 вёрст.

стороны — Маточкин Шар, тёплый Борисовский дом в становище, общество¹, с другой — прозябание здесь в чуме в течение трёх с лишним недель под дождём, в холоде и сырости угрюмой новоземельской осени, отсутствие провианта.

Илья, уроженец Новой Земли и хорошо знакомый со своей суровой родиной, предсказывает скорое наступление холодов и снег. Близка новоземельская зима с её ужасающим «востоком». Пора наостривать лыжи и удирать отсюда...

Методично барабанит дождь по полотнищу чума... В низкое отверстие входа видна серая липкая грязь, через которую положена доска и, выбираясь ползком из нашего логова волей-неволей приходишь в нежелательное, но довольно близкое соприкосновение с нею.

В чуме сыро и холодно...

Слышится неумолкаемый рокот близкого моря и треск разведённого самоедами костра...

Пришёл Русанов, ходивший на экскурсию в Крестовую (Северную) долину. Вернулись и Крамер с Лоренцом. «Дипломатические переговоры» не привели наше «начальство» к какому-либо окончательному решению, и вопрос пока оставался открытым.

Ночью было довольно ясно и нам удалось наблюдать оригинальное северное сияние. Сияние было в зените. Над головой вспыхивала зеленая дуга с сильной концентрацией света в концах и по ней бежали колеблющиеся световые волны. Картина фееричная!.. Свет от сияния был бы ещё сильнее, если б не было луны.

[На этом публикация по неизвестной причине была прекращена.]

OCR Андрей Дуглас, 2025 г.

Напечатано в «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», 1910 г. №16, 18–23; 1911 г. №14, 17, 19.

Александр Александрович Быков (1881-1930) — архангельский купец, гласный архангельской Городской думы, фотограф-любитель, путешественник, участник экспедиции Ю.Крамера и В.Русанова на Новую Землю в 1909 году. Расстрелян в 1930 году.

¹ В Маточкином Шару оставались: И.А. Симановский, С.С. Кандурушкин и Вышемирский с г. Мюллером.